

25 октября
...аменами, фигама, ф...
Гудят воды: от грохота
барабанов, онет, дрожат
...от...
градских
было сказать, что зву...
...жестким недом, разд...
...югилва...
...ого то, что наши про...
...де звук...
...иеры стараются совершенно не...
...иеры по...

ПОЛИТИКА СЕМЬИ И ДЕТСТВА

Судьба
традиционной семьи

Главным направлением дея-
тельности этих государств
...нужна стать

Родители в Америке тоскуют по
временам, когда детей можно было
воспитывать не столько

В современной демографичес-
кой ситуации...
...от

От правиль-
воспитания

В ПОСТСОЦИАЛИЗМЕ

библиотека

Г Журнала
Исследований
Социальной
Л Политики]

ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ПОЛИТИКА СЕМЬИ И ДЕТСТВА В ПОСТСОЦИАЛИЗМЕ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Под редакцией
Виктории Шмидт, Елены Ярской-Смирновой
Жанны Черновой

Москва
2014

Рецензенты:

доктор философских наук профессор О.М. Здравомыслова
доктор социологических наук профессор Н.И. Ловцова

П50 Политика семьи и детства в постсоциализме: коллектив. моногр. / под ред. В. Шмидт, Е. Ярской-Смирновой, Ж. Черновой (Библиотека «Журнала исследований социальной политики»). М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2014.
ISBN 978-5-00080-003-4

Книга представляет современные тенденции в изучении политики семьи и детства, в том числе интеграцию различных методологий в комплексную платформу исследования. Авторы последовательно развивают аргументацию в пользу совмещения институционального анализа и анализа дискурсов как основы для столь востребованной ревизии подходов к изучению фактора советского прошлого и актуального состояния политики поддержки семьи и защиты детства. Включенные в монографию кейсы семейной и демографической политики и защиты детей на постсоциалистическом пространстве апробируют различные методологические схемы для решения этой задачи и соотносят как локальные и международные контексты, так и сферу политики с повседневными практиками семейной жизни. Монография будет интересна исследователям семейной политики и защиты детства, а также тем, кто разрабатывает проблематику социалистического наследия и анализирует его значение для современной социальной политики. Дискуссии о методологических основаниях исследований семьи и детства, содержащиеся в книге, могут стать существенным подспорьем для преподавателей в поддержке критического мышления студентов.

ISBN 978-5-00080-003-4

© Коллектив авторов, 2014
© ЦСПГИ, 2014
© ООО «Вариант», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие..... 7

I. Исследования политики семьи и детства: перезагрузка матрицы

Обреченные на турбулентность: идеи и институты
защиты детей на постсоветском пространстве..... 13

Виктория Шмидт

Гендерная культура и институциональный дизайн
как матрица исследования семейной политики..... 36

Жанна Чернова

Преобразования и преемственность
современной семейной политики..... 53

Маргитта Матцке, Илона Остнер

Благополучие и неблагополучие в концептуальном
аппарате семейной политики и защиты детства
в современной России..... 72

*Елена Ярская-Смирнова, Павел Романов,
Виктория Антонова, Светлана Бирюкова*

II. Государство и семья в пространстве постсоциализма: назад в будущее

Реванш истории: институциональные корни
семейной политики в посткоммунистических странах:
Чешской Республике, Венгрии и Польше..... 99

Хана Хашкова, Стивен Саксонберг

Демографический кризис vs. гендерное равенство:
что институт семьи расскажет о политике
беларусского государства..... 124

Ирина Соломатина

Семейно-демографическая политика
в Республике Казахстан: официальный дискурс
и повседневные практики..... 143
Татьяна Резвушкина

Модернизация государственной семейной политики
в современной России: (экстра)ординарный поворот
к пронатализму..... 169
Анна Гнедаш

III. Охрана детства как политический проект: новые стратегии и факторы риска

Защита прав детей в Республике Беларусь:
инструмент социально-политического контроля..... 187
Татьяна Щурко

О преодолении рисков социальной исключенности
детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей,
в современной России..... 210
Алла Тындик, Светлана Бирюкова

Новая «дивная» защита детей: международные регуляции
и рутинные практики в Азербайджане..... 228
Муницр Маммададе, Виктория Шмидт

Неформальная опека: (не)признанная стратегия
совладания с рисками миграции в Литве..... 246
Ирена Лелиюгиене, Ангеле Каушилиене

В поисках стратегии защиты детей в Кыргызстане:
глокализация роли местного самоуправления..... 262
Рахат Орозова, Виктория Шмидт

Информация об авторах.....281

FAMILY AND CHILDHOOD POLICIES IN POST-SOCIALISM

Edited by Victoria Shmidt, Elena Iarskaia-Smirnova,
Zhanna Chernova

Moscow: Variant, Center for Social Policy and Gender Studies, 2014

Table of contents

Foreword.....	7
I. Family and childhood policy studies: the matrix reloaded	
Sentenced to turbulence: ideas and institutions of child protection in post-Soviet space.....	13
<i>Victoria Shmidt</i>	
Gender culture and institutional design as a matrix for family policy studies.....	36
<i>Zhanna Chernova</i>	
Change and continuity in recent family policies.....	53
<i>Margitta Mätzke, Ilona Ostner</i>	
Well-being and ill-being in the conceptual framework of family policy and child protection in contemporary Russia.....	72
<i>Elena Iarskaia-Smirnova, Pavel Romanov, Victoria Antonova, Svetlana Biryukova</i>	
II. State and family in post-socialist space: values and institutions of conservative modernization or back to future	
The revenge of history: the institutional roots to post-communist family policy in the Czech Republic, Hungary and Poland.....	99
<i>Hana Hašková, Steven Saxonberg</i>	

Demographic crisis vs. gender equality:
what does the institution of family tell
of the state policy in Belarus..... 124
Irina Solomatina

Family policy and population policy
in the Republic of Kazakhstan: official discourse
and routine practices..... 143
Tatyana Rezvushkina

State family policy modernization in contemporary Russia:
(extra)ordinary turn to pronatalism..... 169
Anna Gnedash

III. Child protection as a political project: new strategies and risk factors

Child protection in Belarus: the toolkit of social control..... 187
Tatsiana Shchurko

Risks of social exclusion regarding orphans
and children without parental care
in contemporary Russia and options for its prevention..... 210
Alla Tyndik, Sveltana Biryukova

Brave new child protection: international regulations
and routine practices in contemporary Azerbaijan..... 228
Munir Mammadzade, Victoria Shmidt

Informal kinship care for children in Lithuania:
unrecognized strategy of coping
with migration risks and challenges..... 246
Irena Leliugiene, Anžele Kaušlyienė

In search of strategies for protecting children:
the localisation of local governance in Kyrgyzstan..... 262
Rahat Orozova

Information about authors..... 281

Предисловие

Вопросы семьи и детства в странах постсоциализма сегодня на слуху в первую очередь благодаря разнообразным кампаниям в пользу тех или иных политических решений: вспомним дебаты по поводу материнского капитала, той или иной формы семейного устройства детей-сирот, ужесточения мер против недобросовестных родителей. И хотя трудно обнаружить страну, публичные деятели которой не обращались к подобным темам с целью укрепить свой статус, на постсоветском пространстве разрыв между политическим капиталом темы семьи и недостатком системного академического внимания особенно заметен. Очевидный политический популизм не всегда уравнивается вдумчивым и многоуровневым анализом, который бы становился источником критического и рефлексивного отношения к инициативам власти, международных организаций, той политики «снизу», которая нередко становится решающей для достижения баланса интересов разных акторов в столь комплексной и конфликтной сфере, как семья и детство.

Одним из условий преодоления фрагментарности академических подходов к проблеме семьи и детства на постсоветском пространстве становится более вдумчивое отношение к ретроспективе социальной политики, к тому, как прошлое обуславливает современные тенденции и подходы, а также к тому, какие возможности и риски для будущего продуцируются проводимой политикой. Несомненно, такой анализ предполагает переоценку социалистического «наследства». Пересматривая прошлое, рефлексирова источники упрощений и пробелов, исследователи задумываются над тем, каких данных и методов не хватает, как определиться с сильными и слабыми сторонами применения существующей подходов, применяемых к анализу ситуации в развитых странах или странах Восточной Европы, какие представления и принятые приемы анализа продолжают влиять на производимое научное знание о семье, детстве, родительстве.

Предисловие

Мы полагаем, что однозначное и стереотипное понимание исторического наследия ведет к упрощенному анализу актуального состояния политики в отношении семьи и детства. Для более последовательного понимания того, как следует улучшать политику семьи и детства, по-видимому, следует осуществлять более глубокий пересмотр прошлого – как советского, так и постсоветского периода. Эта монография представляет опыт такой рефлексии. Авторы из разных стран предпринимают критический анализ вклада советского и постсоветского периодов политики в сфере семьи и детства в современную ситуацию, рассматривая ее в международном контексте, и выстраивают основания для экспертных оценок. Разнообразие подходов, приведенных в книге, становится одной из перспектив трансфера представленного опыта осмысления постсоветской политики в отношении семьи и детства на другие проблемы социальной сферы. Монография состоит из трех разделов, последовательно раскрывающих программу исследования, начиная с теоретико-методологических подходов к сравнительным исследованиям семейной политики и представляя результаты аналитических кейс-стади политики в отношении семьи и детства на постсоветском пространстве.

Первый раздел посвящен обоснованию методологии анализа семейной политики. Виктория Шмидт концентрируется на соотношении идей и институтов как структурной единице анализа защиты детства на постсоветском пространстве. Определяя защиту детей как инструмент разрешения конфликта между автономией семьи и безопасностью ребенка, автор демонстрирует специфические характеристики советской защиты детей и показывает ее вклад в современную политику и практику вмешательства в дела семьи. Следующие главы раздела представляют варианты типизации разнообразия подходов в изучении семейной политики. У Жанны Черновой соотнесение идей гендерной культуры и институционального дизайна нацелено на критический анализ модели кормильца, которая столь ощутима в современном публичном дискурсе российской политики, Илона Остнер и Маргарет Матцке проанализировали сильные и слабые стороны различных исследовательских стратегий относительно многообразия семейной политики в странах Западной Европы. Елена Ярская-Смирнова, Павел Романов, Виктория Антонова и Светлана Бирюкова сфокусировались на анализе коммуникативных дискурсов относительно семьи и детства, которые задают измерение политики охраны детства в современной России. Авторы сопоставляют подход на основе концепта «неблагополучие», получившего распространение в публичной сфере постсоветских стран, с другими системами оценки действенности политики в сфере детства. Первый раздел задает тон последующей дискуссии о возможностях и результатах применения

теоретических конструкций, разработанных с целью объяснения семейной политики стран Запада при изучении постсоветского пространства.

Следующий раздел содержит четыре кейс-стади, которые репрезентируют как разные страны, так и разные методологические подходы к анализу политики поддержки семьи. Пример модификации западных подходов представлен в работе Ханны Хашковой и Стивена Саксонберга, последовательно применяющих комплекс методик сравнительного исторического исследования к проблеме дошкольного образования в странах Вышеграда. Соотнесение политической воли и экономических ограничений оказывается в центре исследования институциональных предпосылок семейной политики Венгрии, Польши и Чехии. Этот текст показывает возможности комплексного институционального анализа, который делает изучение зависимости и отличий от предшествующего развития одной из основных стратегий исторического исследования. Ирина Соломатина проводит дискурс-анализ публичных высказываний политиков и анализ статистических данных относительно гендерной политики, чтобы выявить векторы семейной политики белорусского государства и ее движущие силы. Сходную задачу, но в отношении другой страны решает Татьяна Резвушкина. Автор анализирует три сферы, генерирующие дискурсы относительно материнства, – политическую, академическую и повседневную, и приходит к выводам о значительном взаимном отчуждении между ними как фактору неэффективности семейной политики в Казахстане. Анна Гнедаш сочетает два исследовательских фокуса: встраивает текущие изменения в стратегиях семейной политики российского государства в исторические контексты и рассматривает набирающую популярность самоорганизацию родителей как две тенденции, соотнесение которых располагает к выводу о неэффективности мер, предпринимаемых государством для поддержки семьи и родительства в России.

В последнем разделе представлены результаты исследований политики охраны детства в разных странах – бывших республиках бывшего Советского Союза. Алла Тындык и Светлана Бирюкова рассматривают актуальное состояние сбора данных по детям, оставшимся без попечения родителей, и перспективы оптимизации подобных измерений – на основе применения инклюзивного подхода к проблеме «сиротства». Татьяна Щурко продолжает разговор об оценке защиты прав детей как задачи политики государства, которое остается доминирующим актором в Беларуси. Последовательно аргументируется связь между ограниченным набором акторов и дискурсов политики, что приводит к невозможности достижения баланса между интересами родителей и ребенка. Используя

Предисловие

типизацию семейных политик С. Лойтнер, автор убедительно показывает различие между декларируемым и реальным статусом политики в сфере семьи и детства. Мунир Маммадзаде и Виктория Шмидт анализируют разрывы между теми локальными практиками и международными стандартами защиты детей, которые влияют на сегрегацию несовершеннолетних, живущих не в городе девочек, а также детей-инвалидов в Азербайджане. Анализ движущих сил политики защиты детства убеждает в том, что международные акторы по преимуществу дополняют пробелы политики со стороны государства. Тот специфический потенциал, которым обладают нормы интернационального права и механизмы по их достижению, остается невостребованным. В исследовании Ирены Лелиюгиене и Ангеле Каушилиене используется контраст между усложнением отношения к неформальной родственной опеке в современных западных странах и политикой ужесточения контроля за опекунами в Литве. Авторы разбирают проблемы литовской демографической и семейной политики. Рахат Орозова и Виктория Шмидт интерпретируют политику защиты детства в Кыргызстане с точки зрения того, насколько ее ключевые акторы: государство, местное самоуправление и международные организации – принимают во внимание культурные и исторические контексты и показывают, как меняется стратегия кооперации между акторами по мере приобретения ими опыта «столкновения» с социокультурными особенностями в локальных контекстах.

Эта книга задумывалась как результат работы коллектива авторов в рамках проекта «Сравнительная социальная политика на постсоветском пространстве», который был реализован при поддержке Центра социальной политики и гендерных исследований в 2011–2013 гг. Важный вклад в обсуждение концепции исследования внесли преподаватели и участники семинаров и летних школ, а также известные ученые, которых мы также пригласили принять участие в этом коллективном труде.

На постсоветском пространстве позиция исследователей и специалистов в сфере семьи и детства непосредственно связана с тем, как определяется роль социалистического прошлого – с точки зрения современной политики, типичных академических установок и оставшихся в «наследство» практик. Авторы данного издания надеются на то, что его читатели примут представленные размышления и дискуссии в качестве источника для дальнейшего переосмысления как контекстов прошлого, так и актуальных проблем постсоветской политики семьи и детства.

Редакторы книги

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИКИ
СЕМЬИ И ДЕТСТВА:
ПЕРЕЗАГРУЗКА МАТРИЦЫ**

Обреченные на турбулентность: идеи и институты защиты детей на постсоветском пространстве

Виктория Шмидт

Сравнительный исторический анализ как основа пересмотра постсоветской политики защиты детей

Ответ на вопрос о том, что такое защита детей, целесообразно давать, исходя из анализа **идей** о детстве, родительстве, правах детей и **институтов** охраны детей: местного самоуправления, судебной власти, служб социально-психологической помощи, международных организаций. Такое разделение получает все большее распространение в исследовании социальной политики, когда под идеями понимается совокупность представлений о должном и доводов в пользу тех или иных подходов, а под институтами – организационные подходы к решению практических задач (Post-Communist Welfare Pathways 2009). Рассматривать идеи и институты важно как отдельные, самостоятельные элементы социальной политики, так и в контексте того, как они взаимодействуют. Многие современные исследователи, особенно те, кто пытается найти исторические причины современных трансформаций, отталкиваются от взаимосвязи институтов и идей (Mahoney 2009).

Исследование в рамках проекта "Занятость лучших молодых ученых" (CZ.1.07/2.3.00/30.0037), при поддержке Европейского социального фонда и государственного бюджета Чешской республики

Фокус на институтах приводит к риску чрезмерно структурного и техничного взгляда, а приоритет идей располагает к волонтаризму в выборе возможных стратегий перемен. Именно взаимоотношения институтов и идей обуславливают развитие и современное состояние политики защиты детей в конкретных странах. Различение институтов и идей приобретает особое значение и для практики защиты детей, и для теоретической разработки данной проблемы. Всесторонний анализ, который связывает идеи и институты, требует экскурса в прошлое: необходимо изучить историю формирования семейной политики и практики вмешательства в дела семьи. Ретроспективные изыскания распространенных в истории идей о детстве, родительстве, как и анализ развития служб помощи детям и семьям, позволяют лучше понять, что должно измениться в сфере охраны детей, чье участие для этого потребуется и какие стратегии реформирования должны использоваться.

В западных исследованиях защита детей первично была представлена историей идей и эволюцией подходов, которые были рекрутированы политиками и практиками в разное время для обоснования их деятельности (Introduction 2009). В 80–90-е гг. XX в. особое распространение получило критическое переосмысление тех представлений, которые казались бесспорными общественности и практикам, но именно поэтому становились инструментом злоупотребления как со стороны политиков, так и со стороны экспертов, которые приписывают идеям чрезмерную объяснительную силу. Так, Эрика Бурман (Burman 2004) обобщила свои многолетние изыскания относительно классической психологии и ее роли в обосновании стратегий вмешательства в жизнь семьи и ребенка на примере развития социальных служб на территориях британских колоний. Классическим примером фокуса на изучении идей служит исследование политических манипуляций, которые использовались для продвижения мер недобровольного вмешательства в семью пролетариев, проведенное британским историком Гарри Хендриком (Hendric 1997). Необходимость ограничить занятость женщин и детей на производстве из-за экономического кризиса привело во второй трети XIX в. к масштабной кампании по популяризации традиционных семейных ценностей, усилению роли мужчины как добытчика, а роли женщины как хранительницы очага. Такое позиционирование семейных ролей исключало возможность последовательного контроля за случаями семейного насилия – идеолог кампании лорд Шафтсберри с пафосом говорил о необходимости не вмешиваться в частную жизнь семьи. Однако уже в 80-е гг. XIX в. тема несостоятельности родителей, в том числе и по причине риска насилия, стала активным элементом другой пропаган-

дистской кампании – уже в пользу вовлечения детей в обязательное начальное образование (Hendric 1997).

Все чаще современные исследования в сфере семейной политики и защиты детства фокусируются на взаимосвязи институтов и идей. Именно возникновение определенной устойчивой связи между идеей и институтом рассматривается как некая точка отсчета в ретроспективном анализе. Например, британский историк Кристин Пайпер полагает, что таким поворотным моментом стало создание благотворительных учреждений общественного воспитания для детей, рожденных вне брака, во второй трети XIX в. (Piper 1999). Другим примером взаимосвязи между институтом и идеей можно считать выявленную зависимость между доминированием дискурса традиционной семьи и монополией общественного воспитания детей: своего расцвета практика помещения детей в учреждения достигает в периоды пропаганды традиционных семейных ценностей. Возможным объяснением становится понимание родительства в традиционном дискурсе как совокупности функций, соответственно неспособность выполнять функции становится доводом в пользу помещения ребенка в учреждение (Haukanes, Thelen 2010).

Вместе с тем защита детей на постсоветском пространстве остается почти не разработанной темой с точки зрения соотношения институтов и идей. Среди экспертов все большее распространение приобретает точка зрения, что в постсоциалистических странах значительное внимание уделяется институтам, процедурам и их преобразованию, тогда как убеждения и представления основных действующих лиц политики остаются в тени внимания исследователей и тех, кто принимает решение о стратегиях политики (Azmanova 2009; Drezgić 2010). Ярким примером такого дисбаланса можно считать стремление найти лучшую форму устройства ребенка как главную альтернативу помещению в детский дом и сделать ставку на ее развитие, например на патронат, или усыновление, или опеку. Соответственно, задача пересмотра установок относительно детства, родительства, форм воспитания редко позиционируется как условие трансформации системы охраны детей.

Сотнесение прошлого и настоящего в развитии идей и институтов поддерживает рефлексию тех, кто участвует в преобразовании служб и подходов. Пересмотр прошлого содействует пониманию того, какими представлениями мы оперируем, откуда берем уверенность в том, что они адекватны, и какие практики мы обосновываем нашими представлениями. Например, какие аргументы используются для того, чтобы доказать опасность или, наоборот, целесообразность помещения ребенка в специальное учреждение. Миссия

сравнительного исторического исследования как раз и состоит в наделении акторов реформы ответственностью за выбор своей позиции и ее дальнейшую реализацию. История идей в сфере защиты детства направлена на понимание тех альтернативных точек зрения, которые преодолевают сложившиеся ранее жесткие представления, например: «семья – лучший инструмент социализации». Такое исследование борется с соблазном объяснить современные идеи концепцией «большого взрыва», который потребовал отменить прежние представления и выстроить новое знание – например, существенное изменение в понимании статуса ребенка не только как объекта заботы, но и как агента изменений (Prout 2005: 38). Наоборот, важно отслеживать историю производства и применения социального знания. Данное направление имеет особое значение для стран, в которых наблюдается очевидный дефицит разнообразия идей, например, в силу опыта тоталитарного режима. Понимание того, как развивалось пространство идей, какую роль выполняет многообразие подходов в других странах, активизирует и специалистов стран постсоветского пространства к последовательному анализу пробелов собственной позиции.

В этой главе будет предпринята попытка увязать прошлое и настоящее посредством анализа связи между институтами и идеями. Такая связь может обнаруживаться только при условии, что исследователь сумеет доказать целостность изучаемого процесса, преемственность между различными стадиями, на которые данный процесс им раскладывается. Например, С. Пэйдж (Page 2006) утверждает, что можно избежать риска чрезмерно вольной интерпретации истории, только если исследователь изучает процесс, в котором могут быть выделены определенные взаимосвязанные стадии. В самом деле, трудно подтвердить валидность изучения защиты детей, которое бы начиналось со времен Киевской Руси (Фирсов 1999), поскольку практически невозможно установить преемственность между принятыми тогда практиками призрения и современными подходами к помощи семье и детям. Более того, такое историческое исследование создает предпосылки к весьма рискованному маркированию периодов прошлого как достойных и недостойных с точки зрения заимствования опыта. Задачей исторического исследования становится поиск связей между разными периодами, совокупности преемственностей и разрывов, которые, например, помогают понять изменяющуюся роль таких агентов, как государство, семья, индивид, гражданское общество. Обобщенное понимание возможных вариантов связи между институтами и идеями, представленное в первой части главы, применяется для анализа того кризиса защиты детей, который отличает самые разные страны.

Затем на примере защиты детей за рубежом вырабатывается схема анализа развития и функционирования политики защиты детства. В двух последних частях представлены анализ истории защиты детства в СССР и ее современное состояние – на примере проблемы деинституционализации детей-инвалидов.

Сценарии отношений институтов и идей

Идеи и институты неразрывно связаны, однако варианты отношений между ними существенно варьируются. Идеи получают развитие в рамках того института, для развития которого они были «наняты». Одна и та же идея социализации может получить разное воплощение, если ее применяют для продвижения массового или специального образования. Например, в начале XX в. задачей общего начального образования в Норвегии, Дании и Швеции была социализация детей из разных социальных групп (Blossing, Imsen, Moos 2013). По мнению современных экспертов, приоритетным дискурсом в странах Скандинавии в XIX в. был дискурс ребенок – зло, он порожден в грехе и требует существенной коррекции, укрощения греховности (James, Jenks, Prout 1998). Соответственно, образование рассматривалось в качестве основного инструмента такой коррекции. Эксперты полагают, что легкость, с которой страны Северной Европы решают задачу интеграции детей с особыми потребностями в массовое образование, в значительной части объясняется тем, как на рубеже XIX и XX вв. была сформулирована миссия образования (Byrderup 2003). Однако та же самая задача – подготовить ребенка к жизни в обществе посредством образования – может стать источником сегрегации. Так, в Чехословакии межвоенного периода актуализируется проблема социализации цыганского населения, которая видится возможной только при отделении детей от семей и их помещении в специальные школы. Чтобы обосновать сегрегацию детей из цыганских семей, педагоги указывают на высокую устойчивость тех «неправильных и неестественных паттернов, присущих цыганской среде», по мнению тогдашних специалистов, которые и не дают ребенку развиваться в соответствии с правильным, естественным ходом становления детской психики: «помочь ребенку может только решение вопроса о влиянии ближайшего окружения» (Štampach 1933).

Можно говорить и о том, что носители идей создают новые институты для распространения своих представлений. Это случается гораздо реже, чем использование идей институтами, однако если идея связана с определенным социальным движением, то ее сторонники могут вполне последовательно проводить политику лоббиро-

вания своей идеи или строить новый институт для ее воплощения. Наиболее полным воплощением трансформации идеи в институт можно считать практику Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и, в частности, процесс применения решений относительно конфликта между безопасностью ребенка и автономией семьи: изъять ребенка или оставить его в семье, ограничить в родительских правах или лишить прав, поместить ребенка временно с надеждой на воссоединение с семьей или искать долговременное устройство. Данный конфликт позиционируется ЕСПЧ в контексте той новой парадигмы прав человека, которая подчеркивает особое значение временного измерения как исполнения, так и нарушения прав человека (Дурге 2009). Если прежде по преимуществу права человека измерялись пространством – свободой и ограничением перемещения, защитой личного пространства, то современный подход подчеркивает важность уважения к времени жизни человека, которое почти невозможно компенсировать и которое заслуживает уважения и специальных мер по защите. Фактически, ЕСПЧ остается тем уникальным институтом, который преодолевает дилеммы посредством комплексной интерпретации разнообразных источников права.

Еще одним вариантом взаимодействия идеи и института становится борьба между ними. Часто этот сценарий связывается с приходом маргинального актора – того, кто в силу обстоятельств был вне политики, но сумел занять влиятельную позицию и продвинуть свою идею, которая трансформирует институты, переустанавливая цели их деятельности (Thelen 2009). Маргинальность этого актора на предыдущем этапе оборачивается доверием к нему в тот момент, когда кредит легитимности прежней системы уменьшается и требуется такой агент изменений, который никак не связан с прежней провальной политикой. В эту рамку вписывается ренессанс межвоенных моделей защиты детства в странах Вышеграда (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия), который начался в 1960–1970 гг. Так, в социалистической Польше в середине 1970-х гг. начинается развиваться система детских домов семейного типа, которая предоставляет воспитанникам значительные возможности для самоуправления. Фактически в этот период стала воспроизводиться модель общественного воспитания, выработанная Яношом Корчаком (Stelmaszvk 2002). В Чехословакии благодаря усилиям психологов реанимируется система патронатного воспитания, выработанная в период Первой Республики в 1930-е гг. (Шмидт 2010). Эти реформы не требовали обоснования среди специалистов: многие из них еще помнили межвоенные подходы и идеализировали их в противовес системе массовых интернатов и детских домов. Следует указать и на то, что в

тот же период и в СССР происходит сходный процесс неожиданной и стремительной гуманизации идей относительно воспитания детей: вначале публикуются переводы детских книг скандинавских авторов, которые буквально переворачивают представление о родительстве (Астрид Лингрен, Туве Янссон, Ян Олаф Экхольм, Эгнер Турбьерн), снимается ряд советских фильмов о детстве с очевидно гуманистическим посылом («Внимание, черепаха» (Р. Быков, 1970), «Телеграмма» (Р. Быков, 1971), «Приключения желтого чемодана» (И. Фрээ, 1970), «Это мы не проходили» (И. Фрээ, 1976), «Ключ без права передачи» (Д. Асанова, 1976)), советская психология начинает генерировать гуманистический подход к пониманию развития детей. В первую очередь к ним можно отнести исследования Лидии Божович и ее учеников, Бориса Братуся, Нинель Непомнящей (см.: Шмидт 2010). Однако открытым остается вопрос о том, насколько устойчивыми могли быть такие практики применения этих идей в условиях устройства публичной сферы в социалистических странах в 1970-е гг.

Несмотря на разнообразие сценариев, взаимодействие идей и институтов подчинено задаче легитимизации проводимой политики. Именно кризис доверия и тенденция считать защиту детей почти преступной практикой можно назвать той общей чертой, которая характеризует современную социальную политику в самых разных странах.

Кризис легитимности защиты детей в развитых странах и странах постсоциалистического пространства

Защита детей – предмет политики разных акторов: государства, местного самоуправления, надгосударственных институций, общественных движений, родителей и самих детей (о которых все чаще говорится как об акторах политики и в терминах коллективных действий, и относительно возможности представлять свои интересы индивидуально), а о политике принято говорить в терминах власти и ее легитимности. Власть принимать решение о стратегии воспитания, образования и о заботе, а также оценивать правильность выбранной стратегии может принадлежать разным институтам, а современная защита детей может быть понята как система практик, нацеленная на обеспечение лучшего качества жизни детей на основе баланса власти родителей, институтов и самих детей. Сомневаться в правомерности действий родителей и специалистов стало отличительной чертой публичного дискурса защиты детей в западных странах (Gilbert et al. 2011). Стремление найти новые стратегии легитимизации защиты детей детерминирует то разнообразие подходов,

которое отличает эти страны, например, от стран бывшего социалистического блока.

Общим для всех стран источником кризиса легитимности защиты детей становится конфликт между двумя несущими ценностями семейной политики – автономией семьи и безопасностью ребенка. Самые острые вопросы защиты детей, такие как открытое усыновление, изъятие ребенка, лишение родительских прав, разделенная забота о ребенке после сепарации родителей, указывают на высокую вероятность конфликта между безопасностью ребенка и автономией семьи. И этот конфликт, как и практика его разрешения, может рассматриваться как суть защиты детей с момента ее возникновения как самостоятельного направления публичной политики, на протяжении всего ее формирования и на современном этапе (Luckock 2008; Ostner 2008).

Понимание безопасности ребенка и автономии семьи усложнялось в силу трансформации устройства социальной, в том числе семейной, жизни и изменения акторов защиты детей. Подходы к пониманию ценностей становились источником легитимизации институтов, что влияло как на институты, так и на ценности. Эта общая логика развития защиты детей, тем не менее, располагает определить и с тем, в каких направлениях следует искать специфические черты формации защиты детей в разных странах, в том числе, и на постсоветском пространстве: какие именно идеи использовались для установления институтов, как происходило обеспечение преемственности в развитии институтов, как композиция движущих сил влияла на выбор.

Страны постсоциалистического пространства, как и развитые страны, сталкиваются с проблемой легитимизации процедур и критериев защиты детей. Однако авторитарное прошлое, на которое пришлось интенсивное развитие практик защиты детей, становится одним из факторов современного кризиса легитимности защиты детей. Если в демократическом управлении легитимизация власти опирается на прозрачность и независимость институтов местного самоуправления и судебной власти (Beetham 1991), то в СССР эти системы формировались как зависимые от комбинации принуждения и борьбы интересов, что не могло не отразиться на складывании системы институтов и акторов защиты детей. Историческое исследование находит свой смысл не в однозначном ответе на вопрос: «Что было такого специфического во вкладе социалистического периода?», но в процессе, который поместит взаимосвязанную историю идей и институтов защиты детства в основу для понимания того, что и как следует делать сейчас.

Защита детей: история институтов и идей

Развитие защиты детей можно рассмотреть как последовательность стадий, на каждой из которых в силу совокупности определенных движущих сил возникала потребность в создании определенного института, и установление этого института рекрутировало определенное представление о безопасности ребенка и автономии семьи, которое являлось источником легитимизации этого института. На следующем этапе, когда в силу изменения движущих сил складывалась потребность в установлении нового института, уже иные идеи рекрутировались для легитимизации нового института. Но вновь возникающий институт не вытеснял прежде созданный, а конверсировал его цели в соответствии с новыми идеями и представлениями. Аналогично и прежняя идеологическая основа уступала позицию источника легитимизации, но продолжала участвовать в регуляции представлений о детстве и родительстве.

Отношение между идеей и институтом развиваются по разным сценариям, однако в основе по преимуществу находится изменение действий института под влиянием идей. Например, общественное воспитание в большинстве стран Европы конца XVIII – начала XIX вв. появилось в рамках идеи о незаменимой роли семьи для ребенка, приоритете отцовской власти и невозможности компенсировать ее отсутствие не чем иным, как помещением ребенка без семьи (внебрачного или бедного) в учреждение (James et al. 1998). Некоторое время институт общественного воспитания рассматривался как часть стратегии спасения общества от аморальности, поскольку в первую очередь незаконнорожденные дети из бедных семей и помещались в приюты (Folbre 2009).

Однако рост интереса государства к детям в связи с интенсивной индустриализацией, их превращение из полноправного участника семейного производства в ресурс будущего прямо обусловили интерес государства вмешиваться в дела семьи и отчуждать ребенка в пользу разных институтов, ограничивая роль семьи, вплоть до полного изъятия ребенка из тех условий, в которых он не мог вырасти в полноценного гражданина (Gilbert et al. 2011). Идея детей как ресурса в первую очередь была рекрутирована для создания системы служб вмешательства в дела семьи, однако и уже существовавшее общественное воспитание было преобразовано с учетом новых задач и новых представлений о должном в отношении детства: например, произошла спецификация учреждений общественного воспитания, они стали наполняться специалистами, которые занимались развитием детей. Что же стало с идеей, которая преобладала раньше, тем представлением о доминировании семейной заботы? Это представ-

ление не исчезло – отчасти оно было использовано в многочисленных психологических теориях, которые сосредоточились на отделении нормальной семьи (за которой можно признать право доминировать в решении вопросов о судьбе ребенка) от семьи проблемной (определение которой становилось все более изощренным и работающим на усиление вмешательства в родительство) (Introduction 2009). С 1990-х гг. в западных странах под влиянием новых форм семейной жизни, появления новых акторов семейной политики – международных организаций, усложнения целей защиты детей (в том числе из-за новых рисков общества потребления) формируется потребность в институтах превенции – кризисных ситуаций как подвергающих риску баланс автономии семьи и безопасности ребенка. Институты превенции, которые состояли из альтернатив общественному воспитанию и различных форм недирективного вмешательства, были оправданы новым не утилитарным пониманием детства, продвижением баланса между ребенком становящимся и ребенком живущим (Lee 1996). Неоправданное изъятие из семьи и ограничение родительских прав стали рассматриваться как меры, которые приводят к исчерпыванию времени жизни – уникального и не пополняемого ресурса каждого человека (Dupre 2009). Новые идеи и новые институты преобразовали как прежде созданные институты кризисного вмешательства в дела семьи и общественного воспитания, так и переопределили место прежних идей. Кризисное вмешательство стало больше ориентироваться на баланс автономии семьи и безопасности ребенка за счет гибких форм принятия решения, вариативности мер ограничения прав родителей и регуляции детско-родительского общения, а общественное воспитание стало встраиваться в сети общественных организаций и служб, решая задачу социальной интеграции воспитанников. Новый дискурс детства в своей последовательной критике прежних идей указал на обусловленность многих психологических теорий, ориентированных на норму развития, прежними до-социологическими представлениями о детстве.

Психология развития – продукт того либерального проекта, который получил единодушное признание в XIX в., когда стремление к социальному порядку и страх перед бунтом охватили как правительства, так и просвещенные группы многих европейских обществ. Психология развития достигла высокого статуса из-за страха не справиться с управлением – колониями и незнакомыми культурами в них, все более вовлекаемого в социальную жизнь детского населения, которое позиционировалось как дикое, нарастанием риска социальной дезорганизации. Дети попали в одну компанию с дикаря-

ми, женщинами, бедными и преступниками – кого боялись, не очень понимали и кем хотели управлять. Приспособление к окружающей среде рассматривалось как естественный и само собой разумеющийся процесс, прогресс в направлении становления взрослым человеком, который берет на себя ответственность и готов справиться с этой задачей (Introduction 2009: 112–123).

Таким образом, современная защита детей представляет собой многослойную конструкцию – плюрализм дискурсов и сложная система институтов обусловлены самим ходом истории. Одни западные страны (Великобритания, Дания, Франция) отличаются высоким уровнем преемственности развития институтов защиты детей и усилением разнообразия идей, обосновывающих практики защиты детей (Шмидт 2011). Другие страны характеризуются менее стабильной колеей формации институтов, например Германия или Бельгия. Есть страны, которым удалось в рекордно быстрые сроки имплементировать тот или иной сценарий: так, Финляндия сумела выстроить и даже улучшить скандинавскую модель (Forsberg, Vagli 2006), а Новая Зеландия – британскую легалистскую модель (Waldegrave, Coy 2005). Страны Центральной Европы, особенно те, которые входили в Австро-Венгерскую империю, до определенного момента имели тот институциональный сценарий, который характерен для стран с развитой защитой детей, но социалистический период «слома» эту траекторию (Shmidt 2012). Однако списывать все современные беды защиты детей в современной Чехии, Словакии или Венгрии на социалистический период не вполне справедливо, ведь идейное обеспечение защиты детей и в имперский, и в межвоенный периоды существенно отличалось от того многообразия дискурсов детства, которое было характерно для стран Западной Европы (Shmidt 2012). И это также становится фактором иного пути развития защиты детей. Соответственно, изучение защиты детей основывается на выявлении композиции движущих сил, институтов, создание которых было обусловлено идеями, которые использовались для придания институтам значимости и обоснованности. История защиты детей в развитых странах указывает на то, что институт может использовать разные идеи для легитимизации своей деятельности, однако выбор таких идей не свободен, а обусловлен такими факторами, как развитие других сопряженных институтов и пространства идей, имеющих к диспозиции. Например, вариативность моделей кризисного вмешательства в дела семьи, которая отличает страны Скандинавии от Великобритании, непосредственно связана с разным подходом к обоснованию местного самоуправления. Исследователи моделей самоуправления указывают на то, что различия между ними обусловле-

ны сложившимися стратегиями демократической легитимизации решений. Так, различая три формы легитимизации (*input*, основанную на вовлечении населения и разделенном видении ситуации; *throughput*, требующую прозрачности и состязательности процедур при решении конфликта интересов, *output*, предполагающую способность решать проблему разными способами и индивидуализировать стратегию местного самоуправления), Хаус и Хейнелт (Haus, Heinelt 2005) подчеркивают, что в странах Скандинавии лучше представлен первый из упомянутых типов легитимизации местного самоуправления, в Великобритании – второй, во Франции и Германии – третий. Это комплексное понимание местного самоуправления, основной институциональной рамки защиты детей, в значительной степени объясняет то существенное различие между подходами к организации кризисной интервенции, которое фиксируется экспертами (Hearn et al. 2004). На вопрос о том, какие идеи имеются к dispozici и как современное институциональное развитие обусловлено другими институтами, можно ответить только в контексте исторического сравнения.

Турбулентность институтов и застой идейного обоснования как источник колеи советской защиты детей

Отличительной особенностью формации институтов защиты детства в советской России, а позже в союзных республиках становится интенсивное формирование институтов, которые в странах с более долгой историей защиты детства развивались поэтапно, а именно учреждений общественного воспитания и кризисной интервенции в дела семьи. Столкнувшись с проблемой беспризорности, власти стали учреждать колонии и вместе с тем развивать практики кризисной интервенции в дела семьи. В период с 1919 по 1926 гг. были сформированы правовые регуляции относительно помещения несовершеннолетнего в учреждения, и эти же основания стали применяться в практике ограничения прав родителей. Общественное воспитание стало универсальным решением разнообразных проблем семейной политики, а практики семейного устройства, которые начали зарождаться в ряде регионов, постепенно исчезли в период военного коммунизма (Bernstein 2001). Развитие системы общественного воспитания обосновывалось как непосредственно идеями Маркса и Энгельса, так и опытом стран Скандинавии. Один из главных идеологов обобществления воспитания детей, автор концепции первого советского Семейного кодекса Александр Гойхбарг полагал, что отделение детей от нерациональной любви родителей в пользу

школ, больниц, общественного участия в воспитании улучшит качество воспитания и здоровья (Иоффе 2000). Короткий период идеи обобществления детства и отказа от семейного воспитания как буржуазного пережитка (1918–1926) сменился идеологией, которая стала соответствовать пронаталистской политике и поддерживала семейные устои. Даже политические репрессии и отчуждение детей врагов народа от семей вписывались в этот дискурс – к этим детям относились как нелегальным, и помещение в систему общественного воспитания воспринималось как их легализация.

И в сталинский период защита детей прошла через несколько этапов, различия между которыми были обусловлены как изменениями политики регуляции рождаемости, так и войной. Профессионализация защиты детей была остановлена вместе с принятием постановления о педологических извращениях, соответственно, идейное обоснование защиты детства соотносилось с идеей детских общественных организаций и трудовым воспитанием. Такая легитимизация согласовывалась и с политикой минимизации доступа к высшему образованию, поскольку стране требовались в первую очередь рабочие, а не специалисты. Кризисная интервенция оставалась процедурой, которая соотносилась с устройством детей врагов народа. Громкие судебные дела против родителей, недобросовестно выполнявших свой долг, были сосредоточены на экономических правах ребенка и указывали на отца как главного виновника несостоятельности семьи обеспечить уход за ребенком (Fitzpatrick 1999). Пособие, которое было выпущено в 1937 г. для судей, регулировало вопрос возможности устройства ребенка в семью родственников или его помещение в детский дом, и главным критерием становилась лояльность родственников к аресту, их готовность отказаться от родства с врагом народа. Вместе с тем в годы войны материнство стало наделяться тем сакральным смыслом, который стал востребован как для идейной поддержки тыла, так и для решения вопроса об усыновлении. Фактически в сталинский период воспроизводится тот традиционный дискурс детско-родительских отношений, который вполне себе вписывался и в концепцию Сталина как отца народов. Правда, в отличие, например, от отождествления власти отца и короля в поздних европейских монархиях, советские отцы были маркированы как потенциально ненадежные и даже опасные, тем больше ответственности было возложено на матерей.

Приоритет права матери, утвержденный в 1930-е гг. и закрепивший свой статус в годы ВОВ (Nakachi 2006), несмотря на последующие ограничения в сфере усыновления, стал фирменной чертой советской идеологии защиты детей вплоть до середины 1970-х гг.,

когда в риторику семейной политики начинает проникать концепт семьи, а не матери. Материнство как приоритет институционализировалось и эмансипация женщин «по-советски» происходила вне переосмысления предписаний роли матери как отторгающей женщин от сферы публичного в сферу приватного. Если западная феминистская риторика критически переосмыслила развитие защиты детства как обоснованной традиционным дискурсом семейных ценностей и его последующей теоретизацией, то советская психология (Н.Н. Авдеева, С.В. Корницкая, М.И. Лисина, С.Ю. Мещерякова, Р.Ж. Мухамедрахимов) со второй половины 1970-х гг., наоборот, поддерживала именно те теоретические концепты привязанности, которые только укрепляли идею незаменимости матери в ранний период жизни ребенка.

Несомненно, сакрализация фигуры матери присуща большинству культур, например христианских, однако сталинский культ материнства обладал рядом характерных отличий. В первую очередь противопоставлением интересов женщины и мужчины: необходимость защищать матерей (и детей) позиционировалась как защита от недобросовестного отца. Также первоочередной ролью женщины считалась забота о ребенке, а не о семье. Единственным источником поддержки матери определялось государство. С одной стороны, предпринимаемые меры (повышение оплаты развода, жесткое истребование алиментов) работало на неразрывность брачных уз. С другой стороны, последовательное уничтожение роли отца и превознесение роли матери закрепляло отчуждение внутри семьи и становилось еще одним инструментом манипуляции обществом во времена террора.

Интенсивная урбанизация и индустриализация 1960-х гг. придают детству то же значение, что и в европейских странах в конце XIX в.: ребенок – общественное благо и капитал будущего. Профессионализация контроля за ребенком и семьей начинает складываться сначала по отношению к подросткам в конфликте с законом, причем наряду с введением новых процедур относительно принятия решения начинают развиваться и пропагандироваться формы участия общественности (Пишикина 2001). С 1961 по 1967 гг. активно развивается административный порядок относительно принятия решений о подростках в конфликте с законом – формируется многоуровневая система Комиссий по делам несовершеннолетних, и вместе с тем децентрализуется система служб внутри МВД – детских комнат милиции, которые все больше соотносятся с участковыми.

В 1960-е гг. формируется тот ландшафт общественного воспитания, который сохранился не только до конца советского периода, но в значительной степени функционирует во многих бывших совет-

ских республиках до сих пор. Система общественного воспитания отличалась многообразием типов учреждений и оставалась доминирующей формой устройства детей трех категорий: инвалидов, детей, находящихся в конфликте с законом, и детей, оставшихся без попечения родителей. Дети-инвалиды отправлялись в интернаты, которые были разделены на восемь категорий, подростки в конфликте с законом – в специальные школы и воспитательные колонии. Постановлением Совета Министров РСФСР от 1 декабря 1964 г. № 1494 система детских домов начинает трансформироваться в систему школ-интернатов. Индустриальный дискурс оказывается в первую очередь направленным на детей, а не на семьи, поскольку советскому представлению явно не требуется то отделение ребенка от семьи и обоснование такого отделения, которое понадобилось странам Западной Европы.

Именно на этот период приходится весьма интенсивное развитие детской психологии: все прежде существовавшее в лабораториях и исследовательских работах стало применяться на практике: открывается сеть брачно-семейных консультаций, начинается обсуждаться вопрос о введении психологических служб в систему образования, в воспитательные колонии и в специальные школы также вводятся ставки психолога (Дубровина 1997). Разнообразие в понимании развития ребенка по преимуществу сводится к вопросу о соотношении биологической и социальной обусловленности развития. Институт дефектологии утверждает приоритет врожденных характеристик как детерминант развития ребенка с инвалидностью:

Психика ребенка-олигофрена совершенно непохожа на психику нормального ребенка... Незрелость высших интеллектуальных процессов в сочетании с чрезмерной косностью поведения создает ... своеобразную картину психического развития (Рубинштейн 1986).

Тогда как в интернате для слепоглухонемых детей в Загорске при участии Эвальда Ильенкова проводится многолетний эксперимент по компенсации развития детей с поражением слуха и зрения, основанный на дискурсе ребенка как *tabula rasa*: «все приводные ремни психики ребенка находятся в руках педагога. Он может запрограммировать личность и воспитать ее в соответствии с этой программой» (Мещеряков 1970).

Тем не менее оба подхода остаются в рамках утилитарного отношения к ребенку – использованию средств педагогического и психологического вмешательства для наилучшего приспособления ребенка с инвалидностью к жизни. Во второй половине 1970-х гг. ком-

позиция макроэкономических движущих сил существенно изменяется – государству уже не требуется так много рабочей силы, актуализируется вопрос о сокращении бюджета на социальную сферу, и вместе с тем возрастает риск снижения рождаемости (Захарова 1991). К концу советского периода защита детей все больше полагалась на семью как ключевого исполнителя задачи воспитания ребенка. Усиление практик прямого и непрямого поощрения семьи сопровождалось интенсификацией контроля за исполнением родительских обязанностей. Уже в 1976 г. Верховный суд принимает развернутое решение о использовании такой меры как лишение родительских прав и изъятие ребенка. Окончательно формируется та пирамида административного порядка принятия решения, которая отличает все страны социалистического блока: разнообразны комиссии рекрутируются из членов партии, медиков и педагогов для того, чтобы принять решение о помещении ребенка в то или иное учреждение. Так, в 1976 г. обновляется постановление о медико-педагогической комиссии, которая была учреждена в 1949 г. как орган, отбирающий детей во вспомогательные школы; их название дополняется определением «психолога», и они становятся психолого-медико-педагогическими комиссиями. Теперь ПМПК были наделены новыми полномочиями, например, оценивать обучаемость ребенка, уже помещенного в учреждение, его способность продолжать обучение.

Общественное воспитание начинает рассматриваться как мера крайнего реагирования – лонгитюд, нацеленный на сравнение развития детей в семье и детском доме, становится основой легитимизации негативного отношения к долгосрочному помещению детей в учреждения (Дубровина, Рузская 1990). Однако ответом становится изоляция учреждений общественного воспитания от сообществ, поскольку принимается решение обеспечить детские дома и интернаты максимально возможной профессионализированной помощью.

Две катастрофы, которые ознаменовали конец советского периода, взрыв на Чернобыльской АЭС (1986) и землетрясение в Спитаке (1988), оказали непосредственное влияние на формирование двух различных моделей социально-психологической помощи семье и ребенку на постсоветском пространстве. Модель психологической службы в системе образования, которая была разработана в первой половине 1980-х и запущена в «массовое производство» как мера оптимизации помощи детям, пострадавшим от последствий аварии, закрепила ведомственный характер социально-психологической помощи и подход, центрированный на ребенке. Полагаясь на ведомственную организацию служб психологической помощи в США, советские психологи стали адаптировать как методики, так и подходы к управлению психологическими службами. В рамках программы

«Дети Чернобыля» впервые стали распространяться методы диагностико-коррекционной работы с детьми, которые затем стали базой для работы первых поколений школьных психологов. Сосредоточенность ведомственной психологии на ребенке и поддержке его развития, а также аффилиация психолога со школой как одним из институтов отчуждения ребенка от семьи стало той организационной рамкой, которая определила развитие институтов помощи детству на значительной территории постсоветского пространства.

В Армении, наоборот, были введены в практику службы микросообщества и новые гуманитарные дискурсы инвалидности, существенно повлиявшие и на дискурс детства: огромное количество детей, поучивших серьезные увечья, нуждались как в терапии, так и в последующем принятии обществом, и приоритет утилитарного отношения к детям, столь свойственный советской защите детей, уступил место гуманистическому подходу (Shmidt 2013).

Смещение институтов и идей: фенотип постсоветской защиты детей

Исследовать связь институтов и идей следует и для того, чтобы понимать дефициты современной ситуации, их происхождение и пути минимизации. Чего не хватает современной системе защиты детства на постсоветском пространстве – это многообразия идей. Иногда именно отсутствие этого многообразия или смещение границ между разными идеями приводит к тому, что в борьбе за дело гуманизации сами борцы активно применяют довольно негуманные идеи, к которым без сомнения относятся любые попытки указать на рациональность и экономическую выгоду инклюзивного образования, помещения в семью, медиации с подростками в конфликте с законом. Анализ высказываний самых популярных экспертов в сфере защиты детства подтверждает, что и они обращаются к утилитарным представлениям, стремясь обосновать столь востребованную гуманизацию защиты детства: приоритету профессиональной помощи, экономической выгоде помещения в семью, а также фокусируются на прогрессе ребенка как главном аргументе в пользу семейного устройства.

«Критический дефицит профессиональных кадров в учреждениях социальной защиты, особенно региональных» (Тульчинская 2009) определяется как один из основных источников проблемы, а особенность развития ребенка в учреждении представляется настолько значимой, что предлагается вводить специализацию по работе с детьми в учреждениях:

Парадокс: приемных родителей, даже с высшим педагогическим образованием, отравляют на Школу ..., и это очень мудро

<...> А воспитатель, которому предстоит иметь дело с целой группой сирот, может прийти прямо со скамьи педвуза (Петрановская 2009).

Трудности последовательного анализа изъянов системы общественного воспитания связаны с тем, что в качестве ключевого аргумента ее несостоятельности используется отождествление общественного воспитания с системой репрессий в отношении инакомыслящих, сложившейся в советский период: о помещении в психиатрические клиники говорится как о «карательной психиатрии»:

Отношение к любым трудностям в поведении и обучении детей, <...> как к медицинской проблеме, а не как к педагогической... уходит корнями еще в практику советской карательной психиатрии... (Петрановская 2009),

а об общественном воспитании как о детском Гулаге:

...система истребительных «детских отстойников», <...> не приспособленная к оказанию помощи семье, ...будет процветать в нашей стране до тех пор, пока такие люди, как Л.И. Брычева (депутат, препятствовавший проверке фактов произвола), имеют возможность «казнить» или «миловать» любые законодательные инициативы (Альтшулер 2009).

Ультимативное непринятие существующей системы располагает к упрощенному видению путей ее реформирования:

Как заставить ее (российскую социальную систему. – В.Ш.) заняться детьми, а не их «сортировкой по углам»? Сделать это, по сути, нетрудно. Достаточно допустить к работе службы сопровождения, специалисты которых «работают со случаяем». А также <...> подчинить интересы ведомств интересам ребенка и семьи (Альтшулер 2009).

В основе такой линии аргументации лежит вполне определенное отношение к детству и семье в первую очередь как ресурсу, с которым следует обращаться бережно.

Замена общественного воспитания семейным устройством становится ультимативной целью, которая одновременно признается недостижимой:

Никакое самое лучшее учреждение не заменит ребенку семьи. Поэтому лучшим способом уничтожить воспитательную пси-

хиагрию было бы широкое развитие семейного устройства детей... Однако эта задача явно не будет решена в ближайшие пару лет (Петрановская 2009).

Устройство в семью рассматривается как спасение:

В случае устройства детей в семью в большинстве случаев «безнадежные диагнозы» становятся просто неактуальны, дети демонстрируют большие возможности, <...> у них проходят истерики, агрессия, <...> депрессивные состояния (Петрановская 2009).

Помещение в учреждение понимается как критическое для развития ребенка: «даже при желании персонала заниматься развитием детей, – это практически невозможно делать ... В результате к подростковому возрасту дети деградируют» (Тулчинская 2009). Отличительной особенностью нового подхода к особому ребенку становится приписывание семье качеств незаменимого сервиса – фактически прежнее противопоставление семьи и института осталось, только «знак» поменялся в пользу приоритета семьи. Отношение к семье как к идеально устроенному сервису, который «в разы увеличивает шансы ребенка на коррекцию и развитие» (Степина 2009), соотносится с все тем же утилитарным пониманием роли семьи и детства.

Именно на эту идею чаще всего и опирается государство, когда начинает испытывать сильнейший интерес к регуляции рождаемости, рынка труда и качества ухода за детьми. А следствием становится только одно – усиление контроля за тем, чтобы по факту вложения усилий был получен результат.

Экспертам из стран постсоветского пространства свойственно упрощать отношения между идеями и институтами – спасение жертвы плохого института (именно так привычно маркировать детские дома, интернаты, приюты) видится во введении какого-то другого, хорошего института, например патроната, инклюзивных школ, судебного порядка изъятия детей. В качестве примера можно привести упорное понимание интеграционного образования как помещения детей-инвалидов в школы, тогда как интеграция в образование, будучи комплексной идеей, может реализовываться разными организационными решениями. Или институт патронатного воспитания (который может служить очень разным целям – как показывает опыт стран с развитой защитой детей) становится идеей, с которой сторонники патроната и его противники ходят в бой как с флагом. При такой идеологизации института бессмысленно спрашивать: а какой тип патроната предполагается развивать?

Выводы

Теоретизация защиты детей в первую очередь сталкивается с проблемой интеграции различных подходов и концептов в единую объяснительную схему. Если защита детей – производная многочисленных политических, социальных, экономических и культурных контекстов, то и ее изучение становится настолько комплексной сферой изучения и практики, что требуется емкая основа междисциплинарного исследования. Такая основа должна «сшивать» разные этапы развития защиты детей в единое историческое полотно и вместе с тем делать возможным сопоставление дискурсов и практик, сформировавшихся в разных регионах. Соотношение безопасности ребенка и автономии семьи располагает рассматривать развитие защиты детей с точки зрения ее легитимности – принятия большинством процедур и доводов в пользу вмешательства в дела семьи. История защиты детей, таким образом, становится историей легитимизации и делегитимизации ее процедур и критериев.

В странах, характеризующихся действенной защитой детей, понимание безопасности ребенка и автономии семьи усложнялось в силу изменения устройства социальной, в том числе семейной, жизни и изменения акторов защиты детей. Кроме того, подходы к пониманию ценностей становились источником легитимизации институтов, что влияло как на институты, так и на ценности. Современная защита детей представляет собой многослойную конструкцию – плюрализм дискурсов и сложная система институтов обусловлены самим ходом истории. Соответственно, изучение защиты детей основывается на выявлении композиции движущих сил, институтов, создание которых было обусловлено движущими силами, а также идей, которые использовались для придания институтам значимости и обоснованности.

В бывших советских странах современное институциональное состояние в значительной степени определено поздним социалистическим периодом, тогда как идейное наполнение защиты детей детерминировано более длительной ретроспективой. Можно говорить о том, что непосредственным советским наследием защиты детей становится тот многоэтажный административный порядок принятия решений в сфере защиты детей, который складывается в 1970–1980-х гг. Именно этот порядок определяет трудности развития альтернатив общественному воспитанию и гуманизации системы кризисного вмешательства в дела семьи. Вместе с тем если ограниченный набор подходов к пониманию детства и родительства складывался и до социалистического периода, то авторитарный режим лишил смысла само разнообразие подходов и зафиксировал стремление искать лучший подход.

Список источников

Альтшулер Б. Остановить машину истребления детей. 2009 // <http://www.dislife.ru/flow/theme/2020/> (дата обращения: 13.10.2013).

Дубровина И., Рузская А. (ред.) Психическое развитие воспитанников детского дома. М.: Педагогика, 1990.

Дубровина И.В. Практическая психология образования. СПб.: Питер, 1997.

Захарова О.С. Демографическая ситуация в СССР в 80-е гг. // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 43–52.

Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории хозяйственного права М.: Статут, 2000.

Мешеряков А.И. Познание мира без слуха и зрения // Природа. 1970. № 1 // http://scepsis.net/library/id_960.html (дата обращения: 12.12.2012).

Петрановская Л. Карательная психиатрия // Регнум. 2009 // <http://www.regnum.ru/news/1164917.html> (дата обращения: 12.12.2012).

Пишикина Н. Система предупреждения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: история и современность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2005. № 2 // <http://www.narcom.ru/publ/info/627> (дата обращения: 13.10.2013).

Рубинштейн С.Я. Психология умственно отсталого школьника. М.: Просвещение, 1986.

Степина Н. Карательная психиатрия в сиротских учреждениях – результат репрессивной педагогики. 2009 // <http://www.regnum.ru/news/1164276.html#ixzz2GZQTKTDS> (дата обращения: 13.10.2013).

Тульчинская Т. Как система социального призрения в России ломает судьбы детей. 2009 // <http://www.regnum.ru/news/1128298.html> (дата обращения: 13.10.2013).

Фирсов М. История социальной работы в России: учеб. пособие. М.: Гуманитарный издат. центр «ВЛАДОС», 1999.

Шмидт В.Р. Дилемма безопасности ребенка и частной жизни семьи как продукт формации дискурсов защиты детства // Социальная политика и социология. 2011. № 7. С. 146–165.

Шмидт В.Р. Что приводит защиту детей к успеху и провалу? Как история обуславливает современные проблемы обеспечения прав детей в Чехии и России // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 3. С. 331–352.

Azmanova A. 1989 and the European Social Model: Transition without Emancipation? // Social Criticism. 2009. Vol. 35. № 9. P. 1019–1037.

Beetham D. The Legitimation of Power. London: Palgrave Macmillan, 1991.

Bernstein L. Communist Custodial Contests: Adoption Rulings in the USSR after the Second World War // Journal of Social History. 2001. Vol. 34. № 4. P. 843–861.

Blossing U., Imsen G., Moos L. The Nordic Educational Model: „A School for All“ Encounters Neo-Liberal Model. USA: Springer, 2013.

Bryderup I.M. Paedagogisk Sociologi – for Holdet Mellem Individ og Samfund // *Bryderup J.M.* (ed.) Paedagogisk Sociologi – en Antologi. Kobenhavn: Danmarks Paedagogiske Universitets Forlag, 2003. P. 142–164.

Burman Er. Deconstructing Developmental Psychology. London and New York: Routledge, 1994.

Drezgić R. Policies and Practices of Fertility Control under the State Socialism // *The History of the Family.* 2010. Vol. 15. № 2. P. 191–205.

Dupre C. Unlocking Human Dignity: towards a theory for the 21st century European // *Human Rights Law Review.* 2009. № 2. P. 190–205.

Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York: Oxford University Press, 1999.

Folbre N. Greed, Lust and Gender: A History of Economic Ideas. New York: Oxford University Press, 2009.

Forsberg H., Vagli A. The Social Construction of Emotions in Child Protection Case-Talk // *Qualitative Social Work.* 2006. Vol. 5. № 1. P. 9–31.

Kehily M.J. (ed.) Introduction to Childhood Studies. London: Open University Press, 2009.

James Al., Jenks Ch., Prout Al. Theorizing Childhood. London: Polity, 1998.

Haukanes H., Thelen T. Parenthood and Childhood: Debates within the Social Sciences // *Thelen T., Haukanes H.* (eds.) Parenting after the Century of the Child: Travelling Ideas, Institutional Negotiations and Individual Responses. Great Britain: Ashgate, 2010.

Haus M., Heielt H. How to Achieve Governability at the Local Level? // *Haus M., Heielt H., Stewart M.* (eds.) Urban Governance and Democracy: Leadership and Community Involvement. London: Routledge//, 2005. P. 12–38.

Hearn J., Pösö T., Smith C., White S., Korpinen J. What is Child Protection? Historical and methodological issues in comparative research on lastensuojelu/child protection // *International Journal of Social Welfare.* 2004. Vol. 13. № 1. P. 28–41.

Hendrick H. Children, Childhood and English Society, 1880–1990. Great Britain: Cambridge University Press, 1997.

Gilbert N., Parton N., Skivenes M. Child Protection Systems: International Trends and Orientations. New York: Oxford University Press, 2011.

Lee N. The Challenge of Childhood: Distributions of Childhood's Ambiguity in Adult Institutions // *Childhood* November. 1996. Vol. 6. № 4. P. 455–474.

Luckock B. Adoption Support and Negotiation of Ambivalence in Family Policy and Children's Services // *Journal of Law and Society.* 2008. Vol. 35. № 1. P. 3–27.

Mahoney J. Knowledge Accumulation in Comparative Historical Research: the case of democracy and authoritarianism // *Mahoney J., Rueschmeyer D.* (eds.) Comparative Historical Analysis in the Social Sciences. Cambridge University, 2009. P. 131–176.

Nakachi M.N.S. Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language // East European Politics & Societies. 2006. Vol. 20. № 1. P. 40–68.

Ostner Il. Whose Children? Families and Children in “Activating” Welfare States // Wintersberger H., Alanen L., Olk T., Qvortrup J. (eds.) Childhood, Generational Order and the Welfare State: Exploring Children’s Social and Economic Welfare (Volume 1 of COST A19: Children’s Welfare). Odense: University of Southern Denmark Press, 2009. P. 45–57.

Page S. The Difference: How the Power of Diversity Creates Better Groups, Firms, Schools and Societies. USA: Princeton University Press, 2006.

Piper Cr. Moral Campaigns for Children’s Welfare in the Nineteens Century // King M. (ed.) Moral Agendas For Children's Welfare. London: Routledge, 1999.

Cerami A., Vanhuysse P. (eds.) Post-Communist Welfare Pathways: Theorizing Social Policy Transformations in Central and Eastern Europe. Great Britain: Palgrave, 2009.

Prout Al. The Future of Childhood. Great Britain: Routledge Falmer, 2005.

Shmidt V. How does History Predestine Contemporary Issues of Child Protection in the Czech Republic: beyond the Issue of Socialist Legacy: The doctoral thesis. Masaryk University Brno, 2012.

Shmidt V. Lost in Transition: Missed Opportunities for Reforming the Education of Disabled Children in Caucasus Countries // Rasell M., Iarskaia-Smirnova E. (eds.) Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union History. Policy and Everyday London: Routledge, 2013.

Stelmaszvk Z.W. Residential Care in Poland: Past, Present and Future International // Journal of Child and Family Welfare. 2002. Vol. 5. № 3. P. 102–109.

Štampach F. Dítě nad propastí. Dítě toulavé, tulácké a cikánské, jeho záchrana, výchova a výučba. Plzen: Nakladatelství Marie Lábkové, 1933.

Thelen K. How Institutions Evolve: Insights from Comparative Historical Analysis // Mahoney J., Rueschmeyer D. (eds.) Comparative Historical Analysis in the Social Sciences. Cambridge: Cambridge University, 2009. P. 208–240.

Waldegrave S., Coy F. A Differential Response Model for Child Protection in New Zealand: Supporting More Timely and Effective Responses to Notifications // Social Policy Journal of New Zealand. 2005. № 25. July. P. 32–49.

Гендерная культура и институциональный дизайн как матрица исследования семейной политики

Жанна Чернова

Что же представляет собой семейная политика как сфера, где пересекаются интересы государства и граждан? Почему в последние десятилетия из пассивной области деятельности государства она превратилась в одно из приоритетных направлений политики и что стоит за заботой государства о жизни семьи? Можно ли рассматривать институциональный дизайн семейной политики как ведущий фактор, определяющий брачно-репродуктивное поведение, или гендерная культура общества накладывает больший отпечаток на многообразие жизненных выборов и стратегий в сфере семьи и родительства? Ответам на эти вопросы будет посвящена данная глава. Логика изложения будет выстроена с точки зрения сравнения традиционной семейной политики и политики в отношении баланса семьи и работы. Последняя возникла как ответ на критику «фамилизма» старой системы государств всеобщего благосостояния. По мнению Г. Эспинг-Андерсена, семейная политика, основанная на традиционных гендерных ролях в семье и на модели семьи с сильным кормильцем, стала «ахиллесовой пятой» современных государств всеобщего благосостояния, поскольку шла вразрез с тенденциями формирования семьи и рынка труда (Esping-Andersen 1999: 70). Политика в отношении баланса семьи и работы стала рас-

смагиваться с конца 1990-х — начала 2000-х гг. как ответ на происходящие структурные, социальные и экономические изменения в сферах семьи и занятости, связанные с индивидуализацией, плюрализацией семьи и родительства, а также с возросшим участием женщин в оплачиваемой занятости. «Золотой век» государств всеобщего благосостояния и традиционной семейной политики, ориентированной на поддержку модели семьи с мужчиной-кормильцем и женщиной-домохозяйкой, по мнению западных исследователей, подошел к концу (Crompton, Lewis, Lyonette 2010). Изменившиеся структурные условия и либерализация гендерных отношений формируют запрос на новые идеологии и меры поддержки семьи, адекватные запросу со стороны работающих взрослых, заинтересованных в оптимальном совмещении своих профессиональных, семейных и родительских обязанностей.

В последнее время в академическом дискурсе, посвященном изучению дизайна и гендерных последствий семейной политики, ведется активная дискуссия относительно того, что оказывает большее влияние на семейные и родительские практики — проводимая государством политика или гендерная культура (см. подробнее Чернова 2013). Данный вопрос обсуждается в связи с тем, что, во-первых, даже в рамках одного режима государства всеобщего благосостояния присутствуют существенные различия между странами в уровне занятости женщин в общественном производстве, использовании родительских отпусков и участии мужчин в неоплачиваемой домашней работе. Во-вторых, предложенная в 1990-х гг. схема Г. Эспинг-Андерсена активно критикуется уже не столько за ее гендерную нечувствительность, сколько за то, что сегодня все сложнее найти тот или иной режим государства всеобщего благосостояния в чистом виде. Исследователи настаивают, что необходимо говорить о гибридизации этих режимов, происходящей в том числе и под влиянием социальной и семейной политики Европейского союза (Lewis 2009; Matzke, Ostner 2010). И если институциональный подход исходит из представления о том, что политика и ее дизайн имеют решающее значение для формирования паттернов брачно-репродуктивного поведения, задают конфигурацию родительства и занятости, поскольку поведение людей формируется ограничениями и возможностями конкретной семейной политики, то так называемый культурный подход указывает на то, что влияние государства всеобщего благосостояния сильно преувеличено и что культурные различия в гендерных отношениях позволяют намного лучше понять существующее разнообразие моделей семей, плюрализацию детско-родительских отношений, специфику женской занятости и поведение мужчин в роли отцов (Kremer 2005).

Культурный подход утверждает, что изменения в профессиональной занятости, уровень рождаемости и брачно-репродуктивное поведение не могут быть просто изменены в результате влияния политики, они формируются под влиянием культурных норм и представлений о семье, родительстве, феминности и маскулинности. Б. Пфау-Эффингер в связи с этим подчеркивает важность взаимосвязи между гендерным укладом — практиками заботы и работы у мужчин и женщин — и гендерной культурой: нормами, ценностями и отношением к заботе и работе, которые существуют в конкретном обществе (Pfau-Effinger 1998; 1999; Пфау-Эффингер 2000). С точки зрения данного подхода поведение мужчин и женщин как работников, матерей и отцов не определяется и не сдерживается барьерами семейной политики, оно задается культурными предпочтениями относительно профессиональной деятельности и заботы и, по мнению М. Кремер, определяется идеалами заботы, которые доминируют в обществе (Kremer 2005).

Учитывая доминирование сравнительного подхода режимов благосостояния, культурный подход является менее разработанным и более проблематичным. Это связано с трудностями определения культуры (Freeman, Rastin 1999), а также с остаточным статусом этой категории: если ничто другое не может объяснить поведение людей (экономика, демография, социальные факты), то это может быть интерпретировано при помощи культуры (Chamberlyne 1999; Clarke 2004). Таким образом, политика государства и культура рассматриваются как две отдельные, часто противоречащие друг другу переменные (Kremer 2005).

Государство как катализатор: институциональный дизайн семейной политики

Институциональный подход объясняет модели занятости и осуществления заботы с точки зрения теории режимов государств всеобщего благосостояния, подчеркивая отличительные структуры занятости в конкретной стране. Эти теории утверждают, что разномобразии в работе и заботе в значительной степени можно объяснить за счет дизайна социальной и семейной политики государства всеобщего благосостояния, который может выступать как катализатор или, напротив, являться барьером для участия женщин в общественном производстве. Логика данного подхода следующая: политика формирует поведение людей, выступая структурным условием, задающим возможный репертуар жизненных сценариев и выборов на индивидуальном уровне и уровне домохозяйства. Поэтому в рам-

как сравнительного анализа государств всеобщего благосостояния модели работы и заботы являются следствием проводимой социальной политики. Признается, однако, что сначала женщины начали работать, а государства всеобщего благосостояния отреагировали на требования, связанные с правом на занятость и осуществлением заботы (Esping-Andersen et al. 2002; Lewis 1992). Когда женщины массово вышли на рынок труда, они использовали неформальные источники осуществления заботы, а затем «вынудили» государство взять на себя ряд их обязанностей по выполнению функций заботы о зависимых членах семьи. Поэтому государство рассматривается не как инициатор, а как катализатор профессиональной занятости женщин и институционализации заботы о детях.

Сравнительный подход режимов государства всеобщего благосостояния подчеркивает, что разнообразие моделей трудовой деятельности мужчин и женщин формируется под влиянием политики государства. Классическая работа Г. Эспинг-Андерсена «Три мира капитализма» (Esping-Andersen 1990) показывает, что три режима государства всеобщего благосостояния: либеральный, корпоративистский и социал-демократический сгруппированы по трем направлениям: 1) режим благосостояния — конфигурация отношений между государством, рынком и семьей, которая в его работе фактически была сведена до отношений государство — рынок; 2) стратификация общества, которая в общем и целом равна неравенству по доходу и не включает другие типы неравенств, например, по полу, возрасту, этнической принадлежности; 3) социальные права, понимаемые с помощью концепции декоммодификации, т.е. независимости благополучия от трудового вклада работника (Esping-Andersen 1990: 22). Это напрямую связано с интерпретацией гражданства как статуса по отношению к рынку у Т.Н. Маршалла (Marshall 1981), в соответствии с которой гражданство рассматривается как участие, оно означает право участвовать в жизни определенного политического сообщества и быть членом общества. В эссе Маршалла участие в оплачиваемой занятости является «входным билетом» для полноценного гражданства. Автор анализирует его по отношению к рынку в широком смысле и оплачиваемой занятости в частности (Marshall 1981). В дальнейшем Г. Эспинг-Андерсен писал, что гендерное равенство является делом не только женщин, но и общества в целом (Esping-Andersen 1999; Esping-Andersen et al. 2002). Работающие женщины вносят вклад в развитие экономики, обеспечивают лучшую защиту от (детской) бедности и поддерживают государство всеобщего благосостояния в финансовом отношении. Поэтому важной политической целью должна быть гармонизация

двойной нагрузки женщин — работы и материнства. Институционализация заботы о детях и родительские отпуска являются важными инструментами семейной политики, поскольку повышают возможности матерей участвовать в оплачиваемой занятости. Другой целью является достижение гендерной нейтральности при распределении возможностей, жизненных шансов и благосостояния, что становится возможным при продвижении модели «работающего взрослого» (Daly 2011). По мнению Г. Эспинг-Андерсена и других исследователей, работающих в рамках институционального подхода к изучению семейной политики и ее влияния на семейное и родительское поведение, новое социальное государство строится на участии женщин в экономической жизни. Поэтому он вслед за Энн Орлофф (Orloff 1993) использует четвертое измерение — дефамилиализация для того, чтобы подчеркнуть отношения государства и семьи, определяя дефамилиализацию как «политику по уменьшению зависимости индивидов от семьи», максимизирующую индивидуальный объем экономических ресурсов, получаемых вне зависимости от семейной или супружеской реципрокности (Esping-Andersen 1999: 44). При таком рассмотрении гражданство означает возможность быть независимым не только от рынка, но и от семьи.

Несмотря на то что Г. Эспинг-Андерсен включил гендерное измерение в три режима государства всеобщего благосостояния, по мнению ряда исследователей, сделал он это не очень продуктивно. Первый критический аргумент заключается в том, что при анализе социальных прав он объединяет семьи и индивидов. Но то, что хорошо для семьи, не обязательно имеет такой же положительный эффект для женщин. Семьи могут получать достаточную поддержку в рамках семейной политики, но когда они предоставляются мужчине-кормильцу, это гарантирует повышение благосостояния женщин. Женщины часто материально зависят от мужчины-кормильца, несмотря на то, что в целом они получили гораздо больше экономической независимости в последнее время. Другими словами, равенство между семьями может быть высоким при сохранении низкого уровня гендерного равенства внутри семьи (Hobson 1990; Lister 1997; Sainsbury 1996; см. обзор: Ярская-Смирнова 2004).

Второе критическое замечание связано с тем, что в обсуждении гражданства как статуса, связанного с позицией на рынке труда, о женщинах речь заходит только тогда, когда они заняты в общественном производстве. До этого момента они остаются невидимыми для режимов государств всеобщего благосостояния. Это приводит к тому, что сначала они должны быть коммодифицированы,

прежде чем стать декоммодифицированными. При трактовке понятия декоммодификации, по мнению Альбер, ничего не говорится о гражданском статусе получателей заботы — зависимых членах семьи (детях и пожилых), которые могут быть больше заинтересованы в том, чтобы быть независимыми от организации заботы, нежели от рынка труда (Alber 1995).

Кроме этого, критиками высказываются сомнения в том, что понятие дефамилиализации включает в себя заботу. Организация заботы крайне важна для женщин, чтобы понять специфику их гендерного гражданства. Способ заботы о детях и пожилых также выявляет условия, в которых живут многие женщины. Для тех, кто осуществляет заботу, в той же степени, как и для тех, кто ее получает, не имеет значения само по себе, где осуществляется забота — государство, рынок, семья, но для них важно кто осуществляет заботу и на каких условиях она осуществляется. В этом смысле понятия, которые начинаются с «де», такие как «декоммодификация» или «дефамилиализация», формулируют независимость только от одной области, что является недостаточным (Kremer 2005: 41). Концепция дефамилиализации предполагает, что люди свободны от семьи и связанных с этим обязательств, в то время как семейные отношения и отношения заботы сохраняются и не перестают быть важными в жизни индивидов. К тому же маловероятно, что государство сможет взять на себя все обязанности по выполнению заботы о зависимых членах семьи не только потому, что забота — это больше чем работа или деятельность по осуществлению ухода за нуждающимися, но и потому, что она также имеет моральный аспект (Lewis 2001). В целом понятие дефамилиализации критикуется за то, что оно «вызывает определенного рода иллюзии о возможности индивида действовать вне отношений взаимозависимости» (O'Connor et al. 1999), в то время как необходимо признать важность права на получение и осуществление заботы как неотъемлемую часть гражданства. Институциональный подход к изучению семейной политики рассматривает заботу инструментально через способ освобождения матерей от выполнения данной обязанности и как возможность для них выхода на рынок труда, и не ставит вопрос о том, каким образом должен быть организован хороший уход за детьми. Тем не менее, несмотря на последующую критику данной аналитической схемы и попытки дополнить ее новыми измерениями, добавив четвертую и пятую модель, типология Г. Эспинг-Андерсена остается основной схемой для сравнительного изучения социальной и семейной политики государств всеобщего благосостояния (Lewis 1992; 2009; Sainsbury 1996; Daly, Rake 2003).

Модели кормильца

Такие ученые, как Дж. Льюис, М. Дейли и К. Рейк, считают, что невозможно просто механически добавить женщин в аналитическую рамку, которая полностью выстроена вокруг мужской модели работника (Daly 2002; 2011; Daly, Rake 2003; Lewis 1992; 1997; 2001; 2009). Дж. Льюис разработала классификацию государств всеобщего благосостояния на основе моделей кормильцев, а не просто включила гендерный аспект в уже существующую типологию Г. Эспинг-Андерсена. Гендерные модели кормильца должны не только уменьшить проблему индивидуализации, которая достаточно условно решалась при помощи концепции дефамилиализации, но и избавиться от второй проблемы — невидимости неоплачиваемой домашней работы. Эти модели основаны на изучении политики, направленной на поддержку гендерного разделения труда и нормативной модели мужчины-кормильца. Другими словами, Дж. Льюис подчеркивает, что оплачиваемая и неоплачиваемая работа не делится поровну между мужчинами и женщинами в зависимости от политики государства всеобщего благосостояния. Первая – модель сильного мужчины-кормильца, основана на том, что замужние женщины лишены права на труд, они подчинены своим мужьям при помощи системы социальной защиты и налогообложения, ожидается, что они выполнят весь объем домашних обязанностей и возьмут на себя заботу о детях. Вторая – модифицированная модель мужчины-кормильца, предполагает, что женщины заявляют о своих правах как работники и как матери. Третья – модель со слабым кормильцем, состоит в том, что занятость матерей в общественном производстве поддерживается посредством развитой системы доступных сервисов заботы. Типология Льюис служит показателем того, как женщины определяются в системах социального обеспечения разных стран, каков уровень предоставляемых им услуг, особенно в отношении сервисов для детей, а также каково положение замужних женщин на рынке труда (Lewis 1992: 163). Используя этот подход, Д. Сейнсбери высказывает критику в адрес последней модели, считая, что она является проблематичной и показывает скорее отсутствие семейной политики, нежели ее наличие (Sainsbury 1996: 43). Вкладом этой исследовательницы в развитие институционального подхода к изучению семейной политики является не столько критика модели слабого кормильца, сколько ее переопределение в качестве индивидуальной модели и противопоставление модели мужчины-кормильца.

Неоплачиваемый труд является ключевым моментом для моделей кормильца. Однако в данной типологии есть определенное упрощение, связанное с тем, является ли работа по осуществлению

заботы оплачиваемой или нет. Концепт социальной заботы включает в себя субъектов заботы, а также ее локализацию (Thomas 1993; Чернова 2011). В дальнейшем Дж. Льюис сама стала рассматривать режим заботы в рамках гендерного изучения государств всеобщего благосостояния. Она утверждает, что важно исследовать условия, при которых осуществляется забота об иждивенцах, поскольку это указывает на положение женщин в обществе (Lewis 1997): «...режимы заботы также выступают независимой структурой стимулов, которые влияют на участие женщин в общественном производстве и на уровень рождаемости» (Betto, Platenga 2004). Тем не менее модели мужчины-кормильца имеют важное эвристическое значение для сравнительного анализа семейной политики, т.к. пытаются выявить различные логики политики государства в отношении семьи. Однако большинство ученых (Esping-Andersen 1990; 1999; 2002; Lewis 1992; 1997; 2009; Hobson 1990), фокусирующих свое внимание на институциональном дизайне политики государств всеобщего благосостояния, переоценивают роль инструментов политики в формировании конкретного поведения граждан в семейной и трудовой сферах. Они исходят из того, что логика поведения человека диктуется экономической рациональностью, люди, выстраивающие свои жизненные стратегии, действуют исключительно как рациональные субъекты, делающие выбор в пользу семьи или работы в рамках заданной политикой структуры. Между тем следует уделить особое внимание культурным аспектам государств всеобщего благосостояния, формирующим представления о работе и заботе.

Культурный детерминизм и скромная роль государства

Культурный подход подчеркивает, что для понимания гендерных различий в отношении работы и заботы культура имеет большее значение, чем проводимая государством политика в отношении семьи и занятости. Гендерное устройство общества и ценности представляются более важными, чем анализ затрат и выгод, получаемых гражданином в рамках того или иного режима государства всеобщего благосостояния. В рамках данного подхода многообразие семейных отношений и родительства рассматривается как потенциал для социальных изменений. В то время как исследования социальной политики, как правило, подчеркивают значение политической и экономической структуры, культурные теории больше внимания уделяют вопросу, каким образом можно понимать происходящие в современных обществах изменения в моделях занятости и семьи. Существует несколько подходов, наиболее значительными из кото-

рых являются анализ гендерных норм и практик у Б. Пфау-Эффингер и исследование индивидуальных ценностей и предпочтений в отношении работы и семьи у К. Хаким. Рассмотрим их более подробно.

Гендерный уклад и модели семьи

Б. Пфау-Эффингер является наиболее влиятельным исследователем, работающим в рамках культурного подхода. Она считает, что для понимания различий в занятости женщин между европейскими странами не стоит преувеличивать роль политики государства всеобщего благосостояния в качестве ведущего фактора, определяющего поведение мужчин и женщин на рынке труда и в семье. Социальная и семейная политика не может объяснить кардинальные изменения в жизни, произошедшие в последние десятилетия. И хотя такие институциональные условия, как количество сервисов для детей, система социального обеспечения и налогообложения, имеют существенное значение для поведения женщин на рынке труда, не только государственная политика определяет поведение индивидов (Pfau-Effinger 1998: 150).

В своем подходе она делает акцент на доминирующих в обществе социальных нормах и ценностях в отношении семьи и гендерных отношений, получивших название «гендерная культура» (Пфау-Эффингер 2000; Pfau-Effinger 2000). Для того чтобы концептуализировать сложную взаимосвязь культуры, структуры и действий, она разрабатывает понятие, которое называет «гендерный уклад» (*gender arrangement*), выделяя три основных концепта: гендерную культуру, гендерную систему и гендерный уклад как общую рамку исследования.

Гендерная культура является частью всей культурной системы общества, которая включает ценности и идеалы, связанные с гендерными отношениями. Гендерная культура, как нормативные представления о мужественности и женственности, закодирована в социальной политике государства, которое обращается к этим ценностям и идеалам и использует их как систему референций. (Вос)производство ценностей и идеалов осуществляется как в деятельности институтов, так и в поведении индивидов. Хотя, по мнению Пфау-Эффингер, есть набор доминирующих культурных идеалов, существуют также альтернативные ценности, которые вступают в конкуренцию с доминирующими представлениями за определение нормы, что и создает возможности для изменения гендерной культуры.

Для определения понятия гендерной системы Пфау-Эффингер опирается на подход Роберта Коннелла, который делает акцент на

взаимодействии и взаимовлиянии структур и агентов. Коннелл выделяет три сферы гендерной системы (или гендерного порядка в его терминологии): сферу профессиональной занятости, сферу властных отношений и сферу катексиса (эмоциональных отношений). Каждая сфера представляет собой самостоятельную область гендерных отношений, совокупность которых образует конфигурацию гендерных практик, лишенную жесткой детерминации, – «гендерную композицию» (Connell 1987). В разных сферах гендерных отношений происходит формирование нормативных моделей мужественности и женственности, репертуар которых может изменяться под воздействием трансформирующихся структурных условий. Вслед за Коннеллом Пфау-Эффингер рассматривает гендерную систему как совокупность трех гендерных структур и выделяет следующие институты, которые играют главную роль в гендерном разделении труда в современных индустриальных и постиндустриальных обществах: государство всеобщего благосостояния, рынок труда и семью. При этом особо подчеркивается роль государственной политики, которая, по мнению автора, создает часть регуляторных рамок гендерного разделения труда и гендерных практик (Пфау-Эффингер 2000: 25–26).

Выделение гендерной культуры и гендерной системы позволяет Пфау-Эффингер концептуализировать понятие гендерного уклада, который является базовым для разрабатываемого подхода. По мнению автора, «соответствующий гендерный уклад формирует рамку, созданную гендерной культурой и гендерной системой». Для нее принципиально важно то, что, во-первых, гендерный уклад является результатом конфликтов и процессов переговоров между различными социальными акторами, которые участвуют в процессе выработки и формулировки гендерных норм и представлений; во-вторых, результатом поиска компромиссов между конкурирующими представлениями и требованиями, он может быть предметом изменения, что позволяет учесть динамику и контекстуальности гендерной культуры и гендерной системы.

Для того чтобы проанализировать гендерную политику государств всеобщего благосостояния в культурном контексте, Пфау-Эффингер выделяет шесть семейных/гендерных моделей, которые существуют в гендерной культуре западноевропейских стран. Главными измерениями каждой модели являются гендерное разделение труда в публичной сфере и гендерное разделение труда в приватной сфере, а именно в сфере родительства (Pfau-Effinger 2000: 126–129).

От предыдущих этот подход отличает акцент на возможности культурных изменений. Гендерное устройство важно само по себе, т. к. практики на уровне домохозяйства также меняют гендерную

культуру и гендерный порядок. Индивиды могут влиять как на систему ценностей, так и на институты. Как замечает Б. Пфау-Эффингер, «не институты (касающиеся социальной политики. — Ж. Ч.) сами по себе формируют поведение в сфере занятости. Скорее, это взаимодействие гендерной культуры, гендерного порядка и поведения женщин в рамках гендерного устройства, которое влияет на это поведение» (Pfau-Effinger 1998: 60). Автор подчеркивает четыре основных предположения о культуре и культурных изменениях:

общества имеют длительные культурные традиции, которые оказывают влияние на поведение, хотя, как правило, существует набор доминирующих культурных ценностей и идеалов;

нет культурной согласованности в обществе, где могут сосуществовать альтернативные и конкурирующие культурные системы;

изменение культуры зависит от того, как социальные акторы относятся к противоречиям и альтернативам в системе ценностей;

культурные трансформации связаны со структурными изменениями, но они могут быть автономными.

По оценке М. Кремер, слабость и сила этой теории заключается в том, что в ней нет четких каузальных цепочек: институты, гендерные практики и гендерная культура могут быть на первом месте и детерминировать изменения, но могут и служить следствием трансформации практик (Kremer 2005: 50). Важно также отметить, что политика государства и коллективные акторы не всегда могут изменить культуру. Если разрыв между политикой, гендерным порядком и культурой будет слишком большим, то мало что изменится в профессиональной и семейной жизни людей. Если разрыв невелик, то государственная политика становится важным фактором, позволяющим понять степень и вектор реальных изменений.

Индивидуальные предпочтения в отношении семьи и работы

Второй подход, который также можно определить как культурный, представлен работами К. Хаким (Hakim 1999; 2000; 2003). По мнению данного автора, изменение паттернов занятости женщин в Европе может быть объяснено только разнообразием их ценностей или индивидуальными предпочтениями в отношении семьи и работы, поскольку только сейчас впервые в истории у мужчин и женщин есть подлинный выбор, и они могут следовать собственным предпочтениям (Hakim 1999: 33). Данный тезис базируется на теориях индивидуализации (Giddens 1991; Beck, Beck-Gernsheim 2002). Этот новый жизненный сценарий, в котором женщины не ограничены только правом быть матерью, является, по мнению К. Хаким, результатом двух революций и трех изменений, произошедших в по-

следние десятилетия в западных странах — контрацептивной революции; революции равных возможностей; расширением рабочих мест для «белых воротничков», которые являются более привлекательными для женщин; созданием рабочих мест для «вторых кормильцев» с возможностью неполной занятости и возрастающей важностью индивидуальных аттитюдов, ценностей и предпочтений в выборе образа жизни.

Только в тех странах, где эти условия выполняются, женщины действительно имеют возможность свободного выбора. Каким считает, что в такой ситуации женщины могут иметь три типа предпочтений относительно семьи и работы, которые соответственно могут быть сведены к трем различным идеальным моделям семьи. На основе эмпирических данных она следующим образом описывает эти типы. Предпочтения первой группы женщин сконцентрированы вокруг работы, и материнство не является для них приоритетной областью. В эту категорию попадают бездетные женщины. Основные приоритеты представительниц данной группы связаны с профессиональной занятостью или самореализацией в политике, искусстве, спорте и прочих сферах жизни. Такие женщины составляют около 20% в Европе. Вторая группа женщин отличается комбинированными предпочтениями в отношении семьи и работы, т. е. обе этих сферы жизни являются важными для них, и они пытаются совмещать материнство и профессиональную занятость. Данная группа разнообразна по своему составу, в нее входят как те, кто хочет комбинировать семью и работу, так и те женщины, которые вынужденно стали кормильцами семьи. Эти женщины составляют большинство — порядка 60%. Третья небольшая группа женщин — это те, чьи предпочтения сосредоточены на семье. В нее входят как домохозяйки, так и те, кто если бы могли, то не работали бы (20%) (Накит 2000).

Из приведенных данных очевидно, что в анализ, сделанный Хаким, выстроенный вокруг индивидуальных предпочтений относительно семьи и работы, категория заботы не включается. По ее мнению, только личные цели и индивидуальные предпочтения влияют на конкретные причинно-следственные связи на уровне индивидуального поведения. Иными словами, не существует взаимозависимости между общими социальными аттитюдами и личным поведением, выбор всегда происходит на уровне индивидуальных предпочтений, а не под влиянием нормативных представлений о работе и заботе.

Очевидным слабым местом теории К. Хаким является то, что эксплицитно она основана на микропонятии предпочтений и не

учитывает структурных условий, в контексте которых совершаются жизненные выборы. Она по умолчанию исходит из того, что в большинстве случаев семьи достаточно хорошо материально обеспечены и что потребность в деньгах и вклад женщин в семейный бюджет больше не являются причиной для того, чтобы они работали по экономическим мотивам. Хаким считает, что в современном обществе предпочтения являются не просто пострационализацией принятых решений, а мотивационной силой. Именно они являются причиной, а не следствием индивидуального поведения. Но как складываются предпочтения? К сожалению, этот вопрос остается недостаточно проясненным в работах К. Хаким, которая не считает, что они формируются в результате социализации, а связывает их скорее с психологическим состоянием женщины. Эти нюансы позволяют рассматривать теорию Хаким как попытку создать новую объяснительную модель, нежели чем как работающий аналитический инструмент.

Тем не менее важным является вклад культурной теории в объяснение межстрановых различий брачно-репродуктивного поведения граждан. Если сравнительный подход режимов государств всеобщего благосостояния создал важную эвристическую рамку для понимания взаимосвязи между социальной политикой и занятостью женщин, то культурный подход продемонстрировал, что происходящие в Европе изменения не могут быть объяснены исключительно политикой государств всеобщего благосостояния и не в последнюю очередь потому, что не только экономические механизмы определяют индивидуальный выбор в отношении работы и заботы. Они могут быть интерпретированы с помощью индивидуальных предпочтений (К. Хаким) или взаимодействием между гендером и культурой (Б. Пфау-Эффингер). Таким образом, становится очевидной необходимость разработки объединительной парадигмы в изучении семейной политики, включающей в себя как институциональный дизайн политики, так и гендерное устройство общества, формирующие нормативные представления о семье и родительстве.

***

Итак, современные дискуссии о состоянии и перспективах развития академических исследований семейной политики концентрируются вокруг критики старой версии социального государства, упрекаемого за его неспособность адекватно реагировать на современные социально-экономические вызовы и происходящие изменения в профессиональном и семейном поведении граждан. В связи с новыми структурными условиями пересматривается вся архитектура социальной политики государств всеобщего благосостояния. Она

больше не ориентируется на пассивное обеспечение определенного, в большинстве случаев минимального, уровня благосостояния за счет прямых видов монетарной поддержки, а направлена на активацию индивидуальной ответственности и самостоятельности граждан в их социальном обеспечении за счет как можно большего и продолжительного включения в рынок труда. Политика баланса семьи и работы, которая пришла на смену традиционной семейной политике, исходит из представления о том, что все взрослые независимо от пола и возраста участвуют в общественном производстве, что именно трудовая занятость обеспечивает им определенный уровень жизни и доступ к социальным правам. Конечно, в достаточно большой степени такое кардинальное изменение позиции государства связано с общим для западноевропейских стран неolibеральным трендом в социальной политике, ориентированной на самостоятельного рыночно успешного индивида. Несмотря на всю критику в адрес политики баланса семьи и работы, которая подчинена достаточно утилитарным требованиям рынка труда и инструментальному подходу к организации социальной заботы о детях, представляется, что она может привести к большим последствиям для гендерного равенства, чем традиционные (либеральная и консервативная) модели семейной политики. Признание в качестве новых социальных прав право не только на работу, но и на осуществление и получение заботы вне зависимости от гендерной принадлежности субъекта заботы выводит на повестку дня проблемы, связанные с гендерным разделением неоплачиваемого домашнего труда и «запаздывающей» модернизацией маскулинности, которая не соответствует радикальным изменениям, произошедшим в женских биографических и профессиональных сценариях. Само включение в риторику политики семьи и баланса вопросов о более равном распределении заботы о детях позволяет рассматривать ее как модернизированную версию традиционной семейной политики.

Другая тема теоретико-методологического дебата о современной семейной политике, ее состоянии и путях развития заключается в поисках адекватных аналитических схем и моделей интерпретаций профессионального и семейного поведения граждан, особенно в сравнительной перспективе. Дискуссия о том, что же в большей степени определяет брачно-репродуктивное поведение граждан — государственная политика или культура представляется чрезвычайно важной, особенно при попытках изучения отечественной версии политики в отношении семьи. Институциональный подход и типология режимов государств всеобщего благосостояния, несмотря на многочисленную критику, по-прежнему остается одной из основных

аналитических рамок исследований социальной и семейной политики. Аргументы культурного подхода, предлагающего не преувеличивать роль государства, а лишь рассматривать его как катализатор происходящих процессов и изменений, также выглядят обоснованными, поскольку типология Г. Эспинг-Андерсена не позволяет объяснить существующие различия внутри стран, относящихся к одному режиму, а также не способна понять специфику все более многочисленных гибридных моделей социальных государств. Оставаясь однозначно описательными даже в своих интенциях, широкие сравнительные исследования, охватывающие значительное число стран и показателей (Gauthier 1996), сосуществуют с весьма углубленным изучением политики и ее результатов в определенных странах, которые остаются ограниченными для обобщения. Эта особая проблема располагает к критическому пересмотру современного развития исследований в сфере семейной политики.

Список источников

Пфау-Эффингер Б. Опыт кросс-национального анализа гендерного уклада // СОЦИС. 2000. № 11. С. 24–35.

Чернова Ж. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 3. С. 295–319.

Чернова Ж. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.

Ярская-Смирнова Е. (ред.) Социальная политика и социальная работа: гендерные аспекты. М.: РОССПЭН, 2004. С. 9–28.

Alber J. A Framework for the Comparative Study of Social Services // Journal of European Social Policy. 1995. Vol. 5. № 2. P. 131–149.

Beck U., Beck-Gernshteim. Individualization. Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences. London: Sage, 2002.

Bettio F., Plantenga J. Comparing Care Regimes in Europe // Feminist Economics. 2004. Vol. 10. № 1. P. 85–113.

Chamberlayne P. et al. Welfare and Culture in Europe. Towards a New Paradigm in Social Policy. London: Jessica Kingsley, 1999.

Clarke J. Changing Welfare, Changing States. London: Sage, 2004.

Connell R. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics. Cambridge: Polity, 1987.

Crompton R., Lewis S., Lyonette C. Introduction: The Unravelling of the „Male Breadwinner“ Model – and Some of its Consequences // Crompton R., Lewis S., Lyonette C. (eds.) Women, Men, Work and Family in Europe. Palgrave Macmillan, 2010.

Daly M. Care as Good for Social Policy // Journal of Social Policy. 2002. Vol. 31. № 2. P. 251–270.

Daly M. What Adult Worker Model? A Critical Look at Recent Social Policy Reform in Europe from a Gender and Family Perspective // Social Politics. 2011. Vol. 18. № 1. P. 1–23.

Daly M., Rake K. Gender and the Welfare State. Care, Work and Welfare in Europe and the USA. Cambridge: Polity Press, 2003.

Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990.

Esping-Andersen G. Social Foundations of Post-Industrial Economies. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Esping-Andersen G., Gallie D., Hemerijck A., Myles J. Why We Need a New Welfare State. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Freeman R., Rustin M. Introduction: Welfare, Culture and Europe // Chamberlayne P. et al. (eds.) Welfare and Culture in Europe. Towards a New Paradigm in Social Policy. London: Jessica Kingsley, 1999.

Gauthier A. The State and The Family. A Comparative Analysis of Family Policies in Industrialized Countries. Oxford: Clarendon Press, 1996.

Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.

Hakim C. Models of the Family, Women's Role and Social Policy. A New Perspective from Preference Theory // European Societies. 1999. Vol. 1. № 1. P. 33–58.

Hakim C. Work-Lifestyle Choices in the 21st Century. Preference Theory. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Hakim C. Models of the Family in Modern Societies. Ideals and Realities. Aldershot: Ashgate, 2003.

Hakim C. Public Morality Versus Personal Choice: The Failure of Social Attitude Surveys // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54. № 3. P. 339–345.

Hobson B. No Exit, No Voice: Women's Economic Dependency and the Welfare State // Acta Sociologica. 1990. Vol. 33. № 3. P. 235–250.

Kremer M. How Welfare States Care. Culture, Gender and Citizenship in Europe. PhD thesis. 2005.

Lewis J. Gender and the Development of Welfare Regimes // Journal of European Social Policy. 1992. Vol. 2. № 3. P. 159–173.

Lewis J. Gender and Welfare Regimes: Further Thoughts // Social Politics: International Studies in Gender, State and Society, 1997. Summer. P. 160–177.

Lewis J. The Decline of the Male Breadwinner Model: The Implications for Work and Care // Social Politics. 2001. Vol. 8. № 2. P. 152–170.

Lewis J. Work–Family Balance, Gender and Policy. Edward Elgar Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 2009.

Lister R. Citizenship. Feminist Perspectives. Hong Kong: Macmillan, 1997.

Matzke M., Ostner I. Introduction: Change and Continuity in Recent Family Policies // Journal of European Social Policy. 2010. Vol. 5. № 20. P. 387–396.

Marshall T.H. The Right to Welfare: and Other Essays. London: Heinmann, 1981.

Orloff A. Gender and the Social Rights of Citizenship: The Comparative Analysis of Gender Relations and Welfare States // *American Sociological Review*. 1993. Vol. 58. № 3. P. 303–328.

O'Connor J., Orloff A., Shaver S. States, Markets, Families. Gender, Liberalism and Social Policy in Australia, Canada, Great Britain and the United States. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Pfau-Effinger B. Gender Cultures and the Gender Arrangement – A Theoretical Framework for Cross-National Gender Research // *Innovation*. 1998. Vol. 11. № 2. P. 147–166.

Pfau-Effinger B. Change of Family Policies in the Socio-Cultural Context of European Societies // *Comparative Social Research*. 1999. Vol. 18. P. 135–159.

Pfau-Effinger B. Conclusion: Gender Cultures, Gender Arrangements and Social Change in the European Context // *Duncan S., Pfau-Effinger B. (eds.) Gender, Economy and Culture in the European Union*. Routledge, 2000. P. 262–273.

Sainsbury D. Gender, Equality and Welfare States. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Thomas C. De-Constructing Concepts of Care // *Sociology*. 1993. Vol. 27. № 4. P. 649–669.

Преобразования и преемственность современной семейной политики

Маргитта Матцке, Илона Остнер

С середины 1990-х гг. семья и политика в отношении семьи привлекают все большее внимание в западных государствах благосостояния, даже в таких странах, как Нидерланды и Великобритания, в которых роль государства в семейных делах была не столь значительна (Knijn et al. 2008: 261). Семьи попали в центр дискуссий о новых рисках и столь востребованных новых стратегиях западных государств благосостояния (Bonoli 2005; Esping-Andersen 1999; 2002; Jensen 2008; Taylor-Gooby 2004). Формулировка целей семейной политики варьируется от страны к стране, при этом наблюдается значительная неопределенность относительно источников такого разнообразия и будущего развития этой сферы политики. Широкие сравнительные исследования, охватывающие значительное число стран и показателей (Gauthier 1996; OECD 2001), остаются описательными. Наряду с ними есть и весьма углубленные штудии политики и ее результатов в определенных странах, однако их результаты не подлежат генерализации. Это располагает к критическому пересмотру современного развития исследований в сфере семейной политики. Не отказываясь от подхода кейс-стади с его значительным потенциалом для понимания динамики развития, дан-

---

Адаптированный перевод сделан с разрешения правообладателя SAGE Publisher: Mätzke M., Ostner I. Introduction: Change and Continuity in Recent Family Policies // Journal of European Social Policy. 2010. Vol. 20. № 5. P. 387–398. Copyright © 2011 by SAGE.

ный текст представляет разбор проблем и дилемм семейной политики развитых стран с учетом меняющихся представлений о должном во взаимодействии семьи, индивида и государства, и уже проделанного анализа политики в отношении семей и детства. Основной целью становится системное объяснение разнообразия форм и движущих сил семейной политики в развитых странах западной либеральной демократии.

С целью осуществить первичный обзор и структурировать темы, относящиеся к такой особой проблеме, как семейная политика, данный текст обрисовывает меняющуюся природу и социальные роли семьи, которые формировались и развивались в контекстах политики благосостояния и гражданских прав. Свойственная современной социальной науке широкая трансформация восприятия семьи пока не воплощается в стратегиях социальной политики. Тем не менее задача главы – построить основу для систематического описания возможных факторов формирования семейной политики в отдельно взятых странах. Здесь предпринята попытка уйти от описания к возможному объяснению того, как по-разному реагируют страны на изменения в структуре семьи. Тот краткий обзор подходов к пониманию возможных причин изменения семейной политики, который представлен ниже, основывается на потенциальных сильных сторонах и трудностях. Анализ сложившихся подходов сфокусирован на возможности интегрировать различные подходы в комплексную объяснительную схему, что позволит лучше понять движущие силы развития семейной политики. Завершается текст обзором способов изучения движущих сил и последовательности изменений семейной политики.

Изменение в восприятии семьи и сфера семейной политики

Масштабные социальные и экономические тенденции глобализации и деиндустриализации с их отражением в экономической структуре и рынках труда (Iversen, Wren 1998; Pierson 1996), как и старение населения и изменение паттернов семейной жизни во многих западных обществах поставили семью в центр новой политики активации рынков труда. Наиболее значимым для правительств многих стран становится продвижение занятости матерей, стремление минимизировать гендерно и семейно обусловленные различия в трудоустройстве и доходе; гибкость в поведении на рынке труда. Как часть и одновременно фактор этих изменений развитие и раннее обучение детей также оказались в фокусе общественного внимания. Соответственно, способность многих семей осуществлять надлежащее раннее

обучение все чаще ставится под вопрос, что влечет пересмотр практик защиты детей. Наряду с экономическими проблемами семейная политика позиционируется как совокупность стратегий, улучшающих экономическую независимость женщин, минимизирующих риски бедности семей и оптимизирующих благополучие детей. Более того, в большинстве западных государств благосостояния развивается новый пронатализм как элемент политики активизации всех взрослых членов семьи, который опирается на исследования, которые выявили положительную корреляцию роста рождаемости и распространения такой модели семьи, как два работающих родителя (Castles 2003; Henninger et al. 2008).

Семейная политика приобретает все качества универсальной стратегии, направленной на решение широкого круга задач. Это обнаруживается в уходе семейной политики из сферы *sui generis* (определенного набора мер государства благосостояния, который распознается как организованный относительно определенных концепций, набора целей и акторов, исключительно приспособленных к поддержке функций семьи и ее членов) в сферу более общей политики. Рассмотрение семейной политики как вспомогательной по отношению к решению проблем занятости, развития навыков¹, снижения бедности заняло существенное место в дебатах относительно планирования политики и придало семейной политике функционалистское звучание. Как будет показано далее, современные методы семейной политики успешно применяются для решения проблем рынка труда и сферы образования (позднее трансформируясь в составную часть гендерной политики). Однако задачи, связанные с демографической политикой, вводят новую повестку семейной политики. Эта тенденция наиболее артикулирована в тех государствах, которые характеризовались консервативной политикой и/или последовательным воплощением модели кормильца семьи (breadwinner model). Страны с такой традицией начинают двигаться в направлении политики, типичной для Франции и скандинавских стран, где традиционно государство берет на себя достаточную ответственность за участие родителей на рынке труда, проектирование развития семьи, режимы заботы и социализацию ребенка (Ellingsæter, Leira 2006; Lenoir 1991; Lewis 1992). Возможно, эти проявления остаются латентными, но практически универсальными для многих западных стран. На выбор стратегии семейной политики

---

¹ Skill formation – одна из недавних стратегий поддержки групп риска на рынке труда, основанная на идее целостного подхода к решению проблемы занятости, в том числе посредством интенсификации взаимодействия работодателя и местного сообщества.

стало влиять все большее число экономических, финансовых и политических факторов и в странах, которые отличаются давней традицией продуманной комплексной политики государства в отношении семьи и детства. Политические стратегии, которые первично ориентировались на благополучие семей и детей, приобрели более утилитарную логику.

Два набора контрастирующих характеристик способствуют пониманию этого многостовного движения к подчинению семейной политики экономическим и политическим задачам: (1) фамилиализм-натализм и (2) институт-группа. Думается, что одна из первых попыток прояснить концепт действенной семейной политики вернула к жизни давнее и берущее начало во Франции противопоставление фамилиализма и натализма, а также соответствующих им стратегий (Lenoir 1991; Pedersen 1995). Традиционный французский фамилиализм рассматривал семью как институт со своими правами, отдельную сферу, которая основывается на собственности, накоплении имущества, наличии достаточного числа сыновей для наследования всего того, что имела семья, и на идее комплементарных ролей мужчины и женщины, родителей и детей. Как следствие, в традиционной фамилиалистской модели обязательствам в отношении было отдано приоритетное значение по сравнению с индивидуальными правами. От мужей и жен, родителей и детей ожидалось, что они будут заботиться друг о друге так долго и интенсивно, как потребуется. Обязательства в отношениях соотносились также и с правовой традицией защищать менее защищенных членов семьи (неработающих жен, их детей) от произвола более сильных (мужей и родителей) и несправедливости со стороны служб. Государственная политика рассматривала защиту такого семейного уклада посредством как принудительных мер (законы против аборт и контрацепции), так и мер поддержки (по преимуществу пособия, социальная защита посредством компенсации неработающим членам семей в случае утраты работающего отца и льготное налогообложение). Напротив, натализм рассматривает семью как средство, которое в первую очередь решает социетальные задачи (Lenoir 1991; Myrdal 1945). Эти цели, которые являются внешними по отношению к интересам семьи, а временами и противостоят намерениям членов семьи, по преимуществу соотносятся с экономической и военной политикой, и также обусловлены амбициями влиять на демографическую ситуацию. В наталистской парадигме отношения между государством и его гражданами (а не отношения между членами семьи) становятся доминирующей осью, и государственная политика разрабатывается для влияния на формирование семьи и ее практик так, чтобы обеспечить реализацию интересов государства.

Если противопоставление целей фамилиализма и натализма фокусируется на вопросе, чьи цели преобладают относительно содержания и форм интервенции в семейные практики, то вторая ось, институт-группа, смещает фокус на статус семьи и вмешательства в ее дела. Осмысление семьи как института противопоставляется восприятию семьи как группы (или ассоциации, в логике Дюркгейма). Если рассмотрение с позиции института вырабатывает целостный концепт семьи, и семейная политика должна рассматривать семью как неделимый базовый социальный союз, то концепт группы рассматривает семью как состоящую из индивидуальных членов с различающимися интересами и властью, в том числе властью выражать неудовольствие или покинуть группу (Hobson 1990). Соответственно, семейная политика либо содействует защите и охране целостности семьи как одного из основных социальных союзов или члены семьи рассматриваются как индивиды с разной степенью способности управлять своими делами, а политика направлена на медиацию между интересами разных членов в соответствии с канонами прав индивида. Примером такого подхода становится политика гендерного равенства или совсем недавняя тенденция выделять политику в отношении детей как обладающих своими интересами.

Последние десятилетия смысл семейной политики (там, где она осуществлялась) неуклонно трансформируется в направлении усиления концепта семьи как группы индивидов. Семья все реже рассматривается как отдельно взятый институт, но все чаще семейное благополучие рассматривается в тесной связи с другими направлениями публичной политики: такие меры сконцентрировались на благополучии отдельных членов семьи как значимом аспекте, гендерных проблемах и с недавнего времени – на интересах ребенка как приоритетных при оценке ситуации. Оптимизация занятости родителей и защиты детей становятся фокусами данного подхода. Этот акцент на трудоустройстве и детско-родительских отношениях происходит из конфликта двух взглядов на семью: как на средство достижения просоциальных целей и как на группу индивидов с несопадающими интересами. Все чаще анализ социальной политики критически оценивает меры прямой экономической помощи, и службы (там, где они действуют), которые рестандартизируются в направлении обслуживать скорее просоциальные цели, чем специфические интересы членов семьи.

Преобразование семейной политики в странах Западной Европы происходит в двух направлениях: политические задачи определяются внешней по отношению к семье логикой, но в части поддержки и помощи политика становится все более ориентированной на отдельных членов семьи, чем на семью как социальный союз. Эта

широкая трансформация в самых общих чертах проявляется в эволюции параметров общественного восприятия относительно семьи – частично укоренившихся в публичном праве, частично встроенных в дизайн политических мер. В некотором смысле эти параметры растворяются в популярных ожиданиях или «политических парадигмах» (Campbell 1998; Hall 1993). Они заявляют о себе различными способами как в устойчивых институтах государства благосостояния, наследии прошлого, так и в самом общем контексте традиционных режимов семейной политики, которые обсуждаются в следующем разделе. Традиционные режимы семейной политики соотносятся, с одной стороны, с широкой траекторией изменений, а с другой – с охватом и направлением инициатив, обусловленных спецификой разных стран.

Режимы семейной политики, масштабы и направления ее изменений

Семейная политика различных развитых стран развивается сегодня в сходных контекстах, поскольку достаточно зрелые режимы благосостояния сталкиваются с сопоставимыми демографическими и социоэкономическими вызовами. Эти страны вписываются в типологию Эспинг-Андерсена с ее полюсами – странами Скандинавии (социал-демократический режим) и Великобританией (либеральный режим), и значительным количеством стран, представляющих гибрид этих двух типов. Изначально Эспинг-Андерсен конструировал свою типологию режимов благосостояния безотносительно семьи (пенсии, оплата больничных и пособий по безработице). Он также уделял минимальное внимание многочисленным вариациям выделенных им типов, и лишь констатировал существенные избранные сходные черты режимов (Scruggs, Allan 2006). Гибридизация означает, что семейную политику нужно изучать в сравнительном контексте (Strohmeier 2002), и если принимать во внимание изменения каждого из режимов, то применение типологии Эспинг-Андерсена становится все более проблематичным. Несмотря на эти проблемы, типология Эспинг-Андерсена способствовала выходу за пределы прежних сравнительных исследований, которые фокусировались на показателях брака и развода семей и воздерживались от классификации стратегий анализируемых типов политики (Kamerman, Kahn 1978).

Современная социальная наука воспринимает семью как значимого провайдера социетального благополучия (обеспечивающего спрос на заботу и образование) и вместе с тем как нуждающегося в социетальной поддержке (посредством законов, материальной по-

мощи, служб и советов); соответственно, семейная политика включает как службы для семьи, так и службы, реализуемые самой семьей (Kremer 2007). Изобретая новые таксономии – миры семейной политики, модели семейной политики или режимы заботы, сравнительная семейная политика пополнила исследования государств благосостояния новыми измерениями для обоснования типологий (Gauthier 1996; Hantrais 1999; Pfenning, Bahle 2000). Типологии семейной политики также представляют ценные структуры для сортировки эмпирического материала и критической оценки тех факторов – от общих тенденций инструментализма семейной политики до актуального состояния семейной политики в отдельных странах. Так, для систематического анализа вариаций уровня экономической и организационной поддержки для семей («cash and care») Кауфман (Kaufmann 2002) различил четыре типа семейной политики (или – «семей наций»), которые существенно отличались от трех миров капитализма благосостояния. В соответствии с выборкой стран, включенных в его классификацию, Кауфман выделяет Францию и Данию в общий тип, сочетающий как значительные денежные пособия, так и интенсивное обеспечение услугами дневного присмотра за детьми. Германия и Нидерланды попадают в категорию стран с умеренной интенсивностью семейной политики, поскольку, предоставляя семьям минимальный доход, они ограничены в инфраструктуре поддержки, правовой регуляции, а также (на момент исследования) и в поддержке участия женщин на рынке труда. Режим семейной политики в Объединенном Королевстве отличается недостатком как материального обеспечения, так и сервисами (Strohmeier 2002: 336–337); это отличает и политику Италии, кроме того, проведенный позднее анализ семейной политики Японии указывает на принадлежность этой страны к тому же типу.

Эти профили встраиваются в ранние исследования Кауфмана, который стремился различить национальные типы семейной политики (Kaufmann 1993) в зависимости от уровня компетентности государства в семейных делах и легитимности государственной семейной политики в рассматриваемых странах. Соответственно, при высоких значениях этих показателей семейная политика определялась как легитимная и по преимуществу эксплицитная. Тогда как более чем умеренная и слабая публичная политика влияния на семьи (хотя бы скрытого), наоборот, определялась как имплицитная или просто несуществующая. Эксплицитные и имплицитные формы семейной политики различались в отношении институциональных решений, охвата и масштаба политики, подходов к определению права семьи на материальную помощь и государственные социальные услуги. Так, в начале 1990-х гг. в двух «консервативных» госу-

дарствах благосостояния – Франции и Западной Германии сочетались оба варианта легитимной и эксплицитной семейной политики. Если Франция реализовывала политику умеренного и сильного фамилиализма, то Западная Германия – эксплицитного и сильного. Кауфман (Kaufmann 2002) пришел к выводу, что Дания – вариант имплицитного режима, потому что семейная политика в такой степени поставлена в зависимость от участия на рынке труда, что по преимуществу фокусируется на политике заботы, балансе семьи и труда. Имплицитный фамилиализм можно разглядеть в странах Средиземноморья и в Великобритании, поскольку в этих странах нет ни достаточных материальных выплат, ни гарантий помощи служб семье. Книйн с соавторами (Knijn et al. 2008) в своем анализе итальянской семейной политики (частично сопоставляемой с голландской) говорят о фамилиализме «по умолчанию», и этот термин, возможно, применим и относительно семейной политики в Японии.

И хотя подход к выделению режимов семейной политики первично был использован для сопоставления актуального состояния отдельных стратегий государства, эта методология предоставляет отличную отправную точку для осмысления того, в каких направлениях происходят изменения семейной политики. Убежденность в соответствующей последовательности этапов развития семейной политики объясняет столь настойчивые усилия развивать сравнительную структуру для изучения режимов семейной политики (Kaufmann 2002). Различая эксплицитные и имплицитные режимы, последователи данного подхода не остаются нейтральными в оценке эффективности различных режимов и рекомендаций для практики. Наоборот, они исходят из предположения, что тенденцией станет движение в направлении определенного типа имплицитной политики (Kaufmann 2002). В дискуссии о действенности семейной политики был введен термин «скандинавизация» для описания этой тенденции:

Выделенные четыре типа режимов различны, что очевидно соотносится с мотивами политических действий относительно проблем семьи ... До сегодняшнего дня [февраля 2001 г. – Прим. авт.] знания в сфере политики по семейным вопросам на европейском уровне характеризуется многочисленными пробелами. Тем не менее следует ожидать прилив интереса (структур Европейского союза. – Прим. авт.) к теме гендерного равенства и прав детей. Это усиливает влияние скандинавского типа имплицитной политики на другие нации и также может содействовать эффекту модернизации семейных отношений в данном направлении (Kaufmann 2002: 419).

Сходным образом Джейн Льюис (Lewis 2001) аргументировала, что значительное изменение семейной политики предполагает движение от политики, основанной на модели кормильца, и политики, нацеленной на карьеру женщины, к модели, в рамках которой все взрослые члены семьи приобретают экономическую независимость. Энн Орлофф (Orloff 2006) предлагает еще один вариант концептуализации. По ее мнению, происходящее развитие соотносится с тем, что она называет финалом матернализма¹:

Эксплицитная, основанная на гендерной дифференциации логика политического распознавания потребностей и финансовой поддержки матерей вытесняется якобы гендерно нейтральными понятиями содействия только экономически активным взрослым, с поддержкой обязанности работников государственного сектора заботиться о зависимых членах семьи посредством временных отпусков. Аргументы в пользу особенности матерей все реже используются защитниками женского равенства, и политические требования относительно защиты материнства становятся все менее популярными и поддерживаемыми элитами. Это не означает, что материнство утратило свое культурное значение и поддержку, просто, становится все сложнее предъявлять к государству требования относительно особого подхода к материнству или материнской заботе, а в некоторых случаях – политически невозможно (Orloff 2006: 232).

«Скандинавизация» и прощание с «политикой матернализма» указывают на специфику происходящих изменений. Эти изменения достигают уровня масштабных трансформаций относительно как роли семьи в обществе, так и функции семейной политики. В соответствии с категориями, рассмотренными в предыдущем разделе, семейная политика скорее все больше индивидуализируется, нежели ориентируется на семью как единое целое (институт). Эта всеобъемлющая тенденция взаимодействует с изменениями профилей семейной политики и позволяет строить предположения относительно ее направленности в разных странах. Тогда как «скандинавизация» и прощание с матернализмом стало вполне реальным трендом не только скандинавских стран, как утверждает Орлофф, изменения семейной политики, например, в Дании, которая уже десятилетия реализует модель двух кормильцев, характеризуются несколько иным качеством и направлением по сравнению со стра-

---

¹ Maternalism – здесь: сосредоточенность семейной политики на фигуре матери.

нами, в которых нет такого социал-демократического наследия. Дания становится одним из самых последовательных примеров изменений без резких смен стратегии. В соответствии с тем же индикатором стабильности курса политики, проводимой государством, можно утверждать, что давно установленные общественные функции семейной политики во Франции внушают уверенность в том, что значительных изменений в ориентации французской семейной политики не произойдет.

По контрасту с этими государствами в некоторых других развитых странах издавна установленные стратегии семейной политики утрачивают актуальность и действенность. Страны, которые имеют в «анамнезе» своей семейной политики тот или иной вариант модели разделения функций на кормильца и домохозяйку, склонны к большей вариативности изменений, и прощание с матернализмом проявляется во многих инициативах семейной политики. Тенденции, которые обсуждались в предыдущем разделе, отличаются разнообразными проявлениями – в зависимости от того, каким историческим наследством обладает семейная политика конкретной страны. Вместе с тем прошлое не может объяснить всех текущих изменений семейной политики большинства стран. Например, Япония и Италия отличаются давней традицией модели кормильца, как Германия, Австрия или Нидерланды, но если три последних страны смогли осуществить обширную реформу основ семейной политики, то ни в Японии, ни в Италии такие трансформации не произошли. Соответственно, преобразования в семейной политике не могут «прочитываться» только в контексте прошлого или настоящего. Различия в странах со сходными историческими основами семейной политики требуют дальнейших объяснений.

Объясняя семейную политику

Исследование институциональных изменений стало одним из центральных направлений сравнительного исторического анализа. Оттолкнувшись от критики безвозвратно устаревшей идеи рассматривать историю как совокупность переходных и стабильных периодов, или как развитие по сценарию зависимости от прежней траектории (path dependency) (Thelen 2003), исследователи предприняли попытку выйти за пределы заданной последовательности, бросив вызов консервативному уклону в литературе по проблеме институционализма (Streeck, Thelen 2005: 3). И все же новые основания для понимания трансформации институтов по преимуществу все еще игнорируются при рассмотрении изменяющейся семейной поли-

тики как составляющей политики государств благосостояния. Современное институциональное мышление вырабатывает свою аргументацию и программу исследования в категориях разнообразия капитализма, к которому относится критически (Hall, Soskice 2001). Соответственно все типы публичной политики, проводимые капиталистическим государством, понимаются как обслуживающие элементарные функции развитой экономической системы (Hall, Soskice 2001). Эксперты не приписывают политике, имеющей отношение к семье, хоть какую-нибудь роль координации, считая сферу вмешательства в дела семьи пространством публичной риторики. К одному из немногих исключений можно отнести работу Маргариты Еставес-Абе (Estévez-Abe 2005), которая оценивает национальные профили стратегий обучения, обосновывая теорию сегрегации занятости по признаку пола. И все же при всем росте внимания к семейной политике, приобретающей решающее значение в стареющих западных обществах, пока не найдены оптимальные способы понимания государственных стратегий, их изменения или стабильности.

Все больше исследований указывают на возрастание намерения государств Западной Европы вмешиваться в такие проблемы, как развитие ребенка, заботу о детях, занятость матерей, и в целом в активацию рабочей силы. Однако в силу новизны исследовательского поля аналитические тексты остаются по преимуществу описательными и сосредоточиваются на «истории». Большая часть осмысленных изменений в семейной политике фокусируется на том, какого рода преобразования происходят в семейной политике разных стран. Насыщенные фактами и интерпретациями описания того, как происходят изменения, часто содержат и объяснительные схемы. Чтобы систематизировать разнообразие объяснительных схем, мы вводим два измерения для дифференциации движущих сил изменений в семейной политике. Во-первых, мы различаем **материалистические и идеалистические объяснения** – в самом широком значении. Если **материальные факторы** соотносятся с аргументами из сферы институционализма, социоэкономики и политических интересов, то **идеи** определяют общественное восприятие семьи, ее функций и социальных ожиданий от семьи и ее членов. Такие идеологические корпусы, как коммунитаризм, либеральный контракт, утилитаризм и многие другие, непосредственно соотносятся с обоснованием тех или иных политических решений в отношении семьи и аргументами в пользу того, что становится вкладом семьи в общественное благо. Якобсен (Jacobsen 1995: 298) доказывает, что в самих идеях нет ничего такого, что бы объясняло их силу – они не могут быть отделены от условий, в которых сталкиваются интересы политических акторов, что и располагает обращаться к идеям. Идеи не могут быть отделены от интереса тех, кто отбирает

их для обеспечения собственных нужд и убеждений в контексте политических проектов (Campbell 1998; 2004). Одни идеи обладают качествами, лучше соответствующими запросам политических акторов и, соответственно, преуспевают при отборе и последующей институционализации. По мнению Голдштейна и Каеоана (Goldstein, Keohane 1993), идеи влияют на сферу публичной политики, если они предлагают «дорожную карту», помогающую прояснить отношения между целями и средствами их достижения. Также интересы имеют тенденцию смешиваться с идеями, и, несмотря на объясняющую силу «дорожных карт», различные констелляции акторов могут изменять как направления, так и «пункты назначения» проводимой политики (Jacobsen 1995: 291).

Во-вторых, как в материальных, так и в идейных аргументах обоснования следует отличать социетальные объяснения от политических. Прежний фокус на социетальных акторах – индивидах и организованных интересах, тех, кто исполняет правила (rule takers) (Streck, Thelen 2005: 13), – уступает место более позднему фокусу на тех, кто правила создает (rule makers) – на уровне принятия решений и тех институциональных факторов, которые строят семейную политику и определяют ее изменения.

Современные исследователи семейной политики оперируют четырьмя типами объяснений, которые образуются соотношением двух оснований для классификации: движущими силами и агентами изменений (см. табл.).

Таблица 1

Типы объяснений

Движущие силы	Динамика и агенты изменений	
	Социетальные объяснения	Политические объяснения
Материальные факторы	(I) Давление демографической ситуации, социэкономические изменения, властные ресурсы групп влияний	(II) Возможности и границы различных институтов, ресурсы власти и влияния, институционализированное влияние акторов политики
Идеи и концепты	(III) Нормативные модели социально приемлемого поведения, общественное мнение	(IV) Разнообразие мнений и подходов, сообщества экспертов

(I) Чаще всего исследователи оперируют социоэкономическими и демографическими изменениями как движущими силами семейной политики (Bonoli 2005; Hantrais 1999). Даже такие сложные задачи, как кросс-культурное сравнение и темпоральное изменение политики часто решаются в контексте анализа регуляции демографической ситуации (Pierson 2004). Однако вопрос о том, почему многие страны не сразу реагировали на демографические вызовы, располагает не ограничиваться только макрофакторами в объяснении этих процессов. Другие исследования, нацеленные на социальные объяснения, сосредоточиваются на роли ресурса власти и предпочтений социальных групп, а также на организационных интересах. Так, в контексте семейной политики женские движения часто становятся предметом особого интереса. Решающим аспектом данного направления анализа становится процесс взаимообуславливания интересов (и идей) индивидов и организованных групп (в том числе и негосударственных акторов), тогда как государство играет не главную роль в таком варианте социального обоснования семейной политики. Аналитический фокус на предпочтениях акторов, их позиции по проблеме занятости и семьи и тщательный анализ этих предпочтений приобретает вес детерминанты в данной аргументации. Например, Науман (Naumann 2005), Иверсен и Стефенс (Iversen, Stephens 2008) уделяют значительное внимание тому, как разные акторы обосновывают свои приоритеты в смене стратегии семейной политики. Эти авторы принимают во внимание и политическую артикуляцию подобных предпочтений, вследствие чего данные исследования плавно перетекают во вторую категорию объяснений – в соответствии с предложенной нами типологией.

(II) Политико-институциональные объяснения связывают изменения семейной политики с динамикой процессов распределения власти, смену акторов – с преобразованием принятия решений (прогосударственные акторы), а возможные выходы для изменений – с преобразованием композиции акторов, например, относительно правящих и оппозиционных партий. Эти исследования формируют весьма перспективную линию оценки того, почему и каким образом трансформируется семейная политика. Например, различные политические партии, имея сходные позиции относительно проблем семейной политики, могут объединяться в такое супербольшинство, которое обуславливает возможность проведения реформы (von Wahl 2008). Несомненно, такого рода союзы располагают задаться вопросами: почему партии меняют свои идеологии и что управляет изменениями относительно консенсуса среди политических элит. Эти вопросы подчеркивают тот факт, что предпочтения материального порядка, присущие политическим акторам, без учета культурных

изменений не позволяют выработать удовлетворительного объяснения происходящих изменений в семейной политике. Вместе с тем обращение к сфере идей обладает потенциалом для углубленного анализа акторов. Сосредоточенность на идеях способствует различению (1) факторов, действующих на уровне индивидуальных и коллективных акторов, и (2) «политических» переменных, действующих на уровне принятия решения политическими элитами. Как и материальные факторы, идеи располагают к разработке различных вариантов объяснений их роли в семейной политике.

(III) На уровне общества изменение идей по поводу семейной политики соотносится с социальными нормами и их принятием (Pfau-Effinger 2005). Представления о качестве жизни, занятости и родительстве непосредственно связаны с восприятием и реакцией на проводимую политику. Вопрос о том, где и когда формируются новые паттерны семейного поведения, остается открытым. Распространение новых моделей гендерного и семейного поведения – процесс, который происходит постепенно. Тогда почему именно со второй половины 1990-х гг. этот процесс привлекал так много внимания в самых разных странах? В дополнение к вопросу о возможности темпорального измерения, следует задаваться и вопросом о валидности: довольно трудно удостовериться в том, что именно стало источником изменений в приоритетах людей. Меняющиеся взгляды на родительство могут распространяться вследствие направленной социальной инженерии со стороны политических элит, в таком случае проблематично опираться на общественное мнение как ведущий фактор. Изменения политики влияют на нормы относительно родительства. Но в той же мере это может быть и результатом изменяющейся культуры благосостояния (Campbell 1998). На уровне культурных норм и массовых установок определить с тем, что из них становится причиной, а что следствием, весьма затруднительно.

(IV) Обоснование катализирующей функции идей в изменении политики в некотором роде преодолевает данные трудности. Вместе с тем, идеи как движущие силы по преимуществу представлены в риторике акционистских идей, фокусирующейся на их легитимации, а не результатов, с которыми можно связать распространение той или иной концепции (Jacobsen 1995: 287). Идеи играют значимую роль в формировании разнообразия стратегий, того «меню», которым оперируют участники трансформации семейной политики (Niilamo, Kangas 2009). Реформаторы часто отбирают те аргументы, которые будут апеллировать к моральной интуиции граждан. В результате предполагается, что граждане будут верить в позитивную необходимость изменений и релевантность предлагаемых мер (Campbell 1998; Majone 1994; Schmidt 2002). Трудно предположить,

какая «идеологическая» упаковка сработает. Более того, часто переоцениваются и пределы, в рамках которых политические элиты могут манипулировать общественным восприятием. Кроме политиков носителями идей становятся сообщества исследователей – *epistemic community*. Изменения идей в этом направлении могут отслеживаться посредством анализа сообществ – преимущественно транснациональных сетей специалистов с хорошо распознаваемым потенциалом экспертного знания и компетенциями в определенном поле, а также с притязаниями на позицию авторитета относительно понимания политики (Haas 1992; Sabatier, Jenkins-Smith 1993). Сообщества экспертов реагируют на неопределенности: они предлагают интерпретации проблемы происхождения социального феномена и вырабатывают рекомендации, как поступать с обнаруженной проблемой. Тем не менее эксперты не приходят к согласию между собой и тем более – с политиками, что становится трудно анализируемым, но значимым аспектом. Правительства могут принимать, а могут и не принимать точку зрения экспертного сообщества (Haas 1992: 5). Это отчасти объясняет, почему экспертная позиция относительно падения рождаемости остается проигнорированной со стороны политиков – если судить о демографической политике во многих странах. И снова вопрос о географии и истории как ограничивающих роль экспертного сообщества актуализирует сомнение относительно достаточности данного типа движущих сил для понимания изменений в семейной политике.

Все объяснительные подходы, представленные в этом обзоре, вносят весьма солидный вклад в понимание изменений в семейной политике. Однако социетальные подходы часто сталкиваются с проблемой в понимании обширных изменений политики в течение значительного периода времени. Обычно их используют по случаю – без амбиции применить такого рода схемы к более широкому классу эмпирических данных и теоретических наработок. Чаще они используются для подробного описания изменений в политике с течением времени, в прикладном ключе, который нацелен на обоснование определенных изменений как необходимых. Аналогично, многие объяснения, сфокусированные на утонченных описаниях политических процессов в реформе семейной политики, не всегда осмотрительно подходят к анализу тех социетальных трансформаций, которые и придают реформе ее решающее значение. Несмотря на все ограничения, фокус на идеях обладает потенциалом для увязывания элит, институтов, втянутых в процесс политических партий, и общественности (Jacobsen 1995: 310). Именно эта увязка столь востребована для изучения масштабных изменений в семейной политике.

Список источников

Bonoli G. The Politics of the New Social Policies: Providing Coverage against New Social Risks in Mature Welfare States // *Policy and Politics*. 2005. Vol. 33. № 3. P. 431–450.

Campbell J.L. Institutional Analysis and the Role of Ideas in Political Economy // *Theory and Society*. 1998. № 27. P. 377–379.

Campbell J.L. Institutional Change and Globalization. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.

Castles F. The World Turned Upside Down: Below Replacement Fertility, Changing Preferences and Family-Friendly Public Policy in 21 OECD Countries // *Journal of European Social Policy*. 2003. Vol. 13. № 3. P. 209–228.

Ellingsæter A.L., Leira A. Introduction: Politicizing Parenthood in Scandinavia // *Ellingsæter A.L. (ed.) Politicising Parenthood in Scandinavia: Gender Relations in the Welfare States*. Bristol: Policy Press, 2006. P. 1–24.

Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1990.

Esping-Andersen G. Social Foundations of Postindustrial Economies. Oxford, New York: Oxford University Press, 1999.

Towards a Good Society, Once Again? // *Esping-Andersen G. (ed.) Why We Need a New Welfare State*. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 1–25.

Estévez-Abe M. Gender Bias in Skills and Social Policies: The Varieties of Capitalism Perspective on Sex Segregation // *Social Politics*. 2005. Vol. 12. № 2. P. 180–216.

Gauthier A.H. The State and the Family. A Comparative Analysis of Family Policies in Industrialized Countries. Oxford: Clarendon Press, 1996.

Goldstein J., Keohane R.O. Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions, and Political Change. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1993.

Green-Pedersen C., Haverland M. The New Politics and Scholarship of the Welfare State // *Journal of European Social Policy*. 2002. Vol. 12. № 1. P. 43–51.

Haas P. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // *International Organization*. 1992. Vol. 46. № 1. P. 1–35.

Hall P.A. Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain // *Comparative Politics*. 1993. April. P. 275–296.

Hall P.A., Soskice D. An Introduction to Varieties of Capitalism // *Hall P.A., Soskice D. (eds.) Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 1–68.

Hantrais L. Socio-Demographic Change, Policy Impacts and Outcomes in Social Europe // *Journal of European Social Policy*. 1999. Vol. 9. № 4. P. 291–309.

Henninger A., Wimbauer C., Dombrowski R. Demography as a Push toward Gender Equality? Current Reforms of German Family Policy // *Social Politics*. 2008. Vol. 15. № 3. P. 287–314.

Hiilamo H., Kangas O. Trap for Women or Freedom to Choose? The Struggle over Cash for Child Care Schemes in Finland and Sweden // *Journal of Social Policy*. 2009. Vol. 8. № 3. P. 457–475.

Hobson B. No Exit, No Voice: Women's Economic Dependency and the Welfare State // *Acta Sociologica*. 1990. Vol. 33. № 3. P. 235–250.

Iversen T., Stephens J.D. Partisan Politics, the Welfare State, and Three Worlds of Human Capital Formation // *Comparative Political Studies*. 2008. Vol. 41. № 4–5. P. 600–637.

Iversen T., Wren A. Equality, Employment, and Budgetary Restraint: The Trilemma of the Service Economy // *World Politics*. 1998. Vol. 50. № 4. P. 507–546.

Jacobsen J.K. Much Ado about Ideas: The Cognitive Factor in Economic Policy // *World Politics*. 1995. № 47. P. 283–310.

Jensen J. Children, New Social Risks, and Policy Change: A LEGO Future? // *Comparative Social Research*. 2008. № 25. P. 357–381.

Kamerman S. and Kahn A.J. Family Policy: Government and Families in Fourteen Countries. New York: Columbia University Press, 1978.

Kaufmann F.-X. Familienpolitik in Europa [Family Policy in Europe] // Bundesministerium für Familie und Senioren. 40 Jahre Familienpolitik in der Bundesrepublik Deutschland: Rückblick/Ausblick. Neuwied: Luchterhand, 1993.

Kaufmann F.-X. Politics and Policies towards the Family in Europe: A Framework and an Inquiry into Their Differences and Convergences // Kaufmann F.-X. Kuijsten An., Schulze H.J., Strohmeier K.P. (eds.) Family Life and Family Policies in Europe. Vol. 2: Problems and Issues in Comparative Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 419–490.

Knijn T., Lewis J., Martin C., Ostner I. Patterns of Development in Work-Family Reconciliation Policies for Parents in France, Germany, the Netherlands, and the UK in the 2000s // *Social Politics*. 2008. Vol. 15. № 3. P. 261–286.

Kremer M. How Welfare States Care. Culture, Gender and Parenting in Europe. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2007.

Lenoir R. Family Policy in France since 1938 // Ambler J.S. (ed.) The French Welfare State. New York: New York University Press. 1991. P. 144–186.

Lewis J. Gender and the Development of Welfare Regimes // *Journal of European Social Policy*. 1992. Vol. 2. № 3. P. 159–173.

Lewis J. The Decline of the Male Breadwinner Model: Implications for Work and Care // *Social Politics*. 2001. Vol. 8. № 2. P. 152–169.

Majone G. The Rise of the Regulatory State in Europe // *West European Politics*. 1994. Vol. 17. № 3. P. 77–101.

Myrdal A. Nation and Family: The Swedish Experiment in Democratic Family and Population Policy. London: Kegan Paul, Trench, Trubner, 1945.

Naumann I.K. Child Care and Feminism in West Germany and Sweden in the 1960s and 1970s // *Journal of European Social Policy*. 2005. Vol. 15. № 1. P. 47–63.

OECD. Balancing Work and Family Life: Helping Parents into Paid Employment. Paris: OECD, 2001.

Orloff A.S. From Maternalism to „Employment for All“. State Policies to Promote Women’s Employment across the Affluent Democracies // *Levy J.D.* (eds.) *The State after Statism*. Cambridge, MA, and London: Harvard University Press, 2006. P. 230–268.

Pedersen S. Family, Dependence, and the Origins of the Welfare State: Britain and France, 1914–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Pfau-Effinger B. Culture and Welfare State Policies: Reflections on a Complex Interrelation // *Journal of Social Policy*. 2005. Vol. 34. № 1. P. 3–20.

Pfenning A., Bahle T. Families and Family Policies in Europe. Frankfurt: Peter Lang, 2000.

Pierson P. The New Politics of the Welfare State // *World Politics*. 1996. Vol. 48. № 2. P. 143–179.

Pierson P. *Politics in Time: History, Institutions, and Political Analysis*. Princeton: Princeton University Press, 2004.

Sabatier P., Jenkins-Smith H.C. (eds.) *Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach*. Boulder, CO: Westview, 1993.

Schmidt V.A. Does Discourse Matter in the Politics of Welfare State Adjustment? // *Comparative Political Studies*. 2002. Vol. 35. № 2. P. 168–193.

Scruggs L., Allan, J.P. Welfare-State Decommodification in 18 OECD Countries: A Replication and Revision // *Journal of European Social Policy* 2006. Vol. 16. № 1. P. 55–72.

Skocpol T. Emerging Agendas and Recurrent Strategies in Historical Sociology // *Skocpol T.* (ed.) *Vision and Method in Historical Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 356–391.

Skocpol T., Somers M. The Uses of Comparative History in Macrosocial Inquiry // *Comparative Studies in Society and History* 1980. Vol. 22. № 2. P. 174–197.

Streeck W. *Re-Forming Capitalism. Institutional Change in the German Political Economy*. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Institutional Change in Advanced Political Economies // *Streeck W., Thelen K.* (eds.) *Beyond Continuity: Explorations in the Dynamics of Advanced Political Economies*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 1–38.

Strohmeier K.P. Family Policy: How Does it Work? // *Kaufmann F.-X.* et al. (eds.) *Family Life and Family Policies in Europe. Vol. 2: Problems and Issues in Comparative Perspective*, Oxford: Oxford University Press. 2002. P. 321–362.

Taylor-Gooby P. *New Risks, New Welfare: The Transformation of the European Welfare State*. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Thelen K. How Institutions Evolve: Insights from Comparative-Historical Analysis // *Mahoneyand J., Rueschemeyer D.* (eds.) *Comparative-Historical*

Analysis: Innovations in Theory and Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 208–239.

Tilly C. Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. New York: Russell Sage Foundation, 1984.

von Wahl A. From Family to Reconciliation Policy. How the Grand Coalition Reforms the German Welfare State // German Politics and Society 2008. Vol. 88. № 3. P. 25–49.

Адаптированный пер. с англ. Виктории Шмидт

Благополучие и неблагополучие в концептуальном аппарате семейной политики и защиты детства в современной России

---

*Елена Ярская-Смирнова, Павел Романов,
Виктория Антонова, Светлана Бирюкова*

В современной политике как на национальном, так и на международном уровнях, дети позиционируются как один из важнейших ресурсов и вместе с тем как одна из категорий населения, которая нуждается в специальных гарантиях их прав. Актуальные представления о потребностях детей в значительной степени зависят от истории развития представлений о нормах воспитания и варьируются от страны к стране (см., напр., об истории проблематизации жестокого обращения с детьми: Рид 2004). Подвергаются трансформации существующие и появляются новые социальные институты и акторы, от которых во многом зависит то, как живут и растут дети. Даже в рамках одной страны постоянно происходят столкновения мнений о том, как следует воспитывать детей и где им лучше живется. Эти столкновения, приобретая характер публичных кампаний, нередко играют роль катализаторов массовых волнений и изменений нормативно-правовой базы или,

---

Глава написана по материалам аналитической записки, подготовленной авторами по заказу Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, и публикуется в адаптированном виде с разрешения Фонда. Авторы благодарят Викторю Шмидт за ценные рекомендации по доработке текста главы.

напротив, могут тормозить законодательные реформы, как это произошло, например, с ювенальной юстицией в России (Львовский 2010).

Изменения представлений о детстве в современном обществе воплощаются как в повседневных практиках воспитания, в индустрии детских товаров и услуг, так и в концепциях, мерах и институтах социальной политики. Одной из таких инноваций в России стала идея разработать систему оценки проектов и программ в сфере детства, причем акторами социальной политики и авторами идеи нередко выступают негосударственные благотворительные фонды (см.: Общие принципы в оценке; Влияние и роль донорских; Фонд поддержки детей 2013). Основной целью такого мониторинга становится постановка задач и корректировка уже осуществляемой политики, в том числе и посредством представления результатов как общественности, так и тем, кто принимает решения, что обеспечивает прозрачность и подотчетность ключевых принципов публичной политики, в том числе и в сфере детства.

Одним из понятий, на котором сфокусировано внимание исследователей и законодателей в разных странах мира, выступает «детское благополучие» (child well-being), которое напрямую связано с понятиями прав и потребностей ребенка, поскольку позволяет определить точку отсчета в дебатах о том, что детям нужно и как это следует обеспечить. Но измерение такого конструкта, как детское благополучие, является довольно сложной задачей. Это комплексная и междисциплинарная область исследований, в которой внимание уделяется разнообразным и не всегда однозначно определяемым параметрам благополучия ребенка. Среди этих параметров – состояние здоровья и возможности для полноценного физического, умственного и эмоционального созревания, наличие такой дружественной детям социальной среды, которая способствовала бы их росту и развитию, поощряла самовыражение, творчество и ответственность. Есть и другие не менее важные категории, на которых фокусируют свое внимание крупные международные организации, стремящиеся оценивать результативность политики защиты детей: детская бедность, эффективность социальной защиты, дружественные детям города, инклюзия. Следует отметить, что все эти категории требуют отдельных оценочных инструментов, которые могут видоизменяться и уточняться с течением времени, как и определение самих концептов.

Между тем в публичном дискурсе современной России пока что распространено другое понятие, а именно «детское (и семейное) неблагополучие». В этой главе мы обсудим, является ли эта

категория удобной и полезной для анализа ситуации или она стала медийным жупелом, предъявляемым публике с целью внушить страх и отвращение и перетекающим в повседневное употребление как удобный инструмент деления окружающих на «своих» и «чужих», нормальных и ненормальных. Затем рассмотрим категорию «детское благополучие», операционализируем ее при помощи критериев, разработанных в отечественной и зарубежной литературе, в публикациях межстрановых сравнений, и представим примеры применения этих критериев для развития системы мониторинга в России.

Контекст употребления понятия «детское неблагополучие»

Стигма неблагополучия

В современной России понятие «детского неблагополучия» активно используется в языке чиновников и специалистов социальных сервисов. В 1990–2000-е гг. в обиходе специалистов, в СМИ и среди населения появилось и стало очень популярным словосочетание «неблагополучная семья». Наряду с ним нередко приходится слышать и выражение «неблагополучные дети». Попытки объяснить смысл этих понятий в литературе в основном сводятся к обширному перечню типов семей или к примерам отклоняющегося поведения несовершеннолетних. В перечень описательных характеристик «неблагополучной семьи» авторы включают «и низкий уровень доходов семьи, и бездуховность, и асоциальное поведение родителей, конфликтные взаимоотношения между супругами, детьми и родителями, злоупотребление спиртными напитками и многое другое» (Орлова 2006: 150). Это понятие не имеет четкого определения, но нередко подразумевает семейную структуру как один из критериев. В такой семье «нарушена структура, обесцениваются или игнорируются основные семейные функции, имеются явные или скрытые дефекты» (Целуйко 2006: 9). Помимо семей с «открытым неблагополучием», к которым исследователи относят «конфликтные, проблемные, асоциальные» типы, предлагается обратить внимание на семьи со «скрытой формой неблагополучия», где за внешним благополучием, по мнению авторов, скрываются расхождения с общепринятыми моральными ценностями, и на формирование личности ребенка якобы оказывается деструктивное влияние (Целуйко 2006). Остается лишь догадываться, насколько расширительно можно толковать «общепринятые моральные ценности».

Использование таких близких эпитетов, как «дисфункциональная», «дезадаптивная» не спасает положение, определения все равно остаются широкими, расфокусированными и принципиально неизмеримыми. Так, к «дезадаптивным» семьям относят те, в которых нарушается принцип социальной адаптации как такого «взаимодействия личности и социальной группы с социальной средой, в ходе которого согласовываются требования и ожидания его участников» (Солодников 2004: 76). Приводимые в литературе критерии «дезадаптивных» семей сомнительны, к ним относится, например, низкий уровень образования, малое или наоборот слишком большое количество детей, наличие заболеваний и негативное общественное мнение в отношении семьи.

Анализ показывает, что вошедшие в обиход понятия не только являются терминологически размытыми, но и относятся к образцам дискриминирующего языка. Проблема в том, что когда мы употребляем оценочное прилагательное «неблагополучный», мы сразу же оказываемся не в нормативно-правовом и не в аналитическом, а в морально-нравственном поле, которое может нам предоставить весьма субъективный, относительный и потому рискованный язык для объяснения сложных социальных проблем. Навешивание ярлыков наподобие «неблагополучной семьи» или «трудных подростков» не ведет к эффективному выявлению проблемы, не помогает определить ее причины и найти способы решения. А когда семью относят к категории «неблагополучной» на основании особенностей ее структуры, состава домохозяйства, получается, что нейтральные характеристики приобретают оценочный характер и стигматизируются. Например, семьи с одним родителем, многодетные семьи вовсе не представляют собой зону риска, как и дети, в них воспитывающиеся. Из того, что в семье есть ребенок с ограниченными возможностями, инвалидностью, вовсе не следует «неблагополучие» этого ребенка или всей семьи. Если доходы семьи позволяют отнести ее к категории «малообеспеченных», это еще не дает никому право называть ее к тому же «неблагополучной».

Для некоторых специалистов, экспертов, чиновников, ученых стало уже привычным и нормальным в каждодневной работе делить своих клиентов, подопечных, испытуемых и обследуемых на благополучных и неблагополучных. Но самих детей и их родителей подобные наименования деморализуют: ведь согласно стереотипу, или стигме (см.: Исола 2009; Ярская-Смирнова 2010), их считают аморальными, несчастными, неумными и опасными для общества. А стигма, как известно (Гофман 2001), действует таким образом, что человек принимает ее, свыкается с приписываемыми ему определениями.

Повседневные знания, мнения, распространенные в обществе, часто перекликаются с публичными дискурсами или воспроизводят их. Прагматика социальной защиты вызывает к жизни попытки истолкования или расшифровки заявляемых понятий, например, «семейное неблагополучие» авторы проекта одной региональной концепции социального обслуживания объяснили следствием «утраты родственных связей и преемственности поколений», а в других публикациях к понятию «неблагополучные семьи» относят многодетные, неполные, находящиеся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении, семьи с ребенком-инвалидом или хронически больным ребенком, малообеспеченные, проблемные, кризисные и так далее (напр., Целуйко 2006 и др.; см. анализ таких публикаций: Исола 2009; Ярская-Смирнова 2010). Тем самым возникает широкое поле допущений и толкований, большая часть из которых переходит до уровня повседневных акторов – социальных работников, педагогов, психологов детских учреждений – в виде упрощенных, но не всегда четко проговариваемых формул.

Кроме того, поскольку семья воспринимается специалистами как объект педагогических, медицинских воздействий и контроля: «здоровые», «нормальные» и «обычные» противопоставляются «неблагополучным», то публикации экспертов (психологов, социологов, медиков) порой категориально организованы как дискурс диагноза и контроля: не любовь, а «направленность на секс», не служебный рост, а «погоня за карьерой», не общение с друзьями, а «контакты с себе подобными и скатывание в алкоголизм» (см.: Елизаров 1995). Определение человека как клиента ведет к определению его свойств как подозрительных, и то, что применительно к самому эксперту было бы нормальным, для клиента здесь – патология. Так создается стигма неблагополучной семьи, и в эту категорию входят монородительские и многодетные семьи, которые по умолчанию считаются аморальными, несчастными и опасными для общества, с неадекватной ценностной системой и подозрительной сексуальностью. Возникает и концепт «неблагополучных детей», которые, как и их матери, ассоциируются не только с низким экономическим статусом – им приписывается, например, еще и низкий интеллект:

Дети из бедных семей глупее своих богатых сверстников. Об этом заявили западные ученые, которые в течение нескольких лет изучали проблему влияния социальной среды на умственную деятельность человека ... Российские нейропсихологи подтверждают данные исследователей... С этой точкой зрения согласны и педагоги, работающие с неблагополучными ребятами (Поздняков 2006).

Несмотря на то, что в СМИ и блогосфере звучит негативная реакция на подобные суждения (см., напр., Бегунов 2010), их публичный потенциал пока ограничен. Не все люди находят в себе силы противостоять дискриминирующим установкам, которые порой транслируются и в публичном дискурсе (например, на плакатах социальной рекламы «Семья бесценна, когда полноценна – когда в ней трое и более детей»). Стигматизация выполняет функцию социального контроля за нормативным порядком общества, это действует следующим образом. Появление в публичном дискурсе таких категорий людей или семей, как «неблагополучные» и «социально опасные», «группы риска», требует сформировать новые технологии управления и целые профессии (например, полицейские, врачи, педагоги и социальные работники), призванные создать сеть контроля над мужчинами и женщинами, попавшими в ловушку экономической нестабильности (см.: Wacquant 2009).

Более корректными, чем «неблагополучная семья», являются понятия «неблагополучие семьи», «детское неблагополучие». О детском неблагополучии говорят и пишут сегодня очень часто, но раскрывается это понятие либо через столь же широкие синонимы (дезорганизация, девиация, дисфункция, патология), либо через перечень нормативно закреплённых категорий (например, безнадзорность, инвалидность, правонарушения, сиротство). Отметим, что и само понимание благополучия (и неблагополучия) формируется в определенных контекстах. Например, коммунистическая идеология отдавала приоритет коллективистским формам воспитания, а в поздний советский и постсоветский периоды на первое место выходят семейные формы устройства. Видоизменение представления о потребностях детей отражается и в модификации нормативного поля.

Нормативно-правовое поле детского благополучия

В постсоветском отечественном нормативно-правовом поле применяются близкие к понятию «неблагополучие» термины: например, категории «трудная жизненная ситуация» и «социально опасное положение». Понятие «трудная жизненная ситуация» определялось в Федеральном законе от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» как «объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина (инвалидность, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, сиротство, безнадзорность, малообеспеченность, безработица, отсутствие определенного места жительства, конфликты и жестокое обращение в семье, одиночество и тому подобное), которую он не может пре-

одолеть самостоятельно» (Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации», ст. 3, п. 4).

В новом Федеральном законе от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», который вступит в действие с 1 января 2015 г., в отличие от утратившего силу аналогичного закона, действовавшего в России с конца 1995 г., не нашли применения такие категории, как «трудная жизненная ситуация» или «социально опасное положение», которые можно было бы считать близкими к понятию «неблагополучие». Вместо этого закон предлагает следующий перечень обстоятельств, которые ухудшают или могут ухудшить условия жизнедеятельности гражданина, а следовательно, дают основания признать его нуждающимся в социальном обслуживании:

1) полная или частичная утрата способности либо возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, обеспечивать основные жизненные потребности в силу заболевания, травмы, возраста или наличия инвалидности;

2) наличие в семье инвалида или инвалидов, в том числе ребенка-инвалида или детей-инвалидов, нуждающихся в постоянном постороннем уходе;

3) наличие ребенка или детей (в том числе находящихся под опекой, попечительством), испытывающих трудности в социальной адаптации;

4) отсутствие возможности обеспечения ухода (в том числе временного) за инвалидом, ребенком, детьми, а также отсутствие попечения над ними;

5) наличие внутрисемейного конфликта, в том числе с лицами с наркотической или алкогольной зависимостью, лицами, имеющими пристрастие к азартным играм, лицами, страдающими психическими расстройствами, наличие насилия в семье;

6) отсутствие определенного места жительства, в том числе у лица, не достигшего возраста двадцати трех лет и завершившего пребывание в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

7) отсутствие работы и средств к существованию;

8) наличие иных обстоятельств, которые нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации признаны ухудшающими или способными ухудшить условия жизнедеятельности граждан (Федеральный закон 2013).

Федеральный Закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несо-

вершеннолетних» относит понятие «социально опасное положение» к несовершеннолетним и семьям. Статья 1 Закона определяет несовершеннолетнего, находящегося в социально опасном положении, как «лицо, которое вследствие безнадзорности или беспризорности находится в обстановке, представляющей опасность для его жизни или здоровья либо не отвечающей требованиям к его воспитанию или содержанию, либо совершает правонарушение или антиобщественные действия» (Федеральный закон 1999. Ст. 1). Семьей в социально опасном положении предлагается считать ту, в которой родители или законные представители несовершеннолетних: а) не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию); б) отрицательно влияют на их поведение; в) жестоко с ними обращаются (Федеральный закон 1999). В таких семьях ослаблен контроль поведения ребенка, что обуславливает высокую степень его подверженности негативным влияниям извне. Такие дети могут быть склонны к нарушению общественного порядка, совершению правонарушений (Фонд поддержки детей 2011: 105). Обратим внимание, что в центре обеих нормативно-правовых категорий находятся внешние условия — ситуация или положение; речь ни в коем случае не идет о «трудных детях», «социально опасной семье» или «социально опасном ребенке». В этом случае речь идет не о плохой семье и не о ненормальных детях, а о непригодных условиях, в которых семья или ребенок оказались. Но и в этом случае важно очень внимательно отнестись к их определениям. Хотя в правовых актах используется более корректная форма словоупотребления, но и здесь есть свои проблемы, в частности, трактовка «социально опасного положения» тоже недостаточно четко операционализирована, а потому вызывает к жизни различные толкования, включая профессиональные жаргонизмы наподобие «СОПовских семей» (от аббревиатуры СОП – социально опасное положение) (см.: Ярская-Смирнова, Романов 2008).

Уровни и принципы обеспечения благополучия

Семья в рассуждениях о детском благополучии, как правило, выступает ключевым агентом социализации, поэтому материальные, психологические и иные трудности, возникающие в семье, рассматриваются как оказывающие влияние на развитие ребенка и его благополучие. Вместе с тем «семейное неблагополучие», являясь одним из главных факторов, определяющих «детское неблагополучие», должно рассматриваться как следствие других явлений социального, экономического, культурного порядка. К причинам увеличения масштабов проблем, с которыми сталкиваются семьи и

дети, некоторые авторы относят события макропорядка, включая кризисные явления в обществе, резкое падение жизненного уровня населения, что, в свою очередь, влечет рост преступности, алкоголизма и наркомании, психических заболеваний; проблемы организации социальной работы с семьей в кризисной ситуации (см., напр., Шмидт 2010); ценностные трансформации в обществе, а также проблемы на уровне отдельных семей, связанные с их социальным исключением из общества, падением их уровня жизни, нарушением поведения, а также проблемами, общими для семей и интернатных учреждений, включая жестокое обращение с детьми и снижение ответственности за судьбы детей (см., напр., Дементьева 2008: 193).

Обеспечение детского благополучия осуществляется на уровне семьи, институтов образования и здравоохранения, социальной защиты, с участием различных акторов социальной системы. Такая деятельность ведется с участием органов власти, государственных и муниципальных сервисов, профессионалов, бизнеса и СМИ, НКО и местных сообществ, благотворительных организаций и фондов. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. может способствовать воплощению в жизнь положений Конвенции о правах ребенка посредством комплексных реформ, направленных на формирование эффективной системы обеспечения детского благополучия.

Именно благополучие (в противовес «неблагополучию») детей становится важным приоритетом национальной политики и одновременно – полем символического противостояния в отношениях между различными группами интересов в стране, а также между государствами и международными акторами. Многие международные организации, занимающиеся вопросами детского благополучия, основывают свою деятельность на принципах инклюзии, полагая, что все без исключения семьи должны иметь социальные и материальные ресурсы, чтобы воспитать своих детей здоровыми, образованными и активными членами их сообществ (Foundation for Child Development 2001). Важным принципом социальной политики и общественной жизни в целом, который становится одним из ключевых условий обеспечения детского благополучия, качества жизни и расширения возможностей развития детей, выступает инклюзия. В недавнем отчете ЮНИСЕФ о детях с ограниченными возможностями в мире речь идет об инклюзивном образовании и инклюзивном здравоохранении (Дети с ограниченными возможностями 2013). Инклюзивные школы нацелены на принципиально иные достижения, чем те, что чаще всего признаются официальной

системой образования. Цель такой школы — дать всем учащимся возможность наиболее полноценной социальной жизни, наиболее активного участия в коллективе, местном сообществе, тем самым обеспечить наиболее полное взаимодействие и заботу друг о друге как членах сообщества (Ferguson et al. 1992; Salisbury 1993; Lipsky, Gartner 1991). Инклюзивное, или дружественное детям, здравоохранение строится на принципах доступности всего спектра услуг всем детям, включая детей с инвалидностью, особенностями интеллектуального развития. Сегодня в разных странах мира применяется целая система индикаторов, по которым оценивается детское благополучие. Такой анализ используется для анализа ситуации в конкретных странах, а также для межстранового сравнения.

Индекс детского благополучия

В зарубежной литературе еще с 1980-х гг. подчеркивалось, что детское благополучие — это многомерный конструкт, включающий когнитивное и эмоциональное, физическое и социальное измерения (Columbo 1984). Это понятие означает возможность успешно, гибко и творчески (новаторски) участвовать в общепринятых практиках и деятельности, в значительной степени определяемой культурой общества. Кроме того, это умонастроение и ощущение, испытываемое от участия в указанной деятельности и практиках (Weisner 1998). Отдельной задачей становится разработка индикаторов для оценки социального обеспечения и защиты детства, а также благополучие детей, находящихся под опекой (см., напр.: Tilbury 2004; Understanding and Measuring Child Welfare Outcomes 2005). Так, детское благополучие рассматривается рядом авторов как цель проводимой развитыми странами политики защиты детства. Речь идет о параметрах безопасности и стабильности, которая, в частности, ассоциируется с минимизацией количества перемещений ребенка из одного учреждения в другое либо максимально быстрым и успешным помещением такого ребенка в приемную семью, под опеку или его возвращение в родную семью. Благополучие трактуется здесь как сфера усилий государства, успешность которых необходимо оценивать в аспектах образования, физического и умственного здоровья и готовности детей к независимой жизни (см.: Understanding and Measuring Child Welfare Outcomes 2005).

Для того чтобы понять проблемы и ресурсы всех детей и их окружения, включая тех, кто находится в неблагоприятной ситуации, и способствовать их благополучию, многие международные организации проводят изучение условий жизни и развития детей, разрабатывая определение понятий, методики оценки и соответ-

ствующие индикаторы. Так, Фонд детского развития (США) в 2004 г. разработал и опубликовал одну из первых систем оценки политики в сфере детства – Индекс детского благополучия, включающий семь основных показателей:

- 1) экономическое/финансовое благополучие семьи;
- 2) состояние взаимоотношений ребенка с семьей и сверстниками;
- 3) состояние здоровья ребенка;
- 4) поведение ребенка, в том числе ведущее к снижению уровня безопасности его жизни (напр., употребление наркотиков, алкоголя);
- 5) образовательные достижения ребенка;
- 6) включенность ребенка в жизнь группы, сообщества (участие в образовательных, экономических и политических институтах);
- 7) эмоциональное благополучие ребенка (O'Hare et al. 2012: 14).

Индекс применяется не только с целью проведения исследований, но и как способ привлечь внимание политиков и всего общества к тем проблемам детей и семей, которые требуют срочного вмешательства со стороны государства и общественности (см.: Foundation for Child Development). В частности, европейские приоритеты в сфере детского благополучия (см.: Building a Europe for and with Children) сегодня формулируются в направлениях, которые соотносятся с основными показателями детского благополучия: соблюдение прав детей, в том числе находящихся в трудной жизненной ситуации (дети-инвалиды, дети, оставшиеся без попечения родителей, дети-мигранты), защита детей от любых форм насилия (включая сексуальное насилие, торговлю детьми, телесные наказания и насилие в школе), развитие социальных сервисов, доброжелательных к детям (в сфере правосудия, здравоохранения и социальных услуг), обеспечение участия детей в жизни общества.

Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) для оценки благополучия детей и сравнения значений этого показателя в различных странах учитывает шесть параметров, которые в целом согласуются с приведенным выше Индексом: материальное благополучие, состояние здоровья и защищенность, образование, отношения в семье и со сверстниками, поведение и риски, субъективное восприятие благополучия самими детьми (ЮНИСЕФ 2007: 2).

Благополучие детей в исследовании ЮНИСЕФ и Независимого института социальной политики (ЮНИСЕФ-НИСП 2011) анализировалось в рамках концепции социальной исключенности, при этом оценивались возможности и ограничения в доступе детей к ключевым социальным благам, ресурсам и правам: экономическое

положение семей с детьми, система социальной поддержки, политика в области охраны здоровья детей, политика в области образования, участие детей в принятии решений, затрагивающих их интересы.

В свою очередь, отсутствие или недостаток благополучия можно трактовать как *неблагополучие*, т.е. как комплекс условий, отражающихся в низких значениях упомянутых показателей: материальная необеспеченность, недоступность медицинских услуг, образования, деструктивные отношения в семье и со сверстниками, поведение, ведущее к ухудшению условий жизни и здоровья самих несовершеннолетних и их окружения, риски различного рода, исходящие извне и из ближайшего окружения ребенка, а также низкая степень удовлетворенности жизнью у детей. Все это сказывается на взрослении и развитии детей, познании мира и своего окружения, на их способности к общению, овладению необходимыми социальными нормами и навыками.

Таким образом, если все же применять концепт «детское неблагополучие», то его можно было бы определить как условия, непригодные для развития ребенка, препятствующие и наносящие вред его жизни, здоровью и развитию. Такие условия имеют как структурный, так и индивидуальный характер и проявляются в низких значениях следующих показателей: материальное благополучие, состояние здоровья и защищенность, образование, отношения в семье и со сверстниками, поведенческие и средовые риски, субъективное восприятие благополучия самими детьми (ЮНИСЕФ 2007: 2). Сложные вопросы, связанные с угрозами жизни, здоровью и безопасности ребенка, в том числе с торговлей и эксплуатацией, насилием, пренебрежением потребностями ребенка, отражаются в структурном параметре «защищенность». Ясно, что эти определения подвергаются регулярному пересмотру, и шкала является предметом рефлексии, переговоров и переосмысления на национальном и международном уровнях.

Согласно ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка, «государства-участники обязуются обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия, принимая во внимание права и обязанности его родителей, опекунов или других лиц, несущих за него ответственность по закону, и с этой целью принимают все соответствующие законодательные и административные меры» (Конвенция о правах ребенка 1989). Благополучие детей относится и к экономической ситуации, в которой живет ребенок, и к тому, каким отношением со стороны сверстников ребенок окружен, каковы его права и возможности для развития (Ben-Arieh,

Frønes 2007: 249—250). Именно государства берут на себя главные обязательства по обеспечению благополучия, причем элементом или подзадачей этого процесса может быть выявление и сокращение факторов риска, или неблагополучия, но этой подзадачей нельзя ограничиваться.

Наряду с решением вопросов прав детей на охрану и поддержание своего здоровья, активное участие детей в жизни общества также является показателем детского благополучия. Идея состоит в том, что дети имеют право быть услышанными и вовлеченными в принятие решений и дома, и на уровне школьного сообщества, и в целом в жизни всего общества по всем вопросам, которые их касаются и влияют на состояние их благополучия (см.: Children's Participation). Иными словами, все дети, независимо от того, воспитываются ли они в родной или приемной семье, находятся ли в учреждении опеки, имеют ли инвалидность — должны знать и осознавать свои права, быть в состоянии их реализовывать и отстаивать, при необходимости обращаясь к государственным, частным и общественным институтам за помощью и поддержкой. Эти позиции также подвергаются оценке в мониторинге детского благополучия.

Оценка детского благополучия

Мониторинг детского благополучия проводится ЮНИСЕФ по пяти параметрам: материальное благополучие, здоровье и безопасность, образование, поведение и риски, условия жизни и среда. В 2013 г. опубликован очередной отчет ЮНИСЕФ, посвященный сравнительному анализу ситуации в 29 развитых странах (UNICEF 2013)¹. Приведем некоторые данные этого отчета. Так, в результате сравнительного анализа было выявлено, что лидером среди выбранных стран по всем измерениям детского благополучия выступают Нидерланды. Кроме того, в этой стране получены наиболее высокие показатели оценки своего благополучия самими детьми — 95% опрошенных детей поставили оценки выше средних по шкале удовлетворенности жизнью (Life Satisfaction Scale). На втором месте после Нидерландов находятся четыре скандинавские страны — Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция. Завершают рейтинг самые бедные из стран, попавших в выборку — Латвия, Литва и Румыния, к ним также присоединяется одна из самых богатых стран — США. Отмечено, что в целом сильной статистической зависимости

---

¹ К богатым, или развитым, странам относятся страны Западной Европы, несколько стран Восточной и Центральной Европы, Канада и США.

между ВВП и уровнем детского благополучия не выявляется. Так, несмотря на более низкий уровень ВВП, Чехия оказалась выше в списке, чем Австрия, Словения выше Канады, а Португалия выше США. Исследователи полагают, что страны Центральной и Восточной Европы постепенно сокращают дистанцию, догоняя по уровню детского благополучия экономически более развитые державы (UNICEF 2013). Во всех исследуемых странах обнаружено улучшение практически по всем индикаторам детского благополучия, например по уровню материального благосостояния семьи, младенческой смертности, доле курящих среди несовершеннолетних. Некоторые страны демонстрируют спад по ряду показателей и перемещаются на более низкие позиции (например, Испания за 10 лет перешла с 5-го места на 19-е), а другие — подъем (Великобритания поправила свое положение и поднялась с 21-го на 16-е место).

Эти и другие проекты по сравнительной оценке качества жизни, развития и благополучия детей проводятся с целью зафиксировать высокие стандарты, достигнутые наиболее развитыми странами, и способствовать дискуссии во всех странах относительно того, каким образом можно было бы достичь такого уровня заботы о детях. Так, в результате перемещения Великобритании на нижние позиции в рейтинге детского благополучия ЮНИСЕФ 2007 г. был принят ряд мер и к весне 2014 г., в частности, удалось снизить показатели детского курения, употребления спиртных напитков и ожирения, тогда как достижения в сфере образования все еще не достаточно высоки (см.: UK Rises up Unicef Child Well-Being Ranking 2013).

Таким образом, дети и подростки в России испытывают относительно высокие риски благополучия по ряду критериев, используемых в международной практике. Так, несмотря на то, что на протяжении последних десятилетий показатели детской бедности постепенно улучшаются, дети в возрасте до 16 лет по-прежнему подвержены максимальным рискам доходной бедности по сравнению со всеми прочими группами населения. Начиная с 1990-х гг. в России растет уровень детской заболеваемости, а среди российских школьников только один из пяти обладает высокими показателями здоровья по результатам диспансеризации. По показателям, характеризующим отношения детей и подростков в семье и со сверстниками, в соответствии с данными выборочных обследований Россия демонстрирует средние результаты.

В соответствии с рейтингом международной организации «Спасем детей» (Save the Children 2012) в 2012 г. в мире Россия находилась на 38-м месте по величине индекса детского благополучия,

включающего в себя систему показателей детского здоровья, благополучия, доступа к образованию. Ее ближайшими соседями оказались Сербия (37-е место) и Румыния (39-е место). В России несовершеннолетние дети являются крайне уязвимой группой населения с точки зрения первого критерия детского благополучия — *материального положения*. По данным официальной государственной статистики максимальные риски бедности с начала 1990-х гг. и до настоящего времени испытывают именно дети в возрасте до 16 лет, несмотря на то, что они постепенно сокращаются на протяжении всего рассматриваемого периода (ЮНИСЕФ-НИСП 2011). В 2012 г. риск бедности среди детей 0—7 лет составлял 15,8%, а среди детей 8—16 лет — 19,8%, в то время как в среднем для всего населения России этот показатель составлял 11,0%. Таким образом, несмотря на то, что уже с 2006 г. поддержка семей и материнства входит в число приоритетных задач государства, коренного изменения ситуации в сфере материального положения детей и семей с детьми не происходит. Причиной этого является, во-первых, сохраняющийся низкий уровень бюджетных расходов по данному направлению¹ и, во-вторых, отсутствие на практике комплексного (межведомственного) подхода к разработке и реализации семейной политики. Система мер денежной поддержки семей в настоящее время не оперирует понятиями нуждаемости, не учитывает реальных потребностей семей и слабо связана с системой услуг, отсутствие доступа к которым и потребность в которых нередко является более острой проблемой, чем дефицит финансовых средств.

Показатели *состояния здоровья* детей в России пока что также остаются низкими. Итоги диспансеризации школьников 2009 г. показали, что только 20,8% обучающихся могут быть отнесены к первой группе здоровья, в то время как 20,7% детей имеют инвалидизирующие, в том числе хронические, заболевания². При этом по результатам проведенного в 2009—2010 гг. международного исследования поведения детей школьного возраста (11—15 лет) в отношении здоровья (HBSC) в 15-летнем возрасте свое здоровье как низкое или удовлетворительное оценивают 29% девочек и 19% мальчиков, что в сравнении с итогами диспансеризации свидетель-

---

¹ Совокупные бюджетные расходы на поддержку семей, включая расходы на финансирование школьного образования, достигают по экспертным оценкам 1,8% ВВП, в то время как в странах Европейского союза в среднем уровень расходов составляет 2,3% ВВП, в Швеции — 3,1% ВВП, в Германии — 3,3% ВВП (см.: Ророва 2013).

² Итоги диспансеризации школьников более поздних лет не опубликованы.

ствует о более позитивном восприятии детьми своего здоровья (Currie et al. 2012: 69). Кроме того, с начала 1990-х гг. в соответствии с данными Росстата регистрируется рост заболеваемости детей в возрасте 0—14 лет. Наибольший вклад в общую заболеваемость детей в России обеспечивают болезни органов дыхания, на долю которых ежегодно приходится до 60% всех случаев. Самостоятельной проблемой в сфере российского здравоохранения до сих пор является отсутствие свободного доступа к медицинским услугам отдельных групп населения, а также ограниченный доступ или его полное отсутствие к современным высокотехнологичным услугам — как с точки зрения географической доступности, так и с точки зрения размеров и наличия квот на их предоставление (см., напр., Шишкин, Бурдяк, Селезнева 2008), в связи с чем в данной области сохраняется высокая роль благотворительных и общественных организаций.

Как и сфера охраны здоровья, *образование* является критерием детского благополучия. В настоящее время в развитых странах в рамках концепции человеческого капитала все больше происходит переориентация системы детского образования на раннее развитие, предполагающее увеличение периода дошкольного образования детей (см.: Duncan, Magnuson 2013). В России система государственного дошкольного образования в основном предполагает вовлечение детей начиная с трехлетнего возраста (ясельных групп детского сада в настоящее время практически не осталось). Охват детей в возрасте 1—6 лет дошкольными образовательными учреждениями на протяжении последних лет сохраняется на уровне около 60%, при этом вопрос доступности этих услуг до настоящего времени полностью не решен; сохраняется проблема очередей в детские сады, что отчасти указывает на то, что социальная политика является фамилиалистской. Охват детей общим образованием в 2011 г. по данным Росстата достиг уровня в 99,6%. Численность детей и подростков в возрасте 7—18 лет, не обучающихся в образовательных учреждениях, в 2012 г. составила 30 тыс. чел., 42% из них выбыли из общеобразовательных учреждений или учреждений, реализующих программы начального и среднего профессионального образования, или же никогда не учились в них по причинам, не связанным с состоянием здоровья.

Сложнее получить оценку детского благополучия по такому критерию, как *отношения в семье и со сверстниками*. Качество отношений детей с родителями и другими родственниками крайне сложно поддается измерению, в том числе и поскольку они, как правило, скрыты от посторонних наблюдателей. Международное

исследование поведения детей школьного возраста в отношении здоровья показало, что в России 85% девочек и 91% мальчиков в возрасте 11 лет отмечают легкость в общении с матерью, а к 15 годам аналогичные показатели составляют уже 80 и 85% соответственно. Легкость в общении с отцом распространена в российских семьях в меньшей степени: на нее указывают 67% девочек и 81% мальчиков в возрасте 11 лет и только 58% девочек и 78% мальчиков 15-летнего возраста (Currie et al. 2012: 19–28). В рамках того же обследования на основе вопросов о количестве близких друзей и характере и частоте общения с ними была проведена оценка отношений подростков со сверстниками. Российские школьники показали одни из самых низких результатов в выборке по такому параметру, как наличие трех и более близких друзей того же пола: этому критерию удовлетворяли 60 и 71% 11-летних девочек и мальчиков соответственно (в среднем по выборке по всем странам — 83%), а среди 15-летних таких оказалось уже 46 и 68% (в среднем по выборке — 77%). В то же время российские подростки показали высокие в сравнении с другими странами оценки таких показателей, как проведение вечеров с друзьями вне дома и общение со сверстниками с использованием электронных средств связи (Currie et al. 2012: 29–43). Авторы исследования отмечают, что последние параметры могут оказывать как позитивное, так и неблагоприятное влияние на развитие и безопасность подростков.

Еще одним фактором детского и подросткового неблагополучия являются *поведенческие риски*. Как правило, к рисковому поведению относят как действия, связанные с повышенными рисками для здоровья — употребление табака, алкоголя и наркотических веществ, отсутствие предохранения при сексуальных контактах, — так и поведение, сопряженное с повышенным травматизмом и угрозой смерти. Российская система профилактики детского неблагополучия в настоящее время реализует свой потенциал не полностью: по данным официальной российской статистики более 50% смертей среди подростков происходит от внешних причин (Молодежь в России 2010), предотвращение наступления которых и является основной задачей профилактики.

Российские подростки демонстрируют низкую склонность к самосохранительному поведению. По данным Всемирной организации здравоохранения на 2012 г. в возрасте 13–15 лет курили 25% российских подростков, а «пассивными» курильщиками являлись почти 90% (Россия лидирует 2012). Официальная статистика свидетельствует также о крайне высокой распространенности табакокурения среди подростков старших возрастных групп: в возрасте

15—17 лет курит каждый второй мальчик и каждая четвертая девочка, и распространенность этой привычки среди девочек в последнее время возрастает достаточно быстро. По результатам исследования поведения детей школьного возраста в отношении здоровья к 15 годам 9% российских девочек и 13% мальчиков употребляют алкоголь не реже раза в неделю, 6 и 11% девочек и мальчиков соответственно в том же возрасте имеют опыт употребления конопли. Возраст первого опыта курения и употребления алкоголя становится все более ранним. В России 23% опрошенных 15-летних девочек и 32% опрошенных сверстников мужского пола сказали, что первый раз заглянули табаком в 13 лет. В обследовании 2009—2010 гг. Россия по этому показателю находится в середине рейтинга, который по масштабам курения в раннем возрасте возглавляет Эстония (48% девочек и 63% мальчиков закурили с 13 лет), а замыкает Армения (4 и 13% соответственно) (Currie at al. 2012: 155, 143).

Со стремительным расширением доступа детей и подростков к информационным и коммуникационным технологиям появляются и новые риски для благополучия несовершеннолетних. Наиболее распространенным риском, с которым сталкиваются российские подростки, имеющие доступ к Интернету, является встреча с незнакомцами: 40% опрошенных в возрасте 9—16 лет сообщили, что встречались в реальной жизни с людьми, с которыми они познакомились в интернет-чатах. Существенные риски, выявленные в ходе исследования «Поколение Рунета» (Бежер и др. 2011), включают также доступность для детей контента, адресованного взрослым, использование вредоносных для психического здоровья ребенка программ, а также кибербуллинг. В целях профилактики таких рисков необходимо не только устанавливать контроль и систему запретов, но повышать информированность как взрослых, так и несовершеннолетних пользователей о безопасном и оптимальном использовании этих технологий, способствовать развитию таких практик и ресурсов, которые бы поощряли конструктивное поведение несовершеннолетних интернет-пользователей. Эти проблемы являются новыми и чрезвычайно сложными, и предстоит немало сделать для того, чтобы понять, каким образом государство и общество могут обеспечить и гарантировать кибербезопасность детей (см., напр.: Cyberbullying Statistics).

Агрессивное поведение и распространение физического насилия в подростковой среде является еще одним серьезным источником возникновения поведенческих рисков. Результаты выборочного исследования поведения детей показывают, что Россия демонстрирует высокие показатели распространенности

драк по сравнению с другими странами среди подростков всех возрастов. В 11 лет 6% российских девочек и 27% мальчиков участвовали в драке не менее трех раз за год, предшествовавший опросу. По этому показателю Россия находилась в 2009–2010 гг. в верхней части рейтинга; отставая только от таких стран, как Украина, Латвия, Чехия, Армения и Бельгия (в Бельгии показатель достиг 18% среди девочек и 38% среди мальчиков). Среди 15-летних аналогичный показатель составил 6 и 18% соответственно (Currie et al. 2012: 187).

***

Понятие «неблагополучие» приобрело множество смыслов и распространилось во многих сферах – в политике, социальном обслуживании, массмедиа, проникло в учебную и научную литературу, а следовательно, стало влиять и на подготовку кадров для социальной сферы. За акцентом на неблагополучии в риторике национальной политики и в практике защиты детства и работы с семьей прочитывается ориентация на контролирующую и пunitивную функции социальной политики. Между тем вопрос о том, что именно считать благополучием для ребенка, будет получать разные ответы в зависимости от системы ценностных координат. Представляется, что концептуальная основа мониторинга детского благополучия должна строиться на определении детского благополучия, принятого в мировой практике сравнительных исследований. Основные параметры оценки детского благополучия можно соотносить со структурными уровнями концепции профилактики рисков, обязательствами России по соблюдению Конвенции ООН о правах ребенка и других стратегических ориентиров, заданных на международном и национальном уровнях. В программе мониторинга профилактики детского благополучия в России необходимо учитывать параметры материального благосостояния, здоровья и безопасности, образования, поведения и рисков, условий жизни и среды, а также субъективного ощущения благополучия самими несовершеннолетними. Можно также проводить мониторинг, сфокусированный на определенных целевых группах, чьи показатели благополучия наиболее низки (например, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, дети-инвалиды и дети, находящиеся в конфликте с законом). Регулярный мониторинг сам по себе не может изменить условия, в которых живут дети, но может сыграть важную роль в принятии стратегических решений, в частности по улучшению системы социальных услуг.

Систематизация и анализ деятельности основных социальных институтов и данных официальной статистики по каждой из таких целевых групп позволят увидеть важные усилия, осуществляемые в сфере профилактики детского неблагополучия, достигнутые результаты, а также отметить точки роста и перспективы развития в этой области. Кроме того, анализ данных официальной статистики позволяет определить направления разработки не только главных аспектов профилактики детского неблагополучия, но и системы статистического учета, а следовательно, оценки указанного явления по необходимым параметрам. Сложность оценки эффективности мер профилактики детского неблагополучия и обеспечения благополучия связана с несовершенством и ограниченными возможностями сбора необходимых для этого данных. Крайне затруднен анализ результативности мер первичной профилактики, касающейся предотвращения и преодоления семейной бедности, насилия и других проблем и следующих за ними повышенных рисков сиротства, безнадзорности, вовлечения в противозаконную деятельность. Ведь на обеспечение семейного и детского благополучия в таком широком понимании работают одновременно множество институтов: образование, здравоохранение, рынок труда, службы социальной помощи и сопровождения, местное сообщество. И подсчет случаев успешного предотвращения тех или иных рисков практически невозможен; здесь требуются иные подходы к оцениванию, в частности учитывающие инклюзивный характер социальных взаимодействий в этих институтах.

Список источников

Бегунов В. Туапсинские власти обзвали семьи с одним ребенком неполноценными // Комсомольская правда. 16.09.2010 // <http://www.kp.by/daily/24559.4/733823/> (дата обращения: 12.01.2014).

Бежер Г., Ховейда П.К., Синха А., Бадд Дж., Джухари Л., Тихомиров В., Кочинева А. Поколение Рунета. Поисковое исследование российского цифрового пространства. 16.06.2011 // www.rfdeti.ru/files/runet_generation_rus.pdf (дата обращения: 12.01.2014).

Влияние и роль донорских организаций в оценке социальных программ в сфере детства // <http://victoriacf.ru/2046/vliyanie-i-rol-donorskih-organizatsij-v-otsenke-sotsial-nyh-programm-obshhie-pohody-k-otsenke-sotsial-nyh-rezul-tatov-proektov-i-programm-v-sfere-detstva/> (дата обращения: 12.01.2014).

Гофман И. Стигма. Ч. 1: Стигма и социальная идентичность. Ч. 2: Контроль над информацией и социальная идентичность (гл. 3–6) / пер. с англ. М. С. Добряковой // Социологический форум. 2001. № 1–4 // http://ecsocman.hse.ru/data/425/175/1218/goffman_final.doc (дата обращения: 12.01.2014).

Дементьева И.Ф. Социально-экономическое положение семьи и проблемы социализации детей // Голенкова З.Т. (ред.) Модернизация социальной структуры российского общества. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 181–194.

Дети с ограниченными возможностями. Положение детей в мире. UNICEF, 2013 // www.unicef.org/publications/files/SOWC13-russian.pdf (дата обращения: 12.01.2014).

Елизаров А.Н. Ценностные ориентации неблагополучных семей // Социологические исследования. Ежемесячный научный и общественно-политический журнал Российской Академии наук. 1995. № 7. С. 93–99.

Исола А.-М. Неблагополучные семьи: риторика российской демографической политики // Здравомыслова Е., Роткирх А., Темкина А. (ред.) Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009. С. 404–426.

Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20.11.1989 // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 12.01.2013).

Львовский С. Под знаком ювенальной юстиции // Pro et Contra. 2010. № 1–2 // <http://carnegie.ru/proetcontra/?fa=40840> (дата обращения: 12.01.2013).

Общие принципы в оценке социальных результатов программ в сфере защиты детства. Партнерская инициатива БФ «Культура детства» и ДФ «Виктория» при поддержке „Evolution and Philanthropy“ // <http://socialimp.wordpress.com/> (дата обращения: 12.01.2013).

Орлова Н.А. Жизненные стратегии неблагополучных семей в регионах России // Гурко Т.А. (ред.) Актуальные проблемы семей в России. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. С. 149–162 // <http://ecsocman.hse.ru/text/19211309/> (дата обращения: 12.01.2013).

Поздняков А. Бедный, значит неумный. Плохие социально-экономические условия разрушают детский мозг // Новые известия. 16.10.2006 // www.newizv.ru/news/2006-10-16/56101/ (дата обращения: 12.01.2013).

Рид Дж. Г. Жестокое обращение с детьми: американская перспектива // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2 № 2. С. 265–282.

Россия лидирует по уровню подросткового курения среди стран Восточной Европы. 31.05.2012 // Центр новостей ООН // <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=17603#.UlzoRVB7Lps> (дата обращения: 12.01.2013).

Солодников В.В. Социально дезадаптированная семья в контексте общественного мнения // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 76–84.

Федеральный закон от 10.12.1995 № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» // <http://base.garant.ru/105642/> (дата обращения: 12.01.2014).

Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // <http://base.garant.ru/12116087/> (дата обращения: 12.01.2014).

Федеральный закон от 28.12.2013 № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // <http://www.rosmintrud.ru/docs/laws/112> (дата обращения: 12.01.2014).

Фонд поддержки детей. Дети в трудной жизненной ситуации: актуальные проблемы. Доклад Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2011.

Фонд поддержки детей. Дети в трудной жизненной ситуации: профилактика неблагополучия. Доклад Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2013.

Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи: книга для педагогов и родителей. М.: Изд-во «Владос-Пресс», 2006.

Шишкин С.В., Бурдяк А.А., Селезнева Е.В. Различия в доступности медицинской помощи для населения России // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2008. № 8. С. 135–158.

Шмидт В.Р. Согласованная политика охраны детства: благое пожелание или достижимая цель (российский и чешский опыт) // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 7. № 2. С. 151–175.

ЮНИСЕФ. Проблема детской бедности в перспективе. Обзор благополучия детей в богатых странах: доклад Исследовательского центра «Инноченти». Вып. 7. Флоренция: Исследовательский центр ЮНИСЕФ «Инноченти», 2007.

ЮНИСЕФ-НИСП. Анализ положения детей в Российской Федерации: на пути к обществу равных возможностей. М.: ЮНИСЕФ-НИСП, 2011 // <http://www.unicef.ru/upload/iblock/b6e/b6e95c80c100fe40629a3024b2a59018.pdf> (дата обращения: 12.01.2013).

Ярская Смирнова Е.Р. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 14–25.

Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. «Скрытое знание» в фольклоре профессиональных групп // Фольклор малых социальных групп: традиции и современность. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 33–49.

Ben-Arieh A., Frønes I. Indicators of Children's Well-Being: What should be Measured and Why? // Social Indicator Research. 2007. № 84. P. 249–250.

Building a Europe for and with Children. Strategy 2012–2015 // <http://www.coe.int/t/dg3/children/> (дата обращения: 12.01.2013).

Children's Participation // http://www.coe.int/t/dg3/children/participation/Newdefault_en.asp (дата обращения: 12.01.2014).

Columbo S.A. General Well-Being in Adolescents: its Nature and Measurement: PhD thesis. St. Louis University, 1984.

Currie C., Zanotti C., Morgan A., Currie D., de Looze M., Roberts Ch., Samdal O., Smith Otto R.F. and Barnekow V. Социальные детерминанты здоровья и благополучия подростков. Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья (HBSC): международный отчет по результатам опроса, проведенного в 2009–2010 гг. Политика здравоохранения в отношении детей и подростков. 2012. № 6 // http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0003/163857/Social-determinants-of-health-and-well-being-among-young-people.pdf (дата обращения: 12.01.2014).

Cyberbullying Statistics // <http://www.internetsafety101.org/cyberbullyingstatistics.htm> (дата обращения: 12.01.2014).

Duncan G.J., Magnuson K. Investing in Preschool Programs. *The Journal of Economic Perspectives*. 2013. Vol. 27. № 2. P. 109–132.

Ferguson D.L., Meyer G., Jeanchild L., Juniper L. and Zingo J. Figuring out What to Do with Groupings: How Teachers Make Inclusion «Work» for Students with Disabilities // *Journal of the Association for Persons with Severe Handicaps*. 1992. № 17. P. 218–226.

Foundation for Child Development. 100 Years of Commitment to Children: Change and Continuity. 2001. January 1 // <http://fcd-us.org/resources/100-years-commitment-children-change-and-continuity> (дата обращения: 12.01.2014).

Foundation for Child Development. National CWI // <http://fcd-us.org/our-work/child-well-being-index-cwi/national-cwi> (дата обращения: 12.01.2014).

Lipsky D.K., Gartner A. Achieving Full Inclusion: Placing the Student at the Center of Educational Reform // Stainback W. and Stainback S. (eds.) *Controversial Issues Confronting Special Education: Divergent Perspectives*. Boston: Allyn & Bacon, 1991. P. 3–13.

O'Hare W., Mather M., Dupuis G. Analyzing State Differences in Child Well-Being. Foundation For Child Development. 2012. January // <http://fcd-us.org/sites/default/files/Analyzing%20State%20Differences%20in%20Child%20Well-Being.pdf> (дата обращения: 12.01.2014).

Popova D. Impact Assessment of Alternative Reforms of Child Allowances Using RUSMOD – the Static Tax-Benefit Microsimulation Model for Russia // *International Journal of Microsimulation*. 2013. Vol. 6. № 1. P. 122–156.

Salisbury C.L., Palombaro M.M., Hollowood W.M. On the Nature and Change of an Inclusive Elementary School // *The Journal of the Association for Persons with Severe Handicaps*. 1993. № 18. P. 75–84.

Save the Children. The Child Development Index 2012. Progress, Challenges and Inequality. London: Save the Children, 2012 // http://www.savethechildren.org.uk/sites/default/files/docs/Child_Development_Index_2012_UK_low_res.pdf (дата обращения: 12.01.2014).

Tilbury C. The Influence of Performance Measurement on Child Welfare Policy and Practice // *The British Journal of Social Work*. 2004. Vol. 34. № 2. P. 225–241.

UK Rises up Unicef Child Well-Being Ranking // BBC news. 10.04.2013 // <http://www.bbc.co.uk/news/uk-22083762> (дата обращения: 12.01.2014).

Understanding and Measuring Child Welfare Outcomes // Evidence for Practice. An Exacutive Summary. 2005. № 3. P. 3–4.

UNICEF. Child Well-being in Rich Countries: A Comparative Overview // Innocenti Report Card 11. UNICEF Office of Research. Florence, 2013.

Wacquant L.J.D. Punishing the Poor: the Neoliberal Government of Social Insecurity. Durham, NC and London: Duke University Press, 2009.

Weisner T. Human Development, Child Well-Being, and the Cultural Project of Development // *New Directions in Child Development.* 1998. Vol. 1. № 80. P. 69–85.

**ГОСУДАРСТВО И СЕМЬЯ
В ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТСОЦИАЛИЗМА:
НАЗАД В БУДУЩЕЕ**

Реванш истории: институциональные корни семейной политики в посткоммунистических странах: Чешской Республике, Венгрии и Польше

Хана Хашкова, Стивен Саксонберг

В 1872 г. в Австро-Венгерской империи был принят закон, разделивший детские дошкольные учреждения на ясли — для детей до трех лет и детские сады — для детей 3–5 лет. В начале 1950-х гг. коммунистические правительства стран Центральной Европы приняли еще одно решение — передать детские ясли в ведение министерств здравоохранения. В тот момент мало кто мог ожидать, что эти решения будут иметь долгосрочные последствия для семейной политики и гендерных отношений во всем регионе, однако в данной главе показывается, что именно так и произошло. Исследуя историю и социологию социальных институтов, авторы анализируют формирование государственной семейной политики в трех центрально-европейских странах: Чешской Республике, Венгрии и Польше, в которых где появились три разные модели политики семьи. Основные различия в этой области, наблюдаемые сегодня, через двадцать лет после падения коммунизма, существовали, как показано в главе, еще и при коммунистическом строе. Более того, в то время решения принимались не на пустом месте, а опирались на выборы, сделанные задолго до пришествия коммунизма. В работе

Данная работа получила финансовую поддержку от Агентства по грантам Чешской Республики [403/09/1182 and P404/10/0021], от Шестой рамочной программы Европейской комиссии [028746-2] и от шведского Фонда Балтийского моря.

изучение эволюции семейной политики в центральноевропейских странах ведется в русле теории «зависимости от пути развития»; вклад авторов в становление данной теории дополняется также собственной модификацией общепринятых подходов к материалу.

На гендерные отношения в обществе мало что влияет так сильно, как государственная семейная политика. Благодаря наличию и доступности детских дошкольных учреждений, женщинам становится легче заниматься собственной карьерой, поскольку упрощается возвращение на рынок труда после рождения ребенка. Оплаченный отпуск по уходу за ребенком также весьма важен, потому что почти всегда предполагает возможность для женщины вернуться на прежнее место работы. Отцы тоже могут претендовать на «родительский» отпуск с сохранением права на получение пособия по государственному социальному страхованию, благодаря чему семья не слишком теряет в доходах, если отец остается дома (учитывая, что отцы, как правило, зарабатывают больше матерей). Эти меры увеличивают гендерное равенство, стимулируя участие отцов в воспитании детей. Приличные оплаты отпусков и доступность детских учреждений помогают также и одиноким матерям обходиться без поддержки бывших партнеров. Понятно, что анализ семейной политики открывает многое в том, как государственная политика вообще влияет на гендерные отношения в обществе (Sainsbury 1994; Lewis 1993; Lewis 1997).

В первой части главы дается краткое сравнение семейной политики в трех вышеназванных странах, затем излагаются причины выбора именно приведенных объяснений хода развития этой политики в регионе, и далее следует анализ развития институтов, сочетающий исторический и социологический подходы.

Семейная политика в странах Центральной Европы: сходства и различия

Центральноевропейские страны дают примечательный материал для изучения развития семейной политики, ибо при коммунизме там она представляла собой некий гибрид стратегий, одни из которых поощряли гендерное равенство, а другие отдаляли гендерные роли друг от друга. В модели семьи с двумя «добытчиками» работали, как правило, оба родителя, при этом женщины активно стремились попасть на рынок труда, поскольку уровень зарплат при коммунистических режимах держался на слишком низком уровне, чтобы семья могла прожить на доход одного работающего. Кроме того, для поощрения выхода женщин на работу было существенно увеличено количество детских учреждений. Семейная политика коммуни-

стических стран содержала также элементы консервативной модели гендерных ролей (Sainsbury 1999), предполагающей их отчетливое разделение. В частности, отпуск по уходу за ребенком давался только матерям, которые в результате могли оставлять работу на длительное время, а возможность предоставления таких отпусков отцам, чтобы те тоже участвовали в воспитании своих маленьких детей, даже не рассматривалась. Указанные моменты были общими для изучаемых стран, но в их семейной политике существовали и важные различия, и они сохраняются по сей день. В сущности, единственным серьезным изменением в семейной политике с 1989 г. стало то, что Польша, Словакия и Чешская Республика резко сократили число учреждений для детей до трех лет, тогда как Венгрия произвела более умеренное сокращение тех же учреждений. За недостатком места мы не будем здесь говорить о Словакии, тем более что после разделения Чехословакии Чешская и Словацкая Республики проводят сходную политику в семейной сфере.

При коммунизме, как уже было сказано, семейная политика состояла из стратегий, как поддерживающих, так и ослабляющих гендерное равенство. Казалось бы, после падения коммунизма хотя бы одна страна откажется от консервативных правил предоставления отпусков по уходу за ребенком и двинется в сторону принятия модели «добытчик и опекун в одном лице», т.е. такой модели, которая содействует гендерному равенству (Sainsbury 1999). Подобная модель побуждает матерей стремиться зарабатывать деньги, а отцов — становиться воспитателями собственных детей. Однако вместо этого посткоммунистические страны в основном продолжают применять прежнюю политику, что подтверждает верность теории «зависимости от пути развития». Перед тем как описать нашу теоретическую модель, мы вкратце представим основные положения семейной политики в Чехии, Польше и Венгрии в периоды до и после 1989 г.

В Польше уже при коммунизме семейную политику характеризовало наименьшее, по сравнению с другими изучаемыми странами, вмешательство со стороны государства (Gauthier 1999), и имплицитно она была фамилиалистской (Leitner 2003)¹. Хотя женщинам в декретном отпуске платили щедрые 100% оклада, сам отпуск был на два месяца короче, чем в Венгрии и Чехословакии (Saxonberg, Sirovátka

---

¹ Фамилиализм предполагает всяческую поддержку семей в обеспечении потребностей детей — длительный отпуск по уходу за ребенком, пособия родителям и детям, материнский капитал, включение периода ухода за ребенком в рабочий стаж, гибкий подход к регуляции права родителей на отпуск по уходу за ребенком. Государство в той или иной форме поддерживает родителей как главных опекунов своих детей. — *Прим. пер.*

2006; Saxonberg, Szelewa 2007) (4 месяца против 6). В 1960-х гг. Польша вместе с остальными двумя странами ввела длительный отпуск по уходу за ребенком. Тем не менее, в отличие от других стран, поначалу женщине в таком отпуске не полагалось никаких выплат, и только в 1981 г. ввели соответствующее пособие, которое рассчитывалось на основе справок о доходах — «с проверкой на нуждаемость», — что типично для стран с соцобеспечением по остаточному принципу (Esping-Andersen 1990). И до сих пор Польша остается страной с самым коротким декретным отпуском, оплачиваемым с учетом имеющихся у семьи средств. Хотя в 1990-х гг. возможность получить отпуск по уходу за ребенком была предоставлена и отцам, те не спешат ею воспользоваться, отчасти именно потому, что выплаты по нему зависят от официальных расчетов нуждаемости. Наконец, в Польше, несмотря на наличие построенных коммунистами яслей и детских садов, процент детей, посещающих детские учреждения, был намного ниже, чем в Чехословакии и Венгрии, и это соотношение сохраняется и сегодня (см. табл.).

Чехословакия при коммунистическом строе была ближе всех к консервативной, открыто фамилиалистской, в соответствии с типизацией Лойтнер (Leitner 2003), поддержке семьи (Korpi 2000), поскольку в разделении гендерных ролей она зашла дальше других изучаемых стран (Sainbury 1999). Ее шестимесячный декретный отпуск был на два месяца дольше, чем в Польше, и хорошо оплачивался по социальному страхованию (выплаты по нему составляли 90% дохода предшествующего времени). После этого матери (только они) могли получить отпуск по уходу за ребенком еще на два с половиной года, с оплатой по низкой единой ставке. Такая система в общих чертах сохранилась и после падения коммунизма и разделения Чехословакии. Важным отличием, как и в Польше, стало резкое сокращение доступности учреждений для детей младше трех лет (см. табл.). Чешское посткоммунистическое правительство ввело, правда, некоторые небольшие изменения — слегка понизило компенсационные выплаты матерям и предоставило мужчинам возможность получать длительный отпуск по уходу за ребенком. Однако ставка пособия остается слишком низкой и не стимулирует мужчин (менее 1% отцов уходят в такой отпуск) (Maříková 2008). В 1995 г. стало можно не возвращаться на работу до достижения ребенком четырех лет. Недавно чешское правительство приняло еще одно изменение в законодательстве: более состоятельные родители могут выбрать двухлетний отпуск, но при этом получать больше денег ежемесячно. Но система пособия с твердой суммой по-прежнему сохраняется. И поскольку рабочие места сейчас удерживаются за

родителями только в течение трех лет, а мест, где дети могут быть днем, не хватает, большинство матерей все так же сидят дома три года, как это было в последние двадцать лет правления коммунистов.

Таблица

**Доля детей, посещающих государственные
дошкольные учреждения, %**

Страна	1930-е гг.*	1989 г.		2002 г.**		2008 г.***	
	Возраст детей						
	3-5	0-2	3-5	0-2	3-5	0-2	3-5
Чешская Республика	20	20,3 (13,2 в яслях)	78,9	10,3 (0,7 в яслях)	94,7	6,2	79,1
Венгрия	26,3	11,7 (11,2 в яслях)	85,7	10,1 (9,6 в яслях)	87,8	10,9	88,6
Польша	2,8	9,1 (8,7 в яслях)	48,2	5,1 (4,2 в яслях)	49,9	3,8	59,6
Германия				5,0	82,0	21,2	89,4
Швеция				37,0	77,0	44,0	85,5
ЕС-15				25,0	81,0	36,2	80,9

Источник: По 1989, 2000 и 2002 гг. — (Saxonberg and Sirovátka 2006). По 2008 г. — база данных *TransMONEE*: <http://www.transmonee.org> (дата обращения: 18.09.2009).

Примечания. *Данные по чешским землям: (Bulíř 1990, табл. 2); данные по Венгрии: (Hegedűs, undated); данные по Польше: *Żłobek jako instytucjonalna forma opieki nad dzieckiem*.

**Данные по Германии, Швеции и ЕС-15 относятся к 2000 г.

***Данные по Германии, Швеции и ЕС-15 относятся к 2006 г. и взяты из: (ОЕСД)¹.

Самую щедрую и универсалистскую политику с 1985 г. проводит Венгрия: она предоставляет двухлетний отпуск, оплачиваемый по социальному страхованию (GYED). С конца 1960-х в Венгрии существует также трехгодичное пособие в твердой сумме (GYES). Матери, выбравшие GYED на первые два года, могут в течение третьего года получать GYES, который стал доступен и отцам уже в начале 1980-х гг. Сегодня оба вида отпусков и их оплаты остаются в действии и мо-

¹ Материал по посткоммунистическим странам взят нами из базы данных *TransMONEE*. Эта база использует данные статистических департаментов этих стран. Данные ОБСЕ по ЕС15, возможно, более надежны, но по посткоммунистическим странам их цифры иногда отличаются от данных *TransMONEE* и от данных официальных статистических справочников этих стран.

гут быть предоставлены мужчинам, но размер пособия снизился с 75 до 70% заработка. Хотя в целом уровень компенсации доходов весьма приличен, выплата по GYES не может превышать более двух минимальных зарплат. Отцов со средним и высоким доходом эта сумма вряд ли вдохновит взять отпуск (мужчины претендуют всего на 4% с небольшим всех видов отпусков по уходу за ребенком) (Szikra, Szelewa 2009). В Венгрии коммунисты тоже построили множество детских учреждений, но венгерские посткоммунистические правительства, в отличие от польского и чехословацкого, не закрыли большинство яслей, хотя доля детей до трех лет там все еще очень низка (см. табл.; международный стандарт составляет около 9,6%).

Таким образом, радикальные перемены, произошедшие в европейских странах в 1989 г., не привели к радикальным переменам в семейной политике; скорее все принятые в этой сфере изменения можно считать институциональным наследием семейной политики коммунистических времен. Польша продолжила стратегию наименьшего вмешательства государства и скрытого фамилиализма, Чешская Республика следовала самой консервативной в гендерном отношении и открыто фамилиалистской политике, оказывая поддержку семье как таковой, а семейная политика Венгрии осталась самой щедрой и универсалистской. При том что некоторые поправки были сделаны, самым заметным явлением в семейной политике посткоммунистических стран является *отсутствие* в ней реальных перемен. Поэтому любые объяснения посткоммунистических стратегий семейной политики окажутся объяснениями исторических связей между ними. Практически никакие иные гипотезы, кроме зависимости от пути развития, не будут продуктивны, потому что в них самое важное — это анализ произошедших, пусть и немногих, перемен, а не отсутствия оных. Иные гипотезы — это концепции, фокусирующиеся, например, на роли международных организаций (Ferge 1997a; Deacon 2000), влиянии мобилизации женщин (Glass, Fodor 1997) или значении католической церкви (Siemienska 1994; Heinen, Wator 2006). То же относится и к коммунистическому анти-феминистскому наследию, которое, возможно, явилось одной из причин недостатка перемен, но влиянием которого невозможно объяснить различия между странами (Ferge 1997b; Funk, Mueller 1996; Renne 1997).

Самые большие различия в современной семейной политике трех стран существовали еще и при коммунистическом строе, поэтому, учитывая данный факт, для понимания развития этой политики мы должны заглянуть в историю. Хотя социологи уже начинают видеть связь между нынешней политикой и политикой коммунистиче-

ской эры (Saxonberg, Sirovátka 2006; Heinen, Wator 2006; Bicskei 2006), они пока не пытаются ответить на вопрос, почему в коммунистическую эпоху страны Центральной Европы проводили разную политику. **Мы считаем, что семейная политика в Центральной Европе выросла на базе решений, принятых в критические моменты выбора как до прихода коммунистов к власти, так и во время их правления.** По нашему мнению, историко-институциональный анализ в рамках модифицированной модели зависимости от пути развития предлагает самое полное объяснение того, почему в изучаемых странах политика семьи сегодня различна.

Историческое и социологическое объяснение институтов

При изучении истории общественных институтов традиционно подчеркивается важность тех принятых в критические моменты выбора решений (Collier 1991), которые направляют страны на новый путь развития (Mahoney 2000; Guy Peters, Pierre, King 2005). Указывается, что, раз вступив на некий путь, страны отходят от него с трудом — отсюда и термин «зависимость от пути развития». Приверженцы теории зависимости от пути развития вначале утверждали, что переломные моменты и необходимость выбора возникают при кризисах, вызванных сильными внешними воздействиями (Pierson 2000); мы же говорим о том, что важнейшие выборы, сделанные в сфере семейной политики, могут сразу не показаться особенно существенными. Малозначащие меры в организации институтов способны отозваться серьезными последствиями в дальнейшем (Pierson 2000; Bergan 1998). К тому же, как замечает М. Кенни, «по видимости нейтральные институциональные процессы и практики на самом деле укоренены в невидимых нормах и ценностях и дают одним группам преимущества перед другими» (Kennedy 2007), и мы показываем, что эти «невидимые нормы» давали преимущества мужчинам перед женщинами тем, что укрепляли освященные традицией гендерные роли.

В отличие от традиционного для исследователей истории институтов фокусирования на *одной* критической ситуации выбора, Джеффри Хейду разработал понятие «последовательное решение проблем» (Haydu 1998), имея в виду, что те принимаемые ответственными лицами важные решения, которые влияют на путь развития, базируются на предшествующих решениях. Наша модель сходна с такой концепцией, но мы не согласны с Хейду в том, что

принятие важных решений по тем или иным проблемам напрямую связано с ожиданием определенных результатов. Наоборот, считаем мы: важные резолюции не обязательно принимаются для решения проблем, воспринимаемых ответственными лицами в данный момент как серьезные, а нередко являются побочным продуктом других резолюций¹.

В своем подходе мы солидаризируемся со В. Штреком и К. Телен, считающими перемены «инкрементными»² изменениями [которые происходят] через постепенную трансформацию» (Streeck, Thelen 2005), а не через резкие повороты, потому что политика данного момента опирается на постепенное и длительное предшествующее развитие, которое, в свою очередь, обусловлено объединенным действием ряда важных решений, принятых в некоторые критические моменты выбора (т.е. это не одно радикальное изменение, вызванное каким-то одним решением). Мы также сходным образом употребляем термин «наслаивание» (layering) который подразумевает, что стратегии развиваются через принятие одного за другим нескольких решений, укладывающих новые «слои» стратегий поверх старых. Однако понятие наслаивания предполагает, что программы расширяются либо за счет включения новых групп людей, охватываемых данной политикой, либо за счет увеличения числа программ в рамках данной политики. Мы же, в противоположность этому, считаем, что критическими могут быть выборы, изменяющие организационную динамику стратегий без добавления новых программ или целевых групп.

Штрек и Телен также пишут, что политические акторы предлагают и, возможно, успешно лоббируют важные изменения вначале лишь как поправки к действующим стратегиям, для того чтобы «спровоцировать контрмобилизацию защитников status quo» (Streeck, Thelen 2005). Наше исследование делает еще один шаг в доказательстве того, что изменения, впоследствии оказывающиеся

---

¹ В этом смысле к нашему подходу можно применить нечто среднее между пирсоновскими терминами «причинный ряд» и «кумулятивные причины» (см.: Pierson 2004, ch. 3). Особенности современной семейной политики посткоммунистических стран обусловлены решениями, принятыми более века тому назад, что отвечает модели причинного ряда. Однако, в отличие от модели Пирсона, результаты принятых решений о новых стратегиях не появляются сразу. Скорее политика центральноевропейских стран является частью длительного кумулятивного процесса: ее стратегии не были структурно обусловлены, а базируются скорее на цепи решений, формирующих, в свою очередь, установки.

² Нарастающими, накапливающимися. — *Прим. пер.*

важными, могут не казаться таковыми в момент их принятия. То есть политикам порой даже не нужно «протаскивать» свои поправки, потому что они сами не всегда представляют себе, что введение в действие этих поправок может иметь значительные последствия для общества.

В отличие от чисто исторического подхода, при изучении институтов мы сочетаем историю и социологию. Социология обращает внимание на то, каким образом институты влияют на нормы и установки (Hall, Taylor 1996). Как говорит П. Пирсон, от институтов зависит способ, которым мы наносим информацию на «уже существующие ментальные карты» (Pierson 2000). По этому пункту мы согласны с Пирсоном, но у нас другое мнение по поводу его мысли, что страны постоянно движутся по одной и той же отчетливой колее (потому что «все время растет выгода» от постоянства колее). Нам представляется, что каждый выбор, сделанный в критический момент, чуть-чуть меняет направление развития страны. Но хотя мы и не считаем, что любая страна следует без отклонений по какой-либо одной траектории, мы, тем не менее, согласны с утверждениями других исследователей о наличии некоей «логики адекватности», согласно которой ответственные лица считают одни решения пусть не самыми эффективными, но «более адекватными ситуации, чем другие». Кроме того, мы разделяем точку зрения Л. Чеппел (Chappell 2006), которая особо подчеркивает, что мнение об адекватности того или иного решения формируется под влиянием гендерных стереотипов.

Иными словами, институты и культурные нормы постоянно взаимодействуют друг с другом. Когда в кризисные моменты политики делают выбор, они делают его под влиянием доминирующих культурных норм, а также норм своей собственной группы (например, коммунистической партии). В свою очередь, принятые институциональные решения оказывают воздействие на культуру, создавая определенную логику адекватности. За недостатком места мы остановимся именно на создании логики адекватности, оставив в стороне другие факторы, влияющие на принятие решений в тот или иной исторический период. Это поможет лучше показать, как институциональные изменения создают свои собственные движущие силы и влияют, в том числе, на «существующие ментальные карты».

Мы считаем, что в семейной политике изучаемых стран имели место три важных критических выбора. *Первый — кодификация разделения детских дошкольных учреждений на ясли для детей до трех лет и детские сады для детей от трех лет до школы.* Детей до трех лет стало возможно воспринимать как некую отдельную ка-

тегорию, с присущими ей внутренними отличиями от детей более старшего возраста. *Второй критический выбор — упразднение в центральноевропейских странах в начале 1950-х гг. под нажимом Сталина министерств социального обеспечения и передача детских яслей в ведение министерств здравоохранения.* Это решение повлияло на саму идею охраны детства, поскольку детские ясли стали рассматриваться как учреждения системы здравоохранения, а не как учреждения, занимающиеся психолого-педагогическим развитием маленьких детей. Из-за такого подхода ухудшилось отношение населения к яслям в странах Центральной Европы. *Третьим критическим решением стало учреждение коммунистическим режимом различных видов длительных отпусков по уходу за ребенком, которые побуждали женщин сидеть дома в течение «естественного» трехлетнего периода.* Типы этих длительных отпусков различались и продолжают различаться в трех изучаемых странах, что объясняется различиями в историческом «наследстве» в области семейной политики, а также ролью некоторых личностей.

Первый критический выбор: адаптация двухуровневой модели

В современной Чешской Республике и в Венгрии идеи организации охраны детства уходят своими корнями в XIX в., когда территория этих стран была частью Австро-Венгерской империи. Польша в это время принадлежала трем странам: Австрии, Германии и России, — и там все было несколько по-иному. Изучаемые страны все ввели у себя двухуровневую систему — ясли для малышей до трех лет и детские сады для более старших детей. Ясли появились в 1850-х гг., дав возможность работать матерям из бедных семей как в Австро-Венгрии (Lederer 2001; Fellner 1884), так и в бывших немецких и российских частях Польши (Pietrusiński 1958). Детские сады возникли в Центральной Европе в то же время, но первоначально они следовали модели, которую разработал в Германии Ф. Фрёбель. Система Фрёбеля создавалась не для того, чтобы предоставить женщине возможности работать — она имела педагогические цели. Поскольку детские сады были платными и функционировали всего 4—5 часов в день, ими мог пользоваться в основном средний класс (Mišurcová 1980). Но появились и „Volkkindergartens“¹, с полным рабочим днем и с применением методов Фрёбеля, так что и малоимущие матери теперь могли работать (Fellner 1851). И по-

---

¹ Народные детские сады (нем.). — Прим. пер.

скольку в Volkkindergartens воспитатели говорили на одном языке со всеми остальными жителями данного региона, тогда как в других детских садах — на немецком, Volkkindergartens стали более популярными, и число их увеличивалось, поскольку в них чехи, венгры и поляки видели опору своим национальным устремлениям.

К началу 1800-х гг. на венгерских территориях националистические идеи получили большее развитие, чем на чешских и польских, и в 1860-х гг. Венгрия добилась равного с Австрией статуса; тогда же империя была переименована в Австро-Венгерскую. В Венгрии, в отличие от других территорий, детские сады отдали в ведение Министерства образования, потому что правительство полагало одной из главных целей этих учреждений поддержку венгерского языка (Bicskei 2006). В чешских землях детские сады по большей части были немецкими, и чешские националисты основали специальную ассоциацию для поддержки чешских Volkkindergartens, после которых дети скорее шли в чешские, нежели в немецкие школы (Mišurcová 1980). Незадолго до падения империи такие полудневные учреждения с чешским языком стали преобладающими в регионе. В Польше «народные детские сады» были весьма немногочисленны, их функцию выполняли появившиеся там ochronki¹, где смотрели за детьми, пока матери работали. При этом ochronki нередко брали на себя педагогические функции, что делало их похожими на Volkkindergartens. В российском секторе они вообще стали оплотом сопротивления царской политике русификации польских детей и молодежи (Lepalczyk 1988). Такая связь между национализмом и Volkkindergartens помогает понять, почему решение коммунистических властей (когда они появились в Польше) резко увеличить процент детей, посещающих детские сады, практически не встретило возражений от населения. Открытие детских яслей, напротив, не понравилось части консервативных родителей, относившихся к ним с предубеждением (Srb and Kučera 1956). Упомянутая взаимосвязь национализма и Volkkindergartens отчасти объясняет и тот факт, что посткоммунистические правительства, отличавшиеся консервативными взглядами на гендерные роли, резко сократили поддержку яслей (кроме Венгрии), но не перестали поддерживать детские сады. Ясли считали «коммунистической» затеей (раз коммунисты так сильно расширили сеть этих учреждений), а вот к детским садам отношение консервативных националистов было позитивным.

В Австро-Венгерской империи первым критическим выбором можно считать решение 1872 г. распространить на двухуровневые дошкольные учреждения действие имперского закона о школах.

---

¹ Приюты (польск.). — Прим. пер.

В детских садах теперь под контролем школьных офисов детей должны были учить (§ 17), от яслей же требовалось только соблюдение гигиенических стандартов (§ 27). Таким образом, закон о школах кодифицировал разделение детей дошкольного возраста на две категории и приучил общество к мысли, что детей следует отправлять в детский сад только после трех лет; это, в свою очередь, укрепило представление о том, что двухлетние фундаментально отличаются от трехлетних и обращаться с ними, следовательно, надо по-другому. Однако, например, в США и Швеции малышковые учреждения открыты для дошкольников любого возраста¹, и там не возникло дебатов о том, что дошкольники делятся на две возрастные группы, к каждой из которых нужно относиться по-разному.

В Польше ситуация была несколько сложнее, т.к. там имперский закон о школах действовал только в австрийском секторе. Но на практике и в других секторах дети делились на две группы, и это деление было закреплено в собственном законе страны после получения ею независимости в 1918 г. (Kurcz 2005). В тот момент трудно было бы вообразить, какие огромные последствия для формирования гендерных ролей будет иметь через сотню лет это законодательно установленное разделение детей: оно облегчило возникновение мифа о капитальных различиях между детьми до трех лет и после, и благодаря ему женщины стали считать «естественным» сидение дома с ребенком в первые три года его жизни.

Несмотря на институциональное сходство, в деле охраны детства в странах Центральной Европы в конце XIX и в первой половине XX в. возникли и различия. Автономное венгерское правительство видело явную связь между воспитанием детей в детских садах и пробуждением национального самосознания, так же мыслили и чешские националисты. По этой причине Volkkindergartens пользовались большей поддержкой в Венгрии и Чехии, чем в Польше. Венгерские политики после потери страной двух третей территории в результате Первой мировой войны были особенно склонны проводить националистическую и пронаталистскую² политику. В 1930-х гг. Венгрия вела семейную политику, направленную на увеличение «венгерской нации» и на перераспределение национального богатства — «от богатых евреев» к «бедным христианам — рабочему классу». Правительство начало вводить разного рода детские пособия и налоговые льготы для стимулирования рождаемости среди этнических венгров (Szikra, Szelewa 2009).

---

¹ В США все пятилетние дети обязательно один год ходят в детский сад, где проводятся занятия по программе начальной школы. Швеция также сейчас переместила последний год дошкольного обучения в начальные школы.

² Поощряющую рождаемость. — *Прим. пер.*

В Польше развитию детских учреждений мешала разделенность страны. Три государства — Австрия, Пруссия и Россия — считали Польшу заштатной территорией на окраинах своих империй и мало инвестировали в ее инфраструктуру. Когда же части Польши воссоединились в единое государство в 1918 г., противниками развития сети детских учреждений стали католическая церковь (Szikra, Szelewa 2009) и женские организации консервативного толка, мобилизовавшие миллионы людей в поддержку точки зрения церкви. (Heinen 2008). Но и без этих влиятельных группировок у Польши был более трудный старт, чем у Венгрии и Чехословакии, поскольку до войны там имелось меньше детских учреждений, да и само новое государство, вынужденное воссоединять свои три части с тремя разными администрациями, было слабее. Все это усложнило строительство общественных учреждений для детей. В результате, если к началу Второй мировой войны в Венгрии почти 1000 детей посещали ясли, (Hegedűs, undated) а 26,3% детей 3—5 лет ходили в детские сады в 1938 г., (OECD) то в Польше в 1939 г. едва ли хоть один малыш был в яслях и всего 2,8% детей посещали детские сады (Wojcikowska 2004). В чешских землях в 1937 г. работало 83 ясельных учреждения, а в период между мировыми войнами около 20% детей посещали детские сады (Bulíř 1990). И до сих пор в Польше система учреждений дневного пребывания детей менее развита, чем в Венгрии или Чешской Республике.

Второй критический выбор: ясли и охрана детства как проблема здоровья

В первые годы коммунистического правления власти стран Вышеграда решили упразднить министерства социальной защиты как, по их мнению, отжившие институты, ибо все социальные проблемы должна была решить плановая экономика. Вместо того чтобы отдать ясли в ведение тех же министерств, что и детские сады (т.е. министерств образования)¹, власти возложили ответственность за

---

¹ В Польше детские сады находились в ведении Министерства образования с 1932 г. В Чехословакии детские сады передали от Министерства социального обеспечения Министерству образования вскоре после Второй мировой войны, хотя это решение подготавливалось с 1930-х гг. В Венгрии в 1945 г. детские сады перешли от Министерства образования и Министерства внутренних дел к Министерству образования и Министерству социального обеспечения; в 1949 г. они полностью перешли под руководство Министерства образования. О Польше см.: (Graniowska 1971: 15); о Чехословакии см.: (Mišurcová 1980); о Венгрии см.: (Bicskei 2006: 162–163).

них на министерства здравоохранения, превратив тем самым охрану раннего детства в дело охраны здоровья¹.

Эта мера вытекала из продукционистской² идеологии сталинской эпохи: считалось, что государство должно построить как можно больше яслей, чтобы женщины не покидали ряды работников. При этом не учитывались педагогико-психологические нужды детей. Государство рассматривало ясли как объекты экономики, которые считались тем более «эффективными», чем больше в них приходилось малышам на одну няню и чем больше детей было в одних яслях. Неудивительно, что население относилось к яслям с предубеждением из-за их переполненности и, соответственно, низкого качества ухода за детьми. В таких яслях легко распространялись инфекционные заболевания (Heitlinger 2000; Šermáková et al. 2000). Уже в коммунистическое время Беата Пшыбыльска (Przybylska 1988: 104) писала, что, если бы в Польше ясли были подведомственны Министерству образования, качество ухода за детьми повысилось бы, потому что в яслях могли бы работать психологи и педагоги, а не только няни и медсестры.

Третий критический выбор: введение длительного отпуска по уходу за ребенком

В 1960-х гг. демографы, психологи, экономисты и педиатры начали выражать сомнения в необходимости дальше развивать сеть учреждений для малышей до трех лет. Коэффициент фертильности падал по мере того, как росло участие женщин в общественном труде, и уменьшался дефицит рабочей силы, детских учреждений было недостаточно, ясли все чаще подвергались критике, матери много сидели дома, когда дети болели. Детские сады устраивали родителей больше: в них видели не только место, где присматривают за детьми, пока матери на работе, но и учреждение с ярко выраженной педагогической функцией — с детьми там работали скорее воспитатели, нежели няни. Ученые и специалисты стали предлагать, в качестве

---

¹ О Польше см.: (Graniewska 1971: 31; Przybylska 1988: 103). О Чехословакии см. акты Министерства здравоохранения № 130/1951 Coll. и № 24/1952 Coll. Помимо давления со стороны Советского Союза, стимулом для реформы здравоохранения при коммунистах было снижение детской смертности и заболеваемости и развитие направлений неотложной помощи и профилактики заболеваний (см.: Janouch 1951).

² Продукционизм — система взглядов, в соответствии с которой экономическая политика должна быть нацелена на поддержку производства. — *Прим. пер.*

альтернативы малопопулярным яслям, ввести длительные отпуска по уходу за ребенком. В некотором смысле педиатры и социологи действовали подобно тем, кого Дж. Махони и К. Телен (Mahoney, Thelen 2010) называют «подрывными элементами», потому что они занимали официальные посты в системе и стремились изменить ее изнутри. Хотя запрещалось подвергать сомнению основные устои советского строя (однопартийную систему, владение государством средствами производства), эти люди все-таки могли сыграть на исповедуемых коммунистических лидерами традиционных взглядах на гендерные роли, согласно которым для мужчин было немисливо братья за «женскую» работу (уход за детьми, например). Даже желая видеть женщин на производстве, коммунистические лидеры все равно считали, что женщины не могут играть одинаковые с мужчинами роли.

Кроме мнения ученых, идею введения длительных декретных отпусков поддерживали и продукционистские установки правителей: главная функция яслей — позволить женщинам работать, но если кроме женщин в семье никто за детьми не ухаживает, то в случае болезни ребенка матери должны прекращать работу, сидеть дома и заниматься детьми. Следовательно, такие периоды ясли недогружены. Исходя из этого, коммунистическая элита со своими продукционистскими нормами решила учредить длительные декретные отпуска, т.к. посчитала более рентабельным оставлять женщин дома на три года, чем финансировать ясли, наполовину пустые из-за болезней малышей.

Теоретически было бы возможно противодействовать падению рождаемости, предоставляя женщинам возможности проще сочетать работу и семейную жизнь. Можно было бы, например, улучшить уход за детьми в детских учреждениях и призвать отцов к участию в заботе о детях. При своей гендерно однобокой логике адекватности и при том, что коммунистические лидеры никогда не сталкивались с влиятельными женскими организациями, которые подвергли бы сомнению их традиционное понимание гендерных ролей, ответственные лица даже не думали о содействии выравниванию положения мужчин и женщин в семье, будучи убежденными, что воспитание детей — это исключительно женская обязанность. Соответственно, мужчинам не предоставлялось право брать отпуска по уходу за ребенком (Saxonberg 2005). Вместо того чтобы давать отцам отпуска или вывести ясли из системы здравоохранения, ответственные лица сделали выбор в пользу очевидного гендерно-стереотипного решения, побуждающего матерей сидеть дома более длительное время, чтобы избавить государство от необходимости

содержать столько яслей и оплачивать больничные листы по уходу за больными детьми. Таким образом, третий критический выбор был сделан тогда, когда коммунистические правительства решили учредить еще один «продленный декретный отпуск».

В Чехословакии такой отпуск ввели в 1964 г. Предполагалось, что постепенно его будут удлинять до трех лет, отчего зависимость семей от яслей станет уменьшаться (Klíma 1969). Политики не отказались от своих довоенных представлений, коренящихся еще в бисмарковской эпохе, и ввели оплату этого отпуска по единой ставке для всех (как в соседней Австрии). Такое решение определяет семейную политику Чехословакии как консервативную: длительное пребывание матерей дома подчеркивало различия в гендерных ролях.

Польша тем временем шла все дальше по пути скрытого фамилиализма, используя остаточный принцип: она ввела неоплачиваемый длительный декретный отпуск, при том, что доступность детских учреждений дневного пребывания была там намного ниже, чем в соседних странах. В конце концов, отпуска стали оплачивать в соответствии с уровнем дохода, после того как в 1981 г. движение «Солидарность» оказало давление на правительство (Balcerzak-Paradowska 1995). Это единственный случай в коммунистических странах, когда население смогло мобилизоваться и повлиять на семейную политику государства. Бывший министр труда и социальных дел Антони Раджекевич так объясняет ту «логику адекватности», которая руководила принятием решения об отпуске, оплачиваемом с учетом нуждаемости, а не об отпуске с оплатой по единой ставке:

Польша меньше других коммунистических стран развивала дошкольные детские учреждения (даже в коммунистические времена были опасения конфликта с католической церковью), поэтому потребность женщин в длительном отпуске по уходу за ребенком была выше. Единое пособие потребовало бы больших затрат, чем в других странах, так что по финансовым соображениям оплата отпуска стала рассчитываться по нуждаемости (интервью 1).

Венгрия тоже ввела продолжительные отпуска в 1960-х гг. В 1967 г. начали выплачивать единое для всех пособие по GYES в течение двух лет. В 1969 г. прибавили еще полгода, в результате в дополнение к 6 месяцам декретного отпуска матери оставались дома, получая выплаты, до достижения ребенком трех лет (Haney 2002). Националисты популистского толка, памятуя о пронаталистской политике 1930-х гг., утверждали, что от единого пособия выиг-

рывали беднейшие, «недостойные элементы» (например, цыгане) и что это стоило стране «интеллектуального капитала», поскольку более обеспеченные и образованные группы (например, этнические венгры) не получают достаточного стимула заводить детей. Заместитель министра, отвечавшая в правительстве за проблемы семьи, сыграла немаловажную роль в формировании семейной политики, предложив компенсационный принцип оплаты декретных отпусков. По ее словам, ее особенно беспокоило *«падение рождаемости, и она хотела побудить женщин с более высокими доходами тоже иметь детей»* (интервью 2). На основе ее рекомендаций правительство в 1985 г. ввело альтернативную схему GYED, которая позволила матерям получать после 6 месяцев стопроцентно оплачиваемого декретного отпуска 75% своего прежнего оклада до достижения детьми трех лет. Данный пример показывает, что принимаемые в критические моменты решения не обязательно обусловлены структурно: хотя на них влияет «логика адекватности», сформированная решениями предшествующего времени, большую роль в этом процессе могут играть и отдельные акторы, занимающие ответственные посты.

Таким образом, основные положения нынешней, посткоммунистической семейной политики действовали уже до падения коммунизма. В Венгрии была самая «богатая» система — с выплатами на основе страховых взносов и с хорошей поддержкой детских садов. В Польше система сохраняла больше черт прошлого: пособие определялось на основе оценки нуждаемости, а детские учреждения получали меньше средств, чем в Венгрии. Чехословакия следовала более консервативной модели — с длительным отпуском, оплачиваемым всем одинаково, и щедрой поддержкой детских садов. Во всех трех странах имелись детские ясли, которые тогда финансировались хорошо, а сейчас, по международным стандартам, намного хуже. Единственной заметной разницей в семейной политике с 1989 г. является то, что Польша и Чешская Республика прекратили поддерживать ясли, тогда как Венгрия не предприняла столь радикальных мер.

Причины сокращения числа яслей в посткоммунистический период следует искать как в докоммунистической, так и в коммунистической эпохах: искусственная возрастная граница в три года для детских садов вкупе с широко обсуждавшейся плохой организацией яслей и введением «продленных декретных отпусков» способствовали созданию и воцарению догмы — мать должна сидеть дома с ребенком, пока ему не исполнится три года. Все это также привело к падению популярности яслей, о чем косвенно говорят сравнительные международные опросы общественного мнения (Saxonberg,

Sirovátka 2006). Они обнаруживают следующий парадокс: отношение к гендерным ролям и к работе матерей с маленькими детьми остается самым консервативным именно в странах Центральной Европы, которые на самом деле одними из первых в Европе отошли от модели «мужчина зарабатывает — женщина опекает». В свою очередь, это сильно облегчило посткоммунистическим правительствам прекращение поддержки яслей. Венгрия представляет собой частичное исключение, потому что в ее семейных стратегиях сочетается наследие националистической пронаталистской политики периода между мировыми войнами и прагматических мер кадровского правления в 1970—1980-х гг. В эпоху Кадара среди политиков возобладал прагматичный дух, для них результаты стали важнее идеологии, а Венгрия превратилась в самую открытую страну, реформированную больше всех, по сравнению с другими странами бывшего советского блока. Опираясь на пронаталистскую традицию, консервативные посткоммунистические венгерские правительства провозгласили своей целью повышение уровня рождаемости. Несмотря на личные предпочтения роли домохозяйек для женщин, как прагматикам им пришлось сделать ясли более доступными, чтобы поднять рождаемость и чтобы женщины из среднего класса, ориентированные на карьеру, могли все же иметь детей¹.

1989 год: несостоявшийся переход

Возникает вопрос: почему в соответствии с постулатами мейн-стрима литературы по истории институтов, где подчеркивается роль внешних потрясений, 1989 г. не стал ожидаемой критической точкой? Во-первых, семейная политика, включая одобряемые населением отпуска по уходу за ребенком, к этому времени была хорошо поставлена, поэтому было бы сложно радикально сокращать что-то, кроме поддержки яслей (тем более что они были непопулярны из-за своей во многом медицинской направленности). Когда правительство социалистов в Венгрии попыталось в 1995 г. сделать оплату отпусков по уходу за ребенком зависимой от доходов, среди населения немедленно поднялось недовольство, и социалисты потеряли часть голосов на выборах. Новое консервативное правительство быстро восстановило прежний порядок (хотя сейчас GYED оплачивается в 70%, а не в 75% оклада), и в дальнейшем правительства социалистов больше не трогали эту систему.

---

¹ Этот вывод сделан на основе интервью с 22 венгерскими политиками, министерскими чиновниками, советниками политиков и общественными организациями, проведенных в 2007-2008 гг.

Далее, в первые годы переходного периода руководители стран все внимание уделяли мерам, которые обеспечили бы быстрый переход к рыночной экономике. В социальной сфере требовалось развивать новые области, не охваченные плановой экономикой. К. Оффе (Offe 1994) назвал эту фазу «начальной стадией мер против чрезвычайной ситуации», когда правительствам нужно быстро создать социальные «страховочные сети» и систему страхования от безработицы, т.к. многие тогда теряли работу, а уязвимым группам, вроде пенсионеров, было трудно прожить на свои доходы. Поскольку семейная политика была хорошо налажена, она не заняла приоритетного места — на повестке дня первыми стояли институты поддержки социальных страховочных сетей и стратегии рынка труда, которые требовалось создать практически с нуля.

Заключение

В сфере семейной политики центральноевропейские страны в течение XX в. оказывались перед тремя критическими точками принятия решений, определившими их «пути развития». Первой дилеммой было кодифицировать или нет разделение дошкольников на две категории. Например, в Швеции детские учреждения принимают детей любого дошкольного возраста; в США существуют „nursery schools“⁴¹ для малышей до 5 лет, а детские сады для пятилетних являются частью системы школьного образования². В этих странах не

---

¹ Школы для детей от одного до пяти лет, где не просто осуществляют уход за детьми, а занимаются их развитием через игры. Называются эти учреждения по-разному: «предшколы», игровые школы и др., они представляют собой часть системы раннего обучения детей. — *Прим. пер.*

² На самом деле в Швеции есть детские сады для детей старше трех лет, но «ясли» принимали дошкольников любого возраста. Когда социал-демократы в 1960-х гг. задумали расширить сеть центров дневного пребывания детей, они могли выбрать и выбрали «ясли» в качестве образца для выработки единой модели. Детские сады же без поддержки обществественности довольно быстро исчезли, ср. (Gunnel, Åstedt 1993). «Ясли» представляли относительно высокое качество ухода за детьми (и не были превращены в медицинские учреждения), поэтому они были популярны у родителей для детей старше трех лет. В 1941 г. разница в количестве мест между двумя типами учреждений была невелика (4000 мест в «яслях» против 6300 мест в детских садах) (см.: Tallberg Broman 1995: 42). Поскольку «ясли» больше походили на центральноевропейские Volkkindergartens в том, что были открыты целый день, тогда как детские сады — только часть дня, работающие матери все больше предпочитали «ясли». Когда социал-демократы решили инвестировать средства в «ясли» в качестве единой модели детских дошкольных учреждений, они изменили их название на «центры дневного пребывания».

существовало мифа о том, что детям до трех лет необходима совершенно иная организация ухода, чем старшим детям. В Венгрии же и Чехии во времена Австрийской империи сделали такое разделение дошкольников. Идеи национализма заставляли их развивать детские учреждения, особенно Volkkindergartens, в которых поддерживались родные для детей венгерский и чешский языки. Венгрия проводила пронаталистскую политику уже в период между мировыми войнами, т.к. желала поднять рождаемость среди этнических венгров в условиях распада «Большой Венгрии»¹. Польша тоже кодифицировала разделение детей на две группы — сначала практически, поскольку это же было сделано в австрийской, прусской и российской частях страны, а затем юридически, при первом правительстве объединенной Польши после Первой мировой войны. Однако поддержка детских учреждений в Польше была значительно меньше, чем в других странах, из-за давления со стороны католических организаций консервативного толка.

Таким образом, традиции семейной политики в Венгрии, Польше и Чехии различались еще до установления коммунистического строя, и эти различия сохраняются до сегодняшнего дня. Эти страны пока что сделали только первые важные шаги, выбрав те или иные опции, они пошли различными путями, но в дальнейшем они опять окажутся перед ответственным выбором в новой критической точке.

Если такая страна, как Швеция, решает не делить свою систему охраны детства на две части, то она, очевидно, в детских учреждениях выдвигает на первый план педагогический аспект, а не считает воспитание детей до трех лет главным образом проблемой здравоохранения — к чему пришли центральноевропейские государства. Страны, где была довольно хорошо развита система охраны детства, но которые решили разделить ее на две части, все же имели возможность развивать систему яслей в более гуманистическом направлении и сделать их более привлекательными, например, Дания или Франция. Однако Сталин насаждал в этих странах советскую продуктивистскую модель охраны детства (уход за детьми до трех лет — дело здравоохранения) с тем, чтобы стимулировать выход женщин на работу для участия в социалистическом производстве. Поэтому в начале 1950-х гг. все центральноевропейские страны передали детские ясли от министерств социальной защиты министер-

---

¹ Так неформально называлась территория страны в границах до 1920 г., когда в результате подписания Трианонского договора другим странам отошли 70% территории Венгрии и почти 2/3 населения (3 млн. чел.). — *Прим. пер.*

ствам здравоохранения, что отчасти обусловило снижение их популярности среди населения.

Тогда правительства центральноевропейских коммунистических стран в 1960-х гг. приняли решение учредить длительные отпуска по уходу за ребенком, которые предоставили матерям возможность не отдавать детей в ясли, а сидеть с ними дома три года. Продуктивизм и гендерно-обусловленная «логика адекватности» не позволили рассмотреть другие варианты: улучшить качество яслей и передать их в ведение министерств образования или стимулировать отцов делить с матерями время отпусков по уходу за детьми.

Несмотря на то, что в Венгрии и Чехословакии примерно одинаково и довольно хорошо финансировались детские сады, а ясли в обеих странах входили в систему здравоохранения, в принятии решений лидеры все равно были не свободны от влияния семейной политики предшествующего времени, и в конечном итоге эти страны пошли разными путями. Венгрия не отказалась от довоенного наследия своей пронаталистской политики, введя оплачиваемый из страховых взносов отпуск для поощрения деторождения у среднего класса (т.е. этнических венгров). Чехословакия не вела политику стимулирования рождаемости, держалась традиций времен Бисмарка и установила пособие единого размера, что типично для консервативных стран, таких как Австрия. Наконец, Польша продолжала следовать логике минимального соцобеспечения и учредила длительный отпуск по уходу за ребенком безо всякой оплаты; впоследствии отпуск стал оплачиваться на основе оценки нуждаемости. Это было обусловлено тем, что Польша не строила столько детских учреждений, сколько другие страны, оплата отпусков по единой ставке была бы более затратной, чем в других странах, поскольку большая доля матерей захотела бы воспользоваться этими пособиями ввиду недостатка учреждений для детей.

В предложенной нами модели понятие «наслаивание» употребляется несколько иначе, чем принято: мы не считаем, что каждое новое важное решение обязательно добавляет новый «слой»: увеличивая целевую группу той или иной программы или расширяя набор принимаемых мер в рамках той или иной стратегии. Мы показываем, что путь развития семейной политики могут изменить гораздо более простые решения, например, изменения ведомственного подчинения. Так, когда власти решили перевести ясли в ведомство министерств здравоохранения, никто не ожидал, что это серьезно повлияет на гендерные отношения или на качество и популярность детских учреждений. В отличие от того, что описывает модель Штреека и Телен (Streeck, Thelen, 2005), коммунистическим лиде-

рам не нужно было модифицировать свой язык, чтобы, во избежание «контрмобилизации защитников status quo», завуалировать важность вводимых изменений. Наоборот: представляется, что даже защитники status quo не предполагали, что эти изменения окажутся сколько-нибудь серьезными.

В противоположность выводам литературы мейнстрима, согласно которым критические моменты выбора возникают в ответ на сильные экзогенные воздействия, такие большие потрясения, как падение коммунизма, оказались для семейной политики центрально-европейских государств менее значимыми, чем решения, в момент принятия казавшиеся несущественными. Такие, на первый взгляд незначительные, меры, как разделение дошкольного возраста на два периода или передача детских яслей в ведение министерств здравоохранения, оказались важнейшими поворотными пунктами, определившими пути развития семейной политики в этих странах.

Перевод с англ. Н.Н. Кулаковой

Описание полевых данных

Интервью 1. Antoni Rajkiewicz, in Warsaw in May, 2007.

Интервью 2. Judit Csehák, former minister of social affairs in 1980s and 2000–2002, in Budapest on January 23, 2008.

Список источников

Balcerzak-Paradowska B. Poland's Policy Towards Family, in *Families in Poland* // Golinowska S., Balcerzak-Paradowska B. (eds.) *Evolution. Differentiation. Transformation Period.* Warsaw: Institute of Labor and Social Studies, 1995. P. 51–72.

Berman S. *The Social Democratic Movement: Ideas and Politics in the Making of Interwar Europe.* Cambridge: Harvard University Press, 1998.

Bicskei É. Our Greatest Treasure, the Child' The Politics of Child Care in Hungary, 1945–1956 // *Social Politics.* 2006. Vol. 13. № 2. P. 151–188.

Bulíř M. *Zařizení předškolní péče a výchovy v ČSR.* Prague: Czech Statistical Office, 1990.

Čermáková M., Hašková H., Křížková A., Linková M., Maříková H. and Musilová M. Relations and Changes of Gender Differences in the Czech Society in the 90's. Prague: Institute of Sociology, Academy of Sciences of the Czech Republic, 2000.

Chappell L. Comparing Political Institutions: Revealing the Gendered 'Logic of Appropriateness' // *Politics & Gender.* 2006. Vol. 2. № 2. P. 251–267.

Collier D. The Comparative Method: Two Decades of Change // Rustow A., Erickson K.P. (eds.) Comparative Political dynamics: Global Research Perspectives. New York: Harper Collins, 1991. P. 7–31.

Deacon B. Eastern European Welfare States: the Impact of the Politics of Globalization // Journal of European Social Policy. 2000. Vol. 10. № 2. P. 146–161.

Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. New Jersey: Princeton University Press, 1990.

Fellner A. Der Volkskindergarten und die Krippe. Wien, Leipzig: Buegkers-Witwe & Sohn, 1884.

Fellner A. Der Volkskindergarten und die Krippe; C. Helm, Einige Worte über Krippen, Wien: Dirnböck, 1851.

Ferge Z. The Changed Welfare Paradigm: The Individualization of the Social // Social Policy & Administration. 1997a. Vol. 31. № 1. P. 20–44.

Ferge Z. Women and Social Transformation in Central-Eastern Europe // Czech Sociological Review. 1997b. Vol. 33. № 2. P. 159–178.

Funk N., Mueller M. (eds.) Gender Politics and Post-Communism: Reflections from Eastern Europe and the Former Soviet Union. New York, London: Routledge, 1993.

Gauthier A.H. Historical Trends in State Support for Families in Europe (post 1945) // Children and Youth Services Review. 1996. Vol. 21. № 11/12. P. 937–965.

Glass C., Fodor E. From Public to Private Maternalism? Gender and Welfare in Poland and Hungary after 1989 // Social Politics: International Studies in Gender, State & Society. 1997. Vol. 14. № 3. P. 323–350.

Graniewska D. Żłobki i Przedszkola w PRL. Warszawa: Wydawnictwo Związkowe CRZZ, 1971.

Gunnel J. and Åstedt I.-B. Förskolans utveckling – fakta och funderingar Stockholm: Nordstedts tryckeri AB, 1993.

Guy Peters B., Pierre J., King D.S. The Politics of Path Dependency: Political Conflict in Historical Institutionalism // The Journal of Politics. 2005. Vol. 67. № 4. P. 1275–1300.

Hall P.A., Taylor R.C.R. Political Science and the Three New Institutionalism // Political Studies. 1996. Vol. 44. № 5. P. 936–957.

Haney L. Inventing the Needy: Gender and the Politics of Welfare in Hungary. Berkeley: University of California Press, 2002.

Haydu J. Making Use of the Past: Time Periods as Cases to Compare and as Sequences of Problem Solving // American Journal of Sociology. 1998. Vol. 104. № 2. P. 339–371.

Hegedűs R. Families and Social Services. Unpublished manuscript, undated.

Heinen J. The Gender Dimension of the Welfare in Poland: a Heritage of the Interwar and of the Communist Regime. Paper presented at Seventh European Social Science History Conference. February 26 – March 1, 2008, Lisbon.

Heinen J., Wator M. Child Care in Poland before, during, and after the Transition: Still a Women's Business // Social Politics. 2006. Vol. 13. № 2. P. 189–216.

Heitlinger A. Framing Feminism in Post-Communist Czech Republic // *Communist and Post-Communist Studies*. 1996. Vol. 29. № 1. P. 77–93.

Janouch F. Sjednocené zdravotnictví // *Praktický lékař*. 1951. Vol. 31. № 24. P. 527–528.

Kenny M. Gender, Institutions and Power: A Critical View // *Politics*. 2007. Vol. 27. № 2. P. 91–100.

Klíma M. Pečovatelská služba, jako forma péče o děti jeslového věku a důsledky vyplývající z jejich zavedení. Brno: VUT, 1969.

Korpi W. Faces of Inequality: Gender, Class and Patterns of Inequalities in Different Types of Welfare States // *Social Politics*. 2000. Vol. 7. № 2. P. 129–191.

Kurcz A. Żłobek, In Formy Opieki, Wychowania i Wsparcia w Zreformowanym Systemie Pomocy Społecznej. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2005. P. 23–42.

Lederer G. Früherziehung institutionelle Betreuung 0–3 jähriger Kinder Geschichte, Gegenwart und Anforderungen für die Zukunft. MA thesis. Vienna: Vienna University, 2001.

Leitner S. Varieties of Familialism. The Caring Function of the Family in Comparative Perspective // *European Societies*. 2003. Vol. 5. № 4. P. 353–375.

Lepalczyk I. (red.) Źródła do Pedagogiki Opiekuńczej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988. T. I.

Lewis J. (ed.) Women and Social Policies in Europe. Hampshire: Edward Edgar, 1993.

Lewis J. Gender and Welfare Regimes: Further Thoughts // *Social Politics*. 1997. Vol. 4. № 2. P. 160–177.

Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. № 4. P. 507–548.

Mahoney J., Thelen K. How Historical Institutionalists Explain Change // J. Mahoney and K. Thelen (eds.) *Explaining Institutional Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Maříková H. Rodičovská (je) pro oba rodiče! // A. Křížková, R. Dudová, H. Hašková, H. Maříková and Z. Uhde (red.) *Práce a péče*. Praha: SLON, 2008.

Mišurcová V. Dějiny teorie a praxe výchovy dětí předškolního věku v 19. a 20. století. Praha: SPN, ÚÚVPP, 1980.

OECD Family Database // <http://www.oecd.org> (дата обращения 1.07.2009).

Offe C. Der Tunnel am Ende des Lichts: Erkundungen der politischen Transformation im Neuen Osten. Frankfurt: Campus Verlag, 1994.

Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // *American Political Science Review*. 2000. Vol. 94. № 1. P. 251–267.

Pierson P. Politics in Time. History, Institutions, and the Social Analysis. Columbia and Princeton: University Presses of California, 2004.

Pietrusiński B. Przechadzka po Ochronach Warszawskich w Czerwcu 1858 // *Lepalczyk I.* (red.) Źródła do Pedagogiki Opiekuńczej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988. T. I. 58–68.

Przybylska B. Doskonalenie pracy żłobków jako placówki opiekuńczo-wychowawczej // E. Marynowicz-Hetka, I. Lepalczyk (red.) Instytucjonalna pomoc dziecku i rodzinie. Diagnozy i propozycje. Wrocław, 1988. S. 78–105.

Renne T. (ed.) *Ana's Land: Sisterhood in Eastern Europe.* Boulder: Westview Press, 1997.

Sainsbury D. (ed.) *Gender and Welfare State Regimes.* Oxford: Oxford University Press, 1999.

Sainsbury D. (ed.) *Gendering Welfare States.* London: Sage, 1994.

Saxonberg S. *The Czech Republic Before the New Millenium: Politics, Parties and Gender.* Boulder: East European Monographs, 2003.

Saxonberg S., Sirovátka T. *Failing Family Policy in Post-Communist Central Europe // Comparative Policy Analysis.* 2006. Vol. 8. № 2. P. 189–206.

Saxonberg S., Szelewa D. *The Continuing Legacy of the Communist Legacy // Social Politics: International Studies in Gender, State & Society.* 2007. Vol. 14. № 3. P. 351–379.

Siemienska R. *The Contemporary Dilemma of the Polish Family and its Genealogy // The European Journal of Women's Studies.* 1994. Vol. 1. № 2. P. 207–225.

Srb V., Kučera M. *Výzkum o rodičovství 1956.* Praha: Státní statistický úřad, 1959.

Streeck W., Thelen K. (eds.) *Beyond Continuity: Institutional Change in Advanced Political Economies.* Oxford: Oxford University Press, 2005.

Szikra D., Szelewa D. *Passen die mittel- und osteuropäischen Länder in das „westliche“ Bild? Das Beispiel der Familienpolitik in Ungarn und Polen // C. Klenner and S. Lieber. (eds.) Wohlfahrtsstaaten und Geschlechterungleichheit in Mittel- und Osteuropa. Kontinuität und ostsozialistische Transformation in den EU-Mitgliedstaaten.* Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. S. 88–123.

Tallberg Broman I. *Perspektiv på förskolans historia.* Lund: Studentlitteratur, 1995.

Wojcikowska I. *Żłobek jako instytucjonalna forma opieki nad dzieckiem.* BA paper. Wrocław: Higher School of Education in Wrocław, 2004.

Демографический кризис vs. гендерное равенство: что институт семьи расскажет о политике белорусского¹ государства

Ирина Соломатина

Введение

В главе исследованы дискурсы о семье, которыми оперируют разные акторы социальной политики в Беларуси. Задача работы состоит в стремлении преодолеть чрезмерную политизацию дискуссий относительно семейной политики в Беларуси, политическое управление которой приобрело все черты авторитарного режима и сохраняет их. Тенденция объяснять проблемы современной семейной политики исключительно неправильными действиями властей весьма схожа с упрощенным пониманием вклада социалистического прошлого, на которое стало привычным «сваливать» вину за современные проблемы. Важно выстроить такую объяснительную схему, которая бы включила фактор политического управления в комплекс движущих сил и определила направления оценки соотношения между ними. Основным предметом анализа в данной работе становится гендерное равенство.

Как и многие другие исследователи социальной политики постсоциалистического пространства (Aidukaite 2005; Majr, Zielonka 2002; Cerami, Vanhuysse 2009), мы принимаем необходи-

---

¹ В главе используется современная орфография: «беларуский» от названия страны Беларусь, которое закреплено в Конституции и международных документах. Использование новой нормы является важным политическим выбором для меня как для исследовательницы независимого государства Беларусь.

мость различать дискурсы как по критерию того, кто их применяет и с какими целями, так и по каналу их распространения. Например, какими дискурсами оперируют национальные и международные акторы семейной политики, какие стратегии популяризации своих установок они применяют. Несомненно, опыт поздней советской и постсоветской социальной политики убеждает в необходимости различать коммуникативные и координационные дискурсы: какими задачами руководствуются те, кто «делает политику», и какими дискурсами они объясняют свои приоритеты общественности (Schmidt 2008: 303–326). Представляется, что соотношение между координирующими и коммуникативными дискурсами может стать тем индикатором, который фиксирует риски и потенциалы проводимой политики. Вместе с тем «продуктом» взаимодействия дискурсов может быть многоуровневая система контрактов – между государством, обществом и индивидом (Motiejunaite, Kravchenko 2008: 39). Специфической особенностью Беларуси становится неоднородность нормативного контракта или коммуникативного дискурса – той совокупности установок, которой оперирует власть в пользу популяризации проводимой политики. С одной стороны, очевидно существенное различие между позициями для мирового сообщества и внутреннего пользования. С другой стороны, и в пропагандистских кампаниях населению адресуются двойственные установки, предписывающие практически взаимоисключающие нормы: например, женщине быть сексапильной и одновременно примерной матерью. Это делается для удобства манипуляции общественным мнением.

Мы проведем анализ той репрезентации семейной политики, которую последовательно выстраивают власти Беларуси во взаимодействии с международными организациями, обсудим вызовы семейной политики с точки зрения как проблем, так и ресурсов, которыми обладают семьи. Особое внимание уделяется пробелам в преемственности между принимаемыми правовыми нормами и практикой их применения. В заключительной части будут представлены установки, которые транслируются властью населению, рассмотрены отношения между ними.

Гендерное равенство: «витрина» семейной политики Беларуси

В соответствии с международными нормами гендерное равенство считается одним из индикаторов демократизации общества. Программы по достижению гендерного равенства рассматривают-

ся международными организациями как неотъемлемая составляющая социальной политики любого государства. В первую очередь международные организации увязывают гендерное равенство с политическими свободами: возможностью женщин «ставить под вопрос незыблемость патриархального устройства, искать пути минимизации его влияния на повседневную жизнь и преобразовывать социальные структуры» (Kabeer 2005: 15). Гендерное равенство как цель национальной политики связывается с усилением возможности женщин и женских движений влиять на политику, причем и за пределами сфер семьи, детства и труда (Mukhopadhyay, Singh 2007).

Подход «Гендер в развитии», который доминирует в международной риторике последние десятилетия (Доклад о мировом развитии 2012: 6), ориентирован на социальные отношения и культурный контекст взаимодействия мужчин и женщин. Принцип гендерного равенства стал означать равное распределение обязанностей, трудовой нагрузки, дохода, доступа к экономическим и интеллектуальным ресурсам и к принятию решений (ООН 1979).

В международно-правовых документах под национальным механизмом по улучшению положения женщин при выработке государственной социальной политики, направленной на устранение неоправданных различий в социальном статусе мужчин и женщин, понимаются три измерения: *правовое, организационное, содержательное* (Ashworth, 1994: 5). Политика гендерного равенства становится площадкой взаимодействия государства и международных организаций.

Беларусь ратифицировала ряд международных документов относительно преодоления дискриминации по признаку пола, в частности: Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (год ратификации – 2004 г.); Декларацию и Платформу действий Всемирной Конференции по улучшению положения женщин (Пекин, 1995 г.); Декларацию тысячелетия. Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА) в Беларуси сотрудничает с Министерством труда по вопросам разработки и реализации демографической политики и наращивания национального потенциала в области создания системы профилактики и предотвращения насилия на гендерной почве на 2011–2015 гг.

В 2000 г. создается Национальный совет по гендерной политике, который по замыслу должен был стать координирующим органом по проведению в жизнь государственной политики гендерного равенства. Первоначально Совет был наделен более широкими полномочиями, чем отдельные ведомства. Однако совет по ген-

дерной политике при Совмине РБ не имеет собственного бюджета и остается структурой, которая время от времени собирает экспертов с целью подготовить очередной отчет. В Совет входят представители как негосударственного сектора, которые пишут альтернативные отчеты, так и представители министерств и ведомств, которые участвуют в создании официальных отчетов для Комитета CEDAW (The United Nations Committee on the Elimination of Discrimination against Women). Но рамочные правила взаимодействия участников, которые бы определяли как их обязательства, так и основы кооперации представителей разных секторов, так и не выработаны. Информация о деятельности этой структуры по преимуществу появляется в СМИ перед очередными значимыми для страны событиями (например, перед президентскими выборами), что располагает усматривать в этих акциях в первую очередь направленность на политическую презентацию.

После получения в 2004 и в 2010 г. как альтернативного, так и государственного отчета Комитет CEDAW рекомендовал белорусскому правительству принять системные меры по устранению дискриминации в отношении женщин и привести законодательство и практику в соответствие с требованиями Конвенции, предполагающей обеспечение женщин целым рядом гражданских, культурных, экономических, политических и социальных прав, гарантируемых Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

Деятельность этой структуры вписывается в ту стратегию власти, которая активно использует репрезентативные функции подобных структур, но ограничивает возможности исполнения ими функций независимой экспертизы на системной основе.

Несмотря на неоднократные заявления президента – «считаться с западным мнением Беларуси не пристало», – власть все же старается добиться от Запада признания в качестве партнера, стремящегося к решению глобальных вызовов современности, Запад является универсальным референтом политических высказываний власти (Усманова 2006: 72–101).

Национальные планы действий по обеспечению гендерного равенства улучшают международный имидж страны, и даже поверхностный анализ публичной политики свидетельствует о том, что белорусское государство активно использует достижения в области гендерного равенства в позиционировании своих интересов с международными организациями.

Интерес государства состоит и в возможности получать поддержку со стороны международных организаций. Утверждение

Национального плана и Демографической программы происходит одновременно с подписанием Рамочной программы агентств системы ООН по оказанию помощи Беларуси в целях развития на 2011–2015 гг. Эта программа поддерживает национальные приоритеты страны и способствует выполнению международных обязательств в области развития. Объем финансирования Рамочной программы на пятилетие 490 млн долл. США (Рамочная программа 2010).

В качестве отчета государство демонстрирует свои успехи в сфере гендерного равенства. Действительно, по совокупному показателю гендерного равенства Беларусь занимает 65 место среди 187 стран (2011 г.) (Беларусь по индексу человеческого развития 2011). Стабильно высокий образовательный уровень белорусских женщин, можно считать ключевым фактором, обеспечивающим высокий уровень оценки гендерного равенства в стране. Среди работающих женщин 54,6% имеют высшее и среднее специальное образование, среди мужчин – 37,1% (в 2000 г. соответственно 48,7 и 32,8%). Уровень образования непосредственно определяет и выбор сферы занятости: среди рабочих преобладают мужчины (56,3%), среди служащих – женщины (68,1%) (Женщины и мужчины 2010–2011). Другим значимым фактором становится занятость женщин на рынке труда (в возрасте от 16 до 55 лет), которая остается не только самой высокой среди постсоветских стран – 80%, но и сопоставимой с показателями советского периода (Pastore, Verashchagina 2007).

Накануне президентских выборов 2010 г. в Минске, на отчетной международной конференции «Права женщин и сбалансированная политика в области семьи, занятости и гендерного равенства: реальность и перспективы» заместитель министра труда и социальной защиты И. Старовойтов заявил, что «Беларусь досрочно достигла Целей развития тысячелетия, связанных со снижением материнской и детской смертности, обеспечением начального образования, достижением равенства мужчин и женщин» (Старовойтов 2010). В ходе конференции, после смелых заявлений замминистра о досрочных достижениях ЦТР в РБ, были рассмотрены предложения по разработке концепции четвертого Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства на 2011–2014 гг. Несомненно, белорусская власть знает об ожиданиях Евросоюза относительно более последовательных действий в следовании общепринятым демократическим стандартам как условия возобновления отношений с Беларусью. Пока все усилия по отчетности со стороны государства международное сообщество признает несвободными и недемократичными, в том числе считается, что

высокие показатели прогресса и подводимые итоги сфальсифицированы. Есть ли у международных экспертов основания предполагать несостоятельность проводимой политики с точки зрения достижения гендерного равенства? Международные организации весьма последовательно артикулируют свои приоритеты: борьба с насилием в отношении женщин, оптимизация мероприятий по профилактике заболеваний и улучшению здоровья, преодоление бедности. Однако до какой степени эти приоритеты согласуются с интересами национальных акторов – в первую очередь государства?

Вызовы семейной политики

Первый заместитель министра труда и социальной защиты Петр Грушник отметил, что задачей государства является создание таких условий, при которых семья будет иметь возможность воспитать двоих и более детей без ущерба профессиональному росту родителей: «Перед нами стоят задачи ... широкого плана – укрепления семьи как социального института, выполняющего важные социальные и экономические функции» (Грушник 2011). Высокопоставленный чиновник озвучил государственные ожидания от семьи: больше детей, меньше помощи от государства. Государство позиционирует актуальное состояние семейной сферы как проблемное: современная семья плохо справляется не только с функцией деторождения, воспитания и социализации детей, но и с функцией экономической самостоятельности (Бурова 2009). В первую очередь стремительно растет пожилое население, смертность трудоспособного населения: 542,4 на 100 тысяч населения в 2009 г., 550,5 – в 2010 г.

Старение поколения первого советского babyboom'a (конец 1940-х гг.) становится дополнительным фактором, усугубляющим спрос на службы поддержки семье. По прогнозам Венского института демографии и Международного института прикладного системного анализа, демографическая нагрузка пожилыми, связанная с пенсионным обеспечением, возрастает с 19,8 в 2009 г. до 28,4% в 2015 г. (Европейский статистический обзор 2010). Вместе с тем и показатели рождаемости подтверждают актуальность демографической проблемы. Доля домохозяйств, имеющих детей в возрасте до 18 лет, сократилась с 42 до 32%. Растет удельный вес домохозяйств с одним ребенком (с 57 в 1999 г. до 67% в 2009 г.) при сокращении доли домохозяйств с двумя детьми (с 37 до 27%) (В Беларуси занялись 2012) В то же время основной мерой семейной политики остается усиление ответственности детей за своих пре-

старелых родителей: «Надо заставить детей смотреть за своими стариками, а если не хотят – пусть за это платят» (В Беларуси необходимо принять 2013). Президент поручил изучить, как этот вопрос отражен в законодательстве: «Если не хватает законодательной базы, то в первом полугодии надо принять решение. Дети должны заботиться о своих родителях» (Там же). Можно предположить, что такие регуляции будут носить исключительно деструктивный характер, как и в случае ответственности родителей за несовершеннолетних детей.

Вместе с тем беларуская семья не оснащена экономическими ресурсами для решения задачи заботы о неработающих членах семьи, как несовершеннолетних, так и пожилых. Экономический кризис 2011 г. (второй за последние четыре года) ухудшил материальное положение населения. Согласно данным обзора «Бедность и социальная изоляция в Беларуси» в большей степени от кризиса пострадали относительно обеспеченные группы населения, в то время как наименее обеспеченные группы населения были частично защищены экономической политикой по увеличению минимальной заработной платы и сохранению занятости. Выросла доля населения с доходами, близкими к экстремальной бедности, одновременно произошел рост доли населения с доходами, незначительно превышающими черту абсолютной бедности (Бедность 2012: 14). Можно говорить о резонансе разных бедностей и экономического неравенства, характерного для беларуских семей. Так, интенсивная занятость и образование не гарантируют равенство доходов: к концу 2011 г. средняя зарплата беларуских женщин составляла 73,7% от зарплаты мужчин. В 2010 г. этот показатель был 76,6%. Женская занятость преобладает в таких отраслях, как здравоохранение, образование, культура (от 70 до 80% от занятых в отрасли), где расхождение в оплате труда составляет 15–20%. Но уровень заработной платы в этих «бюджетных» секторах значительно ниже, чем средний по стране, причем рост зарплаты тут сдерживался в большей степени, чем в среднем по экономике. В обрабатывающей промышленности, ключевой для экономики Беларуси и рынка труда, средняя зарплата женщин в декабре 2011 г. была на 30,5% ниже, чем у мужчин (Бедность 2012: 7). Максимально возможная женская занятость не только не гарантирует экономического благополучия, но и не обеспечивает защиту от экономических кризисов из-за профиля женской занятости. Более того, в связи с возрастающим риском потерять работу, например, из-за стремления Министерства образования РБ оптимизировать «сеть учреждений образования, их штатную численность и тем самым повысить эффективность расходования бюджетных средств» (В Беларуси количество работников 2013) именно женщины попадают под сокращение. Практически

полное отсутствие социальной защиты безработных в Беларуси автоматически делает незанятое население подверженным риску абсолютной бедности (Бедность 2012: 10).

Вместе с тем и доходы мужчин указывают на экономическую несостоятельность многих белорусских домохозяйств. Заработная плата после президентских выборов 2010 г. стала быстро падать в результате ограничения роста тарифной ставки первого разряда со стороны государства (Чубрик, Шиманович, Зарецкий 2012).

Вследствие резкой девальвации пенсии существенно снизились: к концу кризисного 2011 г. средний размер пенсии составил всего 111,6 долл., упав с 192,2 долл. в феврале 2011 г. (максимальное докризисное значение) (Бедность 2012: 7). По итогам 2011 г. относительная бедность среди людей в возрасте старше 65 лет составила 20% по сравнению с 16,2% в 2010 г. Сегодня увеличение пенсий поставлено в Беларуси в прямую зависимость от роста заработной платы: «Повышение пенсионных выплат предусмотрено в том случае, если рост средней заработной платы за квартал превышает 15% к уровню средней заработной платы, из которой рассчитывалась пенсия» (Беларуси в 2013 году 2012). Государство фактически заморозило развитие проекта по многоуровневому пенсионному страхованию.

Национальное исследование причин семейного неблагополучия в РБ показало, что большинство матерей и отцов детей школьного возраста не удовлетворены уровнем материального благосостояния своих семей и уровнем своей заработной платы. По результатам исследования ЮНИСЕФ, проведенного в 2007–2008 гг. (Национальное исследование 2007–2008), каждая третья многодетная семья попадает в категорию малообеспеченных. Получение нового жилья в настоящее время для большинства семей практически недоступно из-за несоответствия его стоимости доходам населения, только 3% новобрачных живут в собственном жилье¹.

Если во многих странах, бывших республиках СССР, проводятся исследования ресурса межпоколенных связей (например, международная программа «Поколения и гендер» в России) в Беларуси подобный опыт отсутствует. Об изменяющихся паттернах брачного, детско-родительского и сексуального поведения тоже можно судить только по косвенным данным.

Хотя большинство мужчин и женщин в Беларуси предпочитают заключать гражданский брак, традиционный институт су-

---

¹ Указ № 585 от 22 ноября 2007 г. О предоставлении молодым и многодетным семьям финансовой поддержки государства // <http://president.gov.by/press48545.html>.

пруджества трансформируется. Родительство, сексуальные отношения, партнерство становятся все более невзаимосвязанными сферами.

Несмотря на очевидный рост незарегистрированных партнерств, доли матерей воспитывающих детей без мужа, государственная политика приоритизирует поддержку полных и многодетных семей. Отвечая на вопрос, почему в новом Законе «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей» (2013) снимаются надбавки для матерей-одиночек (до 2013 г. женщине, которая одна воспитывает ребенка в возрасте до 1,5 лет, начислялась надбавка в размере 75% пособия, в возрасте от 1,5 лет до 3 лет – 40%) министр труда М. Щеткина, пояснила:

...женщины будут получать одинаковое пособие по уходу за ребенком в возрасте до трех лет – вне зависимости от того, зарегистрирован их брак или нет... – По моему убеждению, при рождении ребенка уповать только лишь на поддержку государства неправильно (Министр труда: При рождении 2012).

Министр подчеркнула, что главным критерием должен быть уровень доходов семьи, а не категория, к которой она относится. Семьи, которые по объективным причинам нуждаются в дополнительной помощи, могут получить поддержку через систему государственной адресной социальной помощи.

В условиях кризиса выросла адресность денежных социальных трансфертов. Однако процесс сопровождался снижением доли трансфертов в доходах населения, в том числе и абсолютно бедных с 13 до 11,1% от располагаемых ресурсов. В среднем трансферты в денежной форме¹ составили в 2011 г. 3,1% от располагаемых ресурсов населения (Бедность 2012: 26).

---

¹ Имеются в виду пособия на детей в возрасте до 3 лет, пособия семьям, воспитывающим детей до 18 лет, пособия в связи с рождением ребенка, по беременности и родам, на уход за инвалидами и престарелыми, пособия на погребение, пособие по безработице, адресная социальная помощь, стипендии и др. Пособия (за исключением пособий на погребение и временной нетрудоспособности) установлены в привязке к бюджету прожиточного минимума и полностью зависят от его динамики. Величина бюджета прожиточного минимума в 2011 г. регулярно увеличивалась с темпом, опережающим инфляцию: цены на товары и услуги, входящие в корзину бюджета прожиточного минимума, выросли за 2011 г. на 19,2 процентного пункта больше, чем потребительские цены, а в декабре 2011 г. (по отношению к декабрю 2010 г.) – на 29,4 процентного пункта.

Согласно данным ЮНФПА, для населения Беларуси характерно раннее начало половой жизни; позитивная установка на сексуальные отношения до и вне брака; несоответствие между знаниями, установками и реальным поведением (Отчет национального исследования 2009: 36). За двадцать лет удалось значительно снизить количество нежелательных беременностей и аборт, но использование контрацепции в Беларуси значительно ниже показателей европейских стран. Соответственно, и показатель абортов остается достаточно высоким. Явная автономизация подростковой и юношеской сексуальности от «внешних» форм социального контроля со стороны родителей, школы и государства не находит отклика в программах просвещения и поддержки несовершеннолетних в профилактике рисков. Наоборот, в Кодексе об образовании (2011) зафиксирован приоритет традиционных ролей мужчин и женщин. По Кодексу, школьникам необходимо не сексуальное, а нравственное воспитание, которое направлено на передачу учащимся представлений о дифференциации мужских и женских ролей. Например, в пособии, разработанном Министерством образования Республики и рекомендованном для использования в школах, говорится о «представлениях о социально одобряемых качествах мальчиков, юношей, мужчин и девочек, девушек, женщин»; «принятии своей гендерной роли и готовности к ее исполнению» (Коновальчик, Смотрицкая 2008).

Проводимая политика отличается непоследовательностью принимаемых решений и относительно международных стандартов. Как и в проанализированных выше конфликтах между новыми паттернами граждан и установками государственной политики, непоследовательность в реализации международных рекомендаций указывает на неспособность власти увязать гендерное равенство с необходимостью оптимизировать демографическую ситуацию. Так, летом 2009 г. Конституционный суд проанализировал положения белорусской Конституции, а также Трудовой кодекс и Закон «О занятости населения Республики Беларусь» и установил наличие в белорусском законодательстве возможности введения нанимателями дискриминационных условий в предложениях об имеющихся свободных рабочих местах (вакансиях) (решение от 17.07.2009 № Р-360/2009 «Об обеспечении равных прав граждан в сфере труда»). Конституционный суд поручил Палате представителей внести ряд дополнений в действующее законодательство. 25 января 2010 г. вступил в силу Закон от 28.12.2009 № 94-З «О внесении дополнений и изменения в Закон Республики Беларусь „О занятости населения Республики Беларусь“», однако, при-

няв Закон № 94-З, депутаты не внесли дополнения в Трудовой кодекс, что свело на нет возможность правоприменения новых норм.

Еще одним примером непоследовательности можно считать политику в сфере профилактики семейного насилия. По мнению международных экспертов, насилие против женщин стало одной из самых актуальных проблем белорусского общества. Около 1 млн. женщин в Беларуси подвергались семейному насилию: свыше 80% опрошенных женщин признали, что подвергались какому-либо насилию от мужа или партнера, из них 82% испытывали психологическое насилие, 33% – физическое, 17% – сексуальное, каждая десятая респондентка подверглась всем перечисленным видам насилия (Официально: Около миллиона женщин 2013).

Законопроект «О профилактике и пресечении насилия в семье» был разработан еще в 2002 г., однако Закон до сих пор остается не принятым. «Нет его и в проекте на следующий год, – поясняет заместитель начальника управления профилактики МВД РБ Олег Каразей. – Год назад проект закона действительно стал активно обсуждаться, но в МВД, например, этого закона пока нет, и с нами его никто не обсуждал» (Синюк 2013). Отсутствие Закона ведет не только к неспособности судов призвать виновников к ответу, но и создает предпосылки для новых преступлений и становится одним из факторов социальной приемлемости насилия в обществе.

Несмотря на массовость проблемы насилия и отсутствия достаточной правовой регуляции, система служб представлена всего лишь 45 кризисными комнатами, действующими на базе территориальных центров социального обслуживания населения. Хотя международные организации и предлагают свою помощь в поддержке данных служб, региональные службы отказываются от нее в силу непреодолимых сложностей с отчетностью в случае получения средств от иностранных доноров. Вместе с тем пропускная способность данных служб многим меньше, чем запрос целевой группы: в январе – марте 2012 г. в них временно проживало всего 33 человека, в 2011 г. за помощью обратились 93 человека.

В ответ на давление со стороны международных организаций государство привлекает – Белорусскую православную церковь (БПЦ) – своего давнего партнера, с которым действует система соглашений и проектов с 2003 г. В 2012 г. на портале БПЦ появилась информация о том, что подписан Меморандум о взаимопонимании между Союзом сестричеств милосердия БПЦ и ЮНФПА. В 2012 г. БПЦ официально приступила к реализации проекта «Развитие национального потенциала РБ в целях противодействия домашнему насилию в условиях достижения гендерного равенства».

Как сама церковь позиционирует проблему насилия, до какой степени ее подход будет релевантен запросам целевой группы? Протоиерей Олег Шульгин, руководитель социального отдела Минской епархии и духовник Союза сестричеств милосердия заявляет:

Человек задуман как совершенное творение, как образ и подобие Божие, и когда мы этот образ и подобие теряем, вот тогда и появляется гендерное неравенство. Если мы исправляем свою греховную составляющую, которая у нас есть, и этот образ восстанавливаем, тогда проявляется гендерное равенство. Таким образом, стремление к равенству – это дело Божественное (Руководитель социального отдела 2012).

Исчерпание причин насилия удалением от божественного предназначения определяет и способ профилактики: жизнь в соответствии с религиозными нормами. Поскольку именно БПЦ отведена «роль хранительницы нравственных и культурных ценностей белорусского народа», то можно предположить, что альтернатив такому решению не найдется. Будут ли женщины обращаться в церковные организации, если других опций нет, – вопрос открытый, как и вопрос о соответствии церковного подхода международным нормам относительно домашнего насилия и его профилактики. Тем не менее выбор государства в пользу Церкви как ключевого партнера в решении проблем насилия еще раз подтверждает следование традиционным ценностям. Вместе с тем и утверждение патриархальных ценностей дополняется усиливающимся контролем за частной и семейной жизнью. Сращивание двух моделей отношений государства и семьи, патриархальной (в которой роль государства минимальна) и социалистической (при которой семья позиционируется как ячейка общества), генерирует новые риски в обеспечении как гендерного равенства, так и других прав граждан.

Обобществление частной жизни как основа публичной политики в сфере семьи

Публичная политика Беларуси, адресованная гражданам, направлена на повышение ценности женщины – в самых разных контекстах развивается тема незаменимости женщины, ее приравнивания к главному капиталу страны. Юрий Козиятко, генеральный директор телекомпании «Столичное телевидение», отмечает:

В конце концов, для кого мужчины хранят в банках деньги, покупают бриллианты, золотые кольца? Конечно, для девушек, поэтому наши красавицы – это наш белорусский и минский стратегический ресурс (Красавицы 2009).

Такое высказывание вполне сопоставимо уже не с советским, но с нацистским режимом. Беларусь превозносит как женщину-мать, так и женщину – объект сексуальной привлекательности. Наряду с мерами по поддержке многодетных семей, приоритетной целевой группы белорусской социальной политики, активно развивается общественная кампания в поддержку материнства как главной миссии каждой женщины. Отличительной чертой данной кампании становится минимизация любого ожидаемого уровня приватности. Президент активно демонстрирует свою «правильную» семейную жизнь как образец для подражания. Вместе с тем публичные высказывания направлены на приоритизацию роли матери: «Дети – это святое, и детей надо рожать вовремя... Если спросите, когда, то ...желательно до 28 первого родить. Но надо же троих!» (Лукашенко предостерег 2012).

В 1996 г. Указом Президента был введен официальный праздник День матери – 14 октября. В соответствии с Указом Президента от 5 марта 2005 г. № 117 – 2006 г. был объявлен Годом матери. «Главная цель его проведения – привлечь внимание широкой общественности к проблемам матерей, совершающих каждодневный подвиг воспитания подрастающего поколения» (Информационный материал 2006). В 2006 г. в городе Солигорске был открыт первый в республике Музей Матери, снят видеофильм «Матери Земли Минской». Во всех этих действиях можно усмотреть непосредственное продолжение советской традиции приоритизации роли матери, а не семьи.

Многочисленные конкурсы красоты, проводимые в стране как среди молодых девушек, так и среди специалистов (скандальную известность получил конкурс на самую красивую грудь, в котором победила педагог гимназии), взяты под «личную охрану» президента. Основным доводом становится противопоставление государственных конкурсов тем сомнительным мероприятиям, за которыми стоит намерение продать белорусских красавиц в сексуальное рабство:

иной раз под видом всевозможных кастингов, приглашений на работу в модельные агентства идет банальная вербовка доверчивых девочек в сексуальное рабство. Высокий статус «Мисс Беларусь» – это прежде всего страховка от мошенничества (Ольга 2004).

Выбирать красавиц могут только государственные уполномоченные структуры, потому что девушек в перспективе готовят для выступления «за честь Беларуси». В 2013 г. одна из центральных

газет так объяснила победу одной из участниц в конкурсе: «Классический европейский стандарт – светлые длинные волосы, белозубая улыбка и стройное спортивное тело» (Леонович 2013).

Важность конкурсов красоты настолько велика, что эти мероприятия включаются в официальные отчеты по обеспечению гендерного равенства, вместе с тем организационные подходы к конкурсам красоты сопоставляются с квотированием мест в Парламенте:

Четкая организация конкурса красоты – это своеобразный срез государственной политики по отношению к женщинам. Ее непреложная суть в том, чтобы создать такие условия, чтобы наши милые дамы имели возможность полностью реализовать себя в своей стране. А коль так, то совсем не случайно и желание Президента видеть среди депутатов Палаты представителей не менее 30–40 процентов женщин (Ольга 2004).

Президент идет еще дальше в абсолютизации женской темы и определяет демократию как «общество, где женщина может чувствовать себя женщиной, спокойно выйти замуж, создать семью, гарантированно и спокойно родить детей, воспитывать их, дать образование и так далее и так далее – вот суть демократии» (Суть демократии по Лукашенко 2010).

Заключение

Государственная политика Беларуси в отношении семьи и гендерного равенства отличается крайне низкой чувствительностью к потребностям граждан и в то же время существованием различных публичных кампаний, направленных на лавирование между необходимостью соответствовать международным ожиданиям относительно гендерного равенства и решать демографическую проблему. Многочисленные непоследовательности в проводимой политике указывают на неспособность власти выработать политику, которая бы совмещала задачу обеспечения равенства мужчин и женщин с задачей поддержки рождаемости, активного старения, баланса между трудом и семьей. Соответственно, и разрыв между нормативным (гендерные отношения), официальным (семейная политика) и повседневным «контрактом» (практика распределения социальных ролей) в сфере взаимодействия семьи, общества и государства весьма велик.

С одной стороны государственная политика в РБ направлена на содействие максимальной женской занятости, с другой – правоприменительные практики, нормы социального поведения, состо-

ание общественного мнения о месте женщины в обществе остаются традиционными, что приводит к заниженной оценке женского профессионального труда. Несмотря на более высокий уровень образования, женщины рассчитывают (в отличие от мужчин) не на свои знания и умения, а чаще на свои коммуникативные способности, т.е. умение общаться с людьми (Рубанова и др. 2005: 24).

Поддерживая максимально возможную занятость населения, государству удавалось решать проблемы в социальной сфере путем повышения зарплат и пенсий. Однако экономический кризис 2011 г. заставил перейти к режиму строгой экономии и в силу образовавшегося бюджетного дефицита и вынудил пересмотреть существующую социальную политику и сократить финансирование социальных расходов. Государство вынуждено было разделять социальные и профессиональные группы в зависимости от их вклада в поддержание стабильности: зарплаты в бюджетных (женских) секторах значительно ниже, чем средние по стране. Проблемой является и низкий охват населения программой адресной социальной помощи и, соответственно, низкий уровень соответствующих расходов (Всемирный банк 2011). Другие инструменты социальной политики, позволяющие стабилизировать ситуацию в условиях кризиса, увязанные с благосостоянием населения, в Беларуси отсутствуют. Таким образом, белорусские семьи находятся в сложных экономических условиях.

Государство, стимулируя рождаемость как один из приоритетов своей политики, защищает «природную функцию» женщины. При такой политике возникает риск приоритизации только одного из прав – права женщины на материнство. В то время как государственное правовое регулирование должно быть направлено на выравнивание различных социальных последствий биологической определенности. Белорусское государство успешно формирует понимание ценностей семьи как «женских» ценностей. В оценке критериев жизненного успеха у женщин на первом месте находятся семья и дети (их назвали 93% женщин), власть и славу как критерий успеха поддерживают только от 2 до 4% женщин (Рубанова и др. 2005: 23). Такая иерархия свидетельствует об идеализации традиционных гендерных ролей.

Государство превозносит женщину-мать, женщину-работницу, женщину – объект сексуальной привлекательности как стратегический ресурс страны, в сочетании с выдвижением 30% женщин в парламент (по личному требованию президента страны), что предьявляется как подтверждение приверженности Беларуси идеям гендерного равноправия и выбора в пользу независимости и демократии.

Именно таким образом происходит формирование государственной нации в Беларуси. Через манипулирование и моральный контроль над женщинами со стороны власти и общества воспроизводится господствующий в Беларуси авторитарный режим.

Список источников

Бедность и социальная изоляция в Беларуси // Ежегодник-2012 // www.research.by/webroot/delivery/files/poverty2011r.pdf? (дата обращения: 10.10.2013).

Беларусь по индексу человеческого развития опережает все страны СНГ // БЕЛТА. 09.11.2011 // <http://pda.open.by/country/65692>.

Бурова С.Н. Благополучие семьи как предмет социологического исследования // Социология. 2009. № 4 // http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/7768/1/pages%20from%20%Do%A1%Do%BE%D1%86%Do%B8%Do%BE%Do%BB%Do%BE%Do%B3%Do%B8%D1%8F_2009_%E2%84%964.98-111pdf.pdf (дата обращения: 10.10.2013).

В Беларуси в 2013 году будут повышаться и детские пособия, и пенсии // БЕЛТА. 06.12.2012 // http://www.belta.by/ru/all_news/society/V-Belarusi-v-2013-godu-budut-povyshatsja-i-detskie-posobija-i-pensii_i_617647.html (дата обращения: 10.10.2013).

В Беларуси занялись семейной политикой // Белорусская деловая газета 18.11.2012 // <http://bdg.by/news/society/16300.html> (дата обращения: 10.10.2013).

В Беларуси количество работников образования планируется сократить. Как и предлагал Всемирный банк // TUT.BY. 07.06.2013 // <http://news.tut.by/society/352097.html> (дата обращения: 10.10.2013).

В Беларуси необходимо принять меры по усилению ответственности детей за престарелых родителей // БЕЛТА. 10.01.2013 // http://www.belta.by/ru/all_news/president/V-Belarusi-neobходимо-prinjat-mery-po-usileniju-otvetstvennosti-detej-za-prestarelyx-roditelej---Lukashenko_i_620620.html (дата обращения: 10.10.2013).

Всемирный банк. Обзор государственных расходов в Республике Беларусь. Реформирование бюджетно-налоговой сферы в целях восстановления устойчивого экономического роста. Ч. 1. Доклад 63566-ВУ, Вашингтон, 2011.

Доклад о мировом развитии – 2012: Гендерное равенство и развитие. Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк // www.worldbank.org (дата обращения: 10.10.2013).

Европейский статистический обзор за 2010 год // <http://un.by/ru/unfra/demography/resource/publication/datasheet.html> (дата обращения: 10.10.2013).

Женщины и мужчины Республики Беларусь: стат. сборник. Мн.: Министерство статистики и анализа РБ, 2010–2011.

Информационный материал для информационно-пропагандистских групп. № 5 (30). Мн.: Ин-т соц.-полит. иссл. при Администрации Президента Республики Беларусь, 2006.

Красавицы – белорусский стратегический ресурс // СТВ от 08.09.2009 // <http://www.ctv.by/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%V1%81%V1%82%Vo%И8.%Vo%ИФ%V1%80%Vo%Иo%V1%81%Vo%Иo%Vo%И2%Vo%И8%V1%86%V1%8И-%У2%8o%93-%Vo%И1%Vo%И5%Vo%ИИ%Vo%ИУ%V1%8o%V1%83%V1%81%V1%81%Vo%ИФ%Vo%И8%Vo%И9-%V1%81%V1%82%V1%8o%Vo%Иo%V1%82%Vo%И5%Vo%И3%Vo%И8%V1%87%Vo%И5%V1%81%Vo%ИФ%Vo%И8%Vo%И9-%V1%8o%Vo%И5%V1%81%V1%83%V1%8o%V1%81> (дата обращения: 10.10.2013).

Коновальчик Е.А., Смотрицкая Г.Е. Воспитание гендерной культуры учащихся: пособие для педагогов общеобразовательных учреждений. Мн.: Национальный ин-т образования, 2008.

Комментарий к Закону Республики Беларусь «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей» от 29.12.2012. № 7-3 // <http://test0046.belta.by/ru/kommentarij-k-zakonu-respubliki-belarus-o-gosudarstvennyx-posobiyax-semyam,-vospityvayushhim-detej-ot-29-dekabrya-2012-g-7-3> (дата обращения: 10.10.2013).

Леонович Ю. Блондинки всегда в ажуре // Советская Белоруссия. 29.06.2013. № 119 // <http://tv.sb.by/post/149532/> (дата обращения: 10.10.2013).

Лукашенко предостерег студентов, желающих заняться бизнесом, и дал совет белорусским девушкам: рожайте детей, карьера потом // Onliner. 12.11.2012 // <http://dengi.onliner.by/2012/11/12/pr-4/> (дата обращения: 10.10.2013).

Министр труда: При рождении ребенка уповать только на поддержку государства неправильно // БЕЛТА. 06.12.2012 // <http://finance.tut.by/news323934.html> (дата обращения: 10.10.2013).

Рубанова А.В. и др. Минчане в начале XXI века: социально-экономический и психологический портрет. Мн.: Юнипак, 2005 // www.bsu.by/Cache/Page/389473.pdf (дата обращения: 10.10.2013).

Национальное исследование причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь, 2007–2008 // <http://un.by/ru/unfra/gender-equality/resource-centre/results-of-researches/r-03.html> (дата обращения: 10.10.2013).

Нужно создать условия для того, чтобы семья имела возможность воспитать двоих и более детей – Грушник // БЕЛТА. 17.11.2011 // http://www.belta.by/ru/all_news/society/Nuzhno-sozdat-uslovija-dlja-togo-chtoby-senja-imela-vozmozhnost-vospitat-dvoix-i-boleedetej---Grushnik_i_581867.html (дата обращения: 10.10.2013).

Официально: Около миллиона женщин в Беларуси подвергались семейному насилию // БЕЛТА. 15.04.2013 // <http://news.tut.by/society/344019.html> (дата обращения: 10.10.2013).

ООН. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18.12.1979 // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 10.10.2013).

Ольга – королева красоты! // Советская Белоруссия. 25.09.2004. № 182 // <http://www.sb.by/post/39058/> (дата обращения: 10.10.2013).

Отчет национального исследования причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь / ЮНИСЕФ. Мн., 2009. С. 36.

Политика гендерного равенства в Беларуси. Официальный сайт Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) в Беларуси // <http://un.by/ru/unfpa/gender-equality/state-policy> (дата обращения: 10.10.2013).

Рамочная программа ООН по оказанию помощи Беларуси в целях развития на 2011–2015 годы // БЕЛТА. 21.10.2010 // http://www.belta.by/ru/all_news/economics/Ramochnaja-programma-OON-po-okazaniju-pomoschi-Belarusi-v-tseljax-razvitiya-na-2011-2015-gody-podpisana-v-Minske_i_528562.html (дата обращения: 10.10.2013)

Руководитель социального отдела Минской епархии: «Гендерное неравенство это результат грехопадения» 23.07.2012 // Официальный портал Белорусской Православной Церкви // <http://www.church.by/resource/Diro301/Diro302/2012/Page4515.html> (дата обращения: 10.10.2013).

Синюк Е. Жен, которые «пилят» мужей, будут ставить на учет в милицию? // TUT.BY. 07.11.2012 // <http://news.tut.by/society/319336.html> (дата обращения: 10.10.2013).

Старовойтов И.Г. Реализация гендерной политики в РБ: доклад на международной конференции «Права женщин и сбалансированная политика в области семьи, занятости и гендерного равенства: реальность и перспективы». 02.12.2010 // Гендерный маршрут // http://gender-route.org/articles/sex_gender_practice/realizaciya_gendernoj_politiki_v_rb/ (дата обращения: 10.10.2013).

Суть демократии по Лукашенко: выйти замуж и «гарантированно и спокойно родить детей» // TUT.BY. 01.10.2010 // <http://news.tut.by/politics/199036.html> (дата обращения: 10.10.2013).

Усманова А. Женщина как нация как товар, или культурная логика капитализма по-белорусски // Глобализация и гендерные отношения: вызовы для постсоветских стран. М.; Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. С. 72–101.

Чубрик А., Шиманович Г., Зарецкий А. Среднесрочные перспективы экономики Беларуси после кризиса платежного баланса. Рабочий материал Исследовательского центра ИПМ WP/12/03. Минск: Исследовательский центр ИПМ, 2012.

Aidukaite I. Reforming Family Policy in the Baltic States: The Views of the Elites // Communist and Post-Communist Studies. 2005. Vol. 6 (39). P. 1–23.

Ashworth G. Model Actions to Strengthen National Women's Machinery: paper written for the Common wealth Secretariat. London, 1994. P. 5.

Cerami A., Vanhuysse P. Post-Communist Welfare Pathways: Theorizing Social Policy Transformations in Central and Eastern Europe. Great Britain: Palgrave, 2009.

Kabeer N. Gender Equality and Women's Empowerment: a Critical Analysis of the Third Millennium Development Goal // Gender and Development. 2005. Vol. 13 (2). Reprinted in Gender and the Millennium Development Goals. Oxfam Focus on Gender, OXFAM, Oxford // <http://nailakabeer.com/gender-equality-and-womens-empowerment-a-critical-analysis-of-the-third-millennium-development-goal-gender-and-development-vol-132-reprinted-in-gender-and-the-mille/> (дата обращения: 10.10.2013).

Majr P., Zielonka J. The Enlarged European Union: Diversity and Adaptation. Great Britain: Franc Kass publishers, 2002.

Motiejunaite A., Kravchenko Z. Family Policy, Employment and Gender-role Attitudes: a Comparative Analysis of Russia and Sweden // Journal of European Social Policy. 2008. P. 38–49.

Mukhopadhyay M., Singh N. (eds.) Gender Justice, Citizenship and Development. IDRC; Zubaan; Ottawa; New Delhi, 2007 // <http://web.idrc.ca/openebooks/339-3/http://www.kit.nl/kit/Maitrayee-Mukhopadhyay>.

Pastore F. Verashchagina A. When Does Transition Increase the Gender Wage Gap? // IZADP. 2007. № 2796 // <http://ftp.iza.org/dp2796.pdf>.

Schmidt V.A. Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // Political Science. 2008. Vol. 11. P. 303–326 // <http://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.polisci.11.060606.135342>.

Семейно-демографическая политика в Республике Казахстан: официальный дискурс и повседневные практики

Татьяна Резвушкина

В большинстве посткоммунистических стран политические и экономические трансформации 1990-х гг. в той или иной степени сопровождались возрождением традиционалистских ценностей и серьезными изменениями в официальной идеологии семьи и семейной политике. Казахстан не стал в данном случае исключением. В средствах массовой информации, в политических и академических дискуссиях подчеркивается возрастание социальной значимости традиционных женских ролей – жены и матери, возвращение мужчине экономической ответственности за обеспечение семьи, важная роль «традиционно крепкой» семьи в процессах консолидации и возрождения нации. По сути, постсоветский традиционализм (в его различных вариациях) стал господствующей формой государственной идеологии в переходном обществе. Он находит проявление как в публичном, так и в академическом дискурсе и имеет ряд характеристик.

В рамках данной главы мы сделаем попытку анализа причин формирования неотрадиционалистского дискурса в отношении семейно-демографической политики Казахстана. Для этого будет рассмотрено три вида дискурса – официальный (правительственные программы развития, публичные выступления политиков), академический (статьи, интервью казахстанских демографов, социологов, юристов, экономистов), повседневный (переписка в интернет-блогах). Сопоставляя эти три уровня конструирова-

ния/восприятия реальности, мы попытаемся обосновать возможность использования подхода австралийского социолога Р. Коннелла, который применяет объединительную парадигму в гендерных исследованиях, использует понятие «структура» и «практика», которые он заимствует у Э. Гидденса.

Объединительная парадигма в социологии возникает как попытка преодоления противопоставления объективного (социальной структуры) и субъективного (действий агента). В теории структуриации Э. Гидденса структура и практика связываются следующим образом: человеческая практика всегда предполагает наличие социальной структуры в том смысле, что она неизменно включает в себя социальные правила или ресурсы (Тартаковская 2005). Структура описывается Э. Гидденсом как структурирующие качества, позволяющие «связывать» время и пространство в социальных системах, качества, которые обуславливают существование более или менее одинаковых социальных практик во времени и пространстве и которые придают им «систематическую» форму (Тартаковская 2005).

Применяя объединительную парадигму, Р. Коннелл предлагает описать структуру, выяснить, чем она является в данной ситуации, а затем изучить, как структура ограничивает свободное осуществление практики. Практика в этом смысле представляет собой трансформацию конкретной ситуации в определенном направлении в соответствии или вопреки структуре. Вышеупомянутые структурные модели являются главными элементами любого гендерного порядка или гендерного режима. Коннелл вводит понятие «гендерного порядка», понимаемого как совокупность повседневных практик и структурных условий, организующих взаимодействие полов на разных уровнях общества (Тартаковская 2005): на институциональном (социальные институты, регулирующие поведение полов), идеологическом (гендерные идеологии и дискурсы, гендерные нормы поведения), символическом (представления о мужественности и женственности), повседневном (гендерные идентичности). Таким образом, используя подход Р. Коннелла, мы проанализируем, каким образом объективно заданные структуры в виде господствующего дискурса, действий государственных институтов влияют на повседневные практики индивидов в области семьи, брака, репродукции.

Глава состоит из двух разделов, первый посвящен описанию текущей социально-демографической ситуации в Казахстане. Это необходимо для того, чтобы познакомить читателя с динамикой изменений, затронувших социально-демографическую сферу казахстанского общества после распада СССР и социально-политических реформ 1990-х гг. Данные об этническом и гендерном составе населения, о рождаемости и смертности, продолжительности жизни ос-

нованы как на официальных отчетах (Агентство статистики Республики Казахстан, итоги переписи населения 2009 г.), так и на докладах неправительственных и общественных организаций (ПРООН), которые зачастую расходятся между собой в данных о социально-демографической ситуации в республике. Второй раздел посвящен анализу официальной риторики представителей политического и академического сообщества (правительственные программы, выступления политических деятелей, мнения казахстанских демографов), в которой мы увидим неотрадиционалистский дискурс, отличающийся от обсуждений в интернет-блогах и на форумах.

В качестве материалов исследования выступили программные правительственные документы, официальные статистические данные, связанные с демографической политикой, принятые и опубликованные в период с 2009 по 2011 г. К вторичным материалам относятся тексты выступлений Президента Казахстана Н.А. Назарбаева, интервью демографов и представителей власти, а также истории, опубликованные в тематических интернет-блогах и на форумах.

Социально-демографическая ситуация в Республике Казахстан с 1991 по 2011 гг.

Казахстан – одна из самых малонаселенных стран мира. Численность населения республики по состоянию на 1 января 2011 г. составляла 16 442 млн. человек, а на 1 октября 2011 г. – 16 615 млн. человек. При этом 42,5% населения проживает в сельских населенных пунктах, остальные 57,5% – в городах и городских поселках (Итоги 2011). Между тем по величине территории страна занимает девятое место в мире и второе место в СНГ.

Как показывают официальные данные, население республики последние три года увеличивается. Официальная точка зрения: «в Казахстане все спокойно». По мнению же независимых демографов (Алексеевко 2001: 12), республика уже сегодня занимает среднее положение между этапом относительно высокой рождаемости и низкой смертности, с одной стороны, и этапом депопуляции, с другой. На медленные темпы прироста населения влияют три фактора – эмиграция, снижение темпов рождаемости и прогнозируемое уменьшение продолжительности жизни.

В первые годы суверенитета из Казахстана выехало от 1 до 2 млн. граждан. В первую очередь страна пострадала от массовой миграции, а затем – от резкого снижения темпов рождаемости. Лишь в 2002 г. естественный прирост превысил отрицательное сальдо внешней миграции, а с 2004 г. численность населения Казахстана

стала расти за счет обеих составляющих. Так, официальные данные Агентства по статистике Республики Казахстан показывают, что общий прирост населения с 2005 по 2011 гг. составил 84,4%, 142,9 тыс. человек в год. То есть «официально» численность населения республики стала расти, но, как сообщают эксперты в сфере демографии, этот темп прироста населения равен всего 0,6–0,9% в год. Между тем для нормального расширенного воспроизводства населения необходим темп прироста хотя бы в 2,5–3%. К тому же на эти показатели повлияли возросшие темпы миграции населения в Казахстан – порядка 22 тыс. человек в 2010 г., иначе прирост населения был бы ниже.

В Казахстане численность населения имеет ярко выраженную региональную специфику. В южных регионах Казахстана проживает большая часть населения, при этом доля сельского выше, чем городского. В северных и центральных регионах республики проживает наименьшее количество жителей, при этом доля городского населения выше, чем сельского.

Этническая структура населения Казахстана. Помимо региональной специфики в Казахстане присутствует и этническая составляющая, которая определяет состав населения. С обретением независимости в 1991 г. доля не казахского населения Казахстана неуклонно сокращается. Тому есть несколько причин:

- высокая рождаемость среди казахов (естественный прирост составляет более 200 тыс. человек, или 2% в год);
- относительно низкая рождаемость и высокая смертность большинства других этносов;
- эмиграция некоренных этносов из страны на историческую родину;
- ассимиляция казахами части тюркских народов, в результате чего у узбеков при 2,5–2,7% (у уйгур – 2%) естественного прироста в год темп увеличения их абсолютной численности заметно ниже естественного прироста;
- специальная программа репатриаций, по которой в страну ежегодно прибывают десятки тысяч казахов (в последние годы в основном из Узбекистана, Туркмении, Киргизии, Китая и Монголии), всего в сопредельных странах проживает до 4 млн. казахов (т.е. свыше четверти их общего числа). В целом за 30 лет, по прогнозам Правительства, по программе репатриации в страну должны прибыть 5 млн. казахов (Алексеев 2001: 13).

Гендерная структура населения Казахстана. Соотношение мужчин и женщин в Казахстане по итогам последней переписи 2009 г. не изменилось в сравнении с данными переписи 1999 г.: на

тысячу женщин в Казахстане по-прежнему приходится 929 мужчин, перевес женского населения над мужским составляет 51,8%. Численность мужчин по сравнению с предыдущей переписью увеличилась на 496,8 тыс. человек или на 6,9%; численность женщин увеличилась на 531,5 тыс. человек или на 6,8% (Демографический ежегодник 2011). Таким образом, в гендерном аспекте в Казахстане сложилось соотношение с заметным перевесом доли женского населения.

Диспропорция гендерной структуры в республике начинает складываться уже в возрасте 26 лет и старше. В старших возрастах удельный вес женщин значительно опережает долю мужчин: в 65–69 лет – в 1,5 раза, в 75–79 лет – в 2,1 раза, в 85 лет и старше – в 3,6 раза. Такая половая диспропорция сложилась по причине высокой смертности мужчин по сравнению со смертностью женщин.

Продолжительность жизни. Прогноз ожидаемой продолжительности жизни в Казахстане составляет 68,5 лет. Среди основных причин смертности казахстанского населения на первом месте стоят летальные исходы от болезней системы кровообращения, на втором – онкологические заболевания, а третья причина – наиболее управляемая, на которую приходится более 15% всех смертей, – это травмы, отравления и несчастные случаи, в особенности связанные с дорожно-транспортными происшествиями (Демографический ежегодник 2011).

Высокая смертность населения приводит к тому, что значительная часть, как мужчин, так и женщин умирает в молодом или зрелом возрасте. «Расчеты по данным таблиц продолжительности жизни показывают, что из числа 25-летних мужчин не доживает до 50 лет почти каждый пятый, до пенсионного возраста (63 года) – 45%, до 65 лет – половина. Из числа 25-летних женщин не доживает до 50 лет каждая пятнадцатая, до возраста 58 лет – каждая восьмая, до 65 лет – каждая четвертая» (Доклад 2009). Таким образом, огромная масса населения республики умирает в самом расцвете сил, не дожидая до пожилого возраста.

В первой половине 1990-х гг. ожидаемая продолжительность жизни в Казахстане снижалась, а со второй половины 1990-х гг. наблюдается тенденция повышения этого показателя. Вместе с тем сохраняется значительная дифференциация показателя по гендерному признаку, приводящая к проблеме мужской сверхсмертности. Сверхсмертность мужчин в молодом возрасте приводит к тому, что их численность уже с 26-летнего возраста становится меньше численности женщин, следовательно, к моменту вступления в брак ощущается недостаток мужчин. В результате значительная часть

населения в возрасте после 30 лет все еще не находится в браке. Также сверхсмертность мужчин приводит к тому, что из числа 30-летних мужчин не доживает до 50 лет почти каждый пятый. В результате растет число вдов и детей, оставшихся без отца. В свою очередь это приводит к недостатку доходов в семье и сокращающимся возможностям в области получения образования, что увеличивает риск оказаться безработным. В конечном итоге сокращаются возможности развития человеческого потенциала женщин и детей и в других сферах – здоровье, жилищные условия.

Брачное поведение населения Казахстана. В Казахстане браки и разводы претерпели глубокие изменения, что отразилось и на процессах воспроизводства населения в целом. Наблюдается снижение количества заключаемых браков, нуклеаризация, малодетность, рост числа разводов и неполных семей, распространение незарегистрированных браков. В 1990-е гг. стала особенно заметной тенденция к росту уровня никогда не состоявших в браке. В этот период наблюдались следующие тенденции: у мужчин выросли показатели лиц, никогда не состоявших в браке, уменьшился удельный вес состоящих в браке, показатели вдовых и разведенных изменились незначительно. У женщин наблюдались аналогичные тенденции. Значительный рост удельного веса никогда не состоявших в браке женщин оказал влияние на рождаемость, вследствие чего имели место отложенные или внебрачные рождения.

За прошедшее между переписями десятилетие (с 1999 по 2009 гг.) более всего возросли проценты в возрастных группах 20–29 лет, 30–39 лет (период интенсивного деторождения у женщин). Известно, что снижение регистрируемой брачности не обязательно означает снижение брачности вообще, опыт западных стран показывает, что значительная часть официальных браков замещается неоформленными сожительством. В Казахстане также массовое распространение получила такая форма отношений, как незарегистрированный брак. Средний возраст вступления в брак у мужчин и у женщин в Казахстане также постепенно повышается. Практически за десятилетие с 2000 г. произошло увеличение среднего возраста вступления в первый брак и у мужчин, и у женщин почти на три года. Таким образом, происходит смещение брачности к более старшему возрасту.

Разводы. Произошло изменение и в интенсивности разводов. Общие коэффициенты разводимости в Казахстане имели тенденцию к снижению. Анализируя ситуацию по городскому и сельскому населению, следует подчеркнуть: изменения более быстрыми темпами происходят в городской среде. Большая активность в бракосочетаниях отмечается среди городского населения по сравнению с сель-

ским. Общие показатели разводимости составляют по одному разводу на четыре зарегистрированных брака. По данным переписи 2009 г. в Казахстане приходилось 26 разводов на 100 браков. Основная масса разводов в Казахстане по-прежнему приходится на браки длительностью 5–9 лет. Все браки продолжительностью более 10 лет имеют тенденцию к увеличению показателей разводов (Уалиева 2012). Также отметим, что четко прослеживается этнорегиональная дифференциация особенностей браков-разводов (юг-запад и север-восток).

Рождаемость и смертность. На уровень воспроизводства населения в 1990-х гг. повлиял кризис переходных годов на постсоветском пространстве, когда появились ранее не наблюдавшиеся гиперинфляция, масштабная безработица, «падение» систем здравоохранения, социального обеспечения. Теперь последствия кризиса рождаемости этого периода отзовутся ответной волной после 2015 г., когда это малочисленное поколение достигнет репродуктивного возраста.

Согласно официальной риторике, принимаемые Правительством Казахстана меры в области демографического развития в 2001–2009 гг. позволили добиться к настоящему времени роста уровня рождаемости (см. табл.), некоторого сокращения уровня смертности и роста ожидаемой продолжительности жизни населения, перехода от отрицательного к положительному сальдо миграции.

Таблица

Число родившихся в Казахстане на 1 января 2011 г.

Год	Тыс. чел.
2007	296 452
2008	316 508
2009	334 219
2010	310 340
2011	372 544

Действительно, в последние годы в Казахстане детей стало рождаться больше. Но, как объясняют демографы (Алексеевко 2001: 14), произошло это потому, что в начале XXI в. в репродуктивный возраст вступили многочисленные поколения, появившиеся на свет в 1980-е гг. Наиболее перспективная в данном отношении возрастная группа 15–24 года, которая увеличилась в сравнении с 1999 г. на 12,4% или на 325,5 тыс. человек. Таким образом, темпы прироста населения Казахстана сохраняются в ближайшие 10–15 лет за счет поколения «восьмидесятников», пока они не перешагнут 30-летний

рубеж. Демографы предупреждают: нынешнее повышение коэффициентов рождаемости не должно вводить в заблуждение. Скоро мамами и папами станут преимущественно родившиеся в 1990-е гг. И именно в эти годы рождаемость была невысокой. Кроме того, за 10–15 лет постареют те, кому сегодня от 40 до 54 лет, их тоже много в республике (Алексеевко 2001: 14).

При этом следует учитывать этническую составляющую рождаемости в Казахстане. Так, по данным казахстанского демографа Алексея Алексеевко: «Все большее место в этнической структуре занимает восточный компонент – казахи, узбеки, уйгуры и другие... Причем в европейской группе наблюдается намного более активный процесс старения населения. Можно смело утверждать, что решающую роль в развитии этих трендов играют миграционные процессы» (Алексеевко 2001: 15).

Согласно ежегодному докладу ПРООН «О человеческом развитии за 2009 год», в Казахстане самый высокий показатель смертности населения по сравнению с остальными центральноазиатскими республиками. Между тем Казахстан считается экономическим лидером Центральной Азии (Доклад 2009). За прошедшие двадцать лет казахстанская система здравоохранения добилась снижения материнской смертности. Если в 1999 г. на 10 тысяч родившихся приходилось 65,3 смертей, то в 2009 г. этот показатель уменьшился почти в три раза и составил 22,7. Однако коэффициент мертворождаемости за этот же период возрос: в 1999 г. он был равен 8,65 на тысячу всех родившихся, в 2009 г. – 9,17. Причем в городе этот показатель падает, а в сельской местности растет. Главные причины смертности детей все еще остаются в области самой медицины, а именно – в перинатальном периоде, когда медицинский работник ведет наблюдение в предродовой, родовой и послеродовой периоды. Возможно, что одной из причин роста детской смертности является пересмотр Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) критериев живорождений. Но по данным доклада ПРООН «О человеческом развитии за 2009 год», смертность детей до пяти лет на тысячу живорожденных в Казахстане составила 69. Это пятое место в Центральной Азии среди всех пяти республик, которые также провели реформу в системе медицинской статистики и ввели ввозские критерии оценки живорождений (Доклад 2009). Если взять ситуацию в разрезе центральноазиатских государств, самый высокий показатель смертности детей в Таджикистане – 61, в Туркменистане он равен 45, в Кыргызстане – 37, в Узбекистане – 36. Таким образом, показатели младенческой смертности в Казахстане являются одними из самых высоких в Центральной Азии. Даже в Таджикистане, перенесшем

гражданскую войну, показатели смертности ниже, чем в Казахстане. К тому же эта республика не может похвастаться природными богатствами, высоким ВВП, в отличие от Казахстана (Доклад 2009).

Аборты. Аборт по-прежнему остается основным средством регулирования рождаемости в Казахстане. При этом государством декларируется политика в области здравоохранения с особым вниманием к вопросам репродуктивного здоровья. Исполнительная власть разработала множество программ и законов, целью которых является увеличение населения страны до 20 млн. в 2015 г. Помимо демографической программы по увеличению численности населения в республике в области охраны здоровья принято два закона, защищающих репродуктивные права и здоровье граждан – «Об охране здоровья граждан в Республике Казахстан» (№ 170-3 от 07.07.2006) и «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их осуществления» (№ 565 от 16.06.2004). Но наличие нормативных актов не дает в реальности действенных механизмов по защите здоровья и интересов населения. Более того, некоторые статьи законов являются гендерно-дискриминационными, а иногда и противоречат друг другу. Например, согласно Закону «Об охране здоровья граждан в Республике Казахстан», только женщине предоставляется право самой решать вопрос о материнстве (ст. 54, п. 1), а по Кодексу «О браке и семье» (№ 518-IV от 26.12.2011) следует, что вопросы материнства и отцовства решаются супругами совместно (ст. 29). Абсолютно не регламентированным законодательно остается вопрос о репродуктивных правах подростков. Согласно закону о репродуктивных правах, родители или опекуны должны давать согласие только на аборт (ст. 21, п. 3) (Закон 2004). В Казахстане до сих пор нет программ, обучающих курсов, факультативов по вопросам сексуального и репродуктивного здоровья для школьников.

При этом во всех официальных документах прописано, что в республике действуют кабинеты планирования семьи в каждой городской и районной больнице, и что это дает возможность женщинам и мужчинам получить анонимную бесплатную консультативную помощь по методам контрацепции с учетом физиологических особенностей обратившихся. Но вот насколько они пользуются «спросом» у населения, какова частота обращений в эти кабинеты – информации нет.

Ситуация в сельской местности намного сложнее. Информация о контрацепции не распространяется на должном уровне, поэтому аборт в сельской местности является основным средством регулирования рождаемости. Сельские гинекологи предлагают в качестве альтернативы аборта ставить внутриматочные спирали, так как на

этот вид контрацепции затрачивается минимальное количество денежных средств. Однако, как известно, внутриматочная спираль имеет ряд противопоказаний, в том числе и бесплодие.

С определенной вероятностью можно заключить, что ни владение соответствующей информацией, ни доступность контрацепции и других средств регулирования не определяют репродуктивные установки однозначно. Решающее значение здесь приобретает личностный репродуктивный опыт. Можно говорить о наличии внутреннего конфликта ценностных установок репродуктивного поведения. Этот конфликт означает, что для женщины фактически оказываются нежелательными оба выбора – прервать неожиданную беременность или родить ребенка; воспользоваться методами предотвращения беременности или положиться на волю случая. То же самое и об отношении к контрацепции и аборту. В каждом конкретном случае репродуктивное поведение женщины оказывается связанным с конкретными обстоятельствами, которые для нее оказываются более значимыми, нежели абстрактные принципы права, половой морали и гендерные стереотипы.

Далее в главе будет рассмотрено, какие меры предпринимаются государственными структурами для изменения сложившейся ситуации и решения вышеозначенных проблем, как официальные структуры конструируют ситуацию «в Казахстане все спокойно», как реагирует академический дискурс на явное принуждение оправдывать благополучную социально-демографическую ситуацию и как реализуются повседневные практики рядовых граждан Казахстана в сфере репродукции и демографии.

Семейно-демографическая политика Казахстана: официальные мифы и повседневная реальность

Президент Казахстана Н.А. Назарбаев в своем ежегодном послании народу Казахстана в 2011 г. поставил задачу «...активно стремится к вхождению в 50 наиболее конкурентоспособных стран мира» (Стратегический план 2010). При этом если рассматривать эту задачу в контексте семейно-демографической политики, то экспертам известно, что именно эти страны озабочены низкими темпами рождаемости и соответственно высокими темпами старения населения. Исследователи лишь констатируют, что в таких государствах граждане нацелены на малодетные семьи, женщины в развитых странах откладывают рождение ребенка – первого, второго, третьего – на более поздний срок, потому что занимаются карьерой и самораз-

витиём. И вряд ли Казахстану на пути к постиндустриальному обществу уготован иной, особый путь развития.

Как активно влиять на демографические процессы, государство сказать точно не может. Оно формирует разные тактики, то предпринимая активные действия в отношении мигрантов, то неустанно начиная заботиться о здоровье граждан, продлевая им жизнь. Но наиболее популярным методом является написание всевозможных программ развития, в том числе и в сфере демографической политики.

Официальный дискурс

«Программа демографического развития Республики Казахстан на 2001–2005 годы» (далее – Программа) была разработана в соответствии с постановлением Правительства Республики Казахстан от 17 августа 2000 года № 1272 «О Концепции государственной демографической политики Республики Казахстан» и рассчитана на 5 лет. Реализация Программы возложена на Агентство Республики Казахстан по миграции и демографии.

Как указывают авторы Программы: «Разработка настоящей Программы обусловлена необходимостью выработки единой стратегии по осуществлению целенаправленной, последовательной деятельности всех ветвей государственной власти и общества в целом для создания условий количественного и качественного развития народа» (Программа 2000). В Программе определены цели и задачи демографического развития Казахстана, а также намечены основные направления и механизмы их реализации.

Программа нацелена на регулирование основных процессов в естественном и механическом движении населения страны: рождаемости, смертности и миграции путем принятия мер по улучшению состояния репродуктивного здоровья и стимулированию рождаемости, снижению смертности населения, регулированию миграции.

Целью Программы является выработка и реализация комплексных решений для преодоления негативных тенденций в демографических процессах и на этой основе достижение роста численности населения. Основными задачами Программы являлись:

- 1) стабилизация рождаемости и ее рост в долгосрочной перспективе до уровня, обеспечивающего расширенное воспроизводство населения;
- 2) уменьшение смертности, увеличение средней продолжительности жизни населения, улучшение состояния здоровья населения;
- 3) укрепление института семьи;
- 4) сокращение отрицательного сальдо миграции;
- 5) рост качества жизни населения.

Ожидаемые результаты от реализации Программы:

...будет обеспечена основа для дальнейшего увеличения количественного и качественного роста численности населения в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития Казахстана в средне- и долгосрочной перспективе. Предполагается, что общая численность населения Республики Казахстан в 2005 году составит около 15 млн. человек... создание предпосылок для демографического развития в течение 2001–2005 годов должно обеспечить рост численности населения до 16,0 млн. человек к 2010 году и до 20,0 млн. человек к 2030 году за счет увеличения СКР (до 2,5), ожидаемой продолжительности жизни, снижения отрицательного сальдо миграции... рост численности населения до 22 млн. человек в 2030 году (Программа 2000).

Также в Программе были сформулированы и косвенные результаты: 1) снижение уровня аборт и заболеваний, передающихся половым путем, особенно среди подростков; 2) в определенной степени устранение дисбаланса во внутренней миграции и создание основ для рационального размещения населения с учетом его жизненных условий и государственной потребности развития производительных сил, которое будет способствовать повышению уровня жизни населения.

Срок действия Программы закончился, а вместе с ним забылись и беспочвенные обещания государственных чиновников. Пока Казахстану удалось избежать угрозы «демографического креста», когда кривая рождаемости пересекает кривую смертности и численность населения вместо того, чтобы расти, идет на убыль. Но это только пока. Увеличение населения ожидается за счет роста рождаемости, когда в эпоху глобальных перемен возрастает неуверенность в завтрашнем дне, ухудшается экономическая ситуация и как следствие возникает боязнь, что завтра будет еще хуже – все это не способствует стремлению населения обзаводиться потомством.

Министр труда и социальной защиты Казахстана Гульшара Абдыкалыкова разъясняет, что задача концепции добиться увеличения числа и процента семей, имеющих трех и более детей. С ее слов, для этих целей предусматриваются государственные расходы. При этом никто не аргументирует, что мотивация рождения ребенка заключается не только в сумме социального пособия. Детей рожают, как правило, те, кто в данном виде пособия как раз таки и не нуждается. Как отмечает российский социолог Ж. Чернова,

...Семейная политика в России, сведенная к стимулирующим денежным выплатам, размер которых неадекватен реальным тратам семьи на содержание ребенка, но активно подкрепляемая идеологическими кампаниями, пропагандирующими модель многодетной семьи и традиционные модели семейного поведения, оказывается неэффективной для этой группы (молодых взрослых)... в рамках проводимой семейной политики и ситуации на рынке труда широкое распространение модели трехдетной семьи может быть осуществимо, во-первых, путем дальнейшей «профессионализации материнства», когда будут приняты законодательные инициативы об оплате государством труда матери, начиная с третьего ребенка и с фиксацией этой деятельности в трудовой книжке; во-вторых, посредством большей маркетизации социальной заботы о детях, когда родители будут использовать труд нянь для того, чтобы женщина могла вернуться на работу... (Чернова, Шпаковская 2010: 36).

Данные тенденции характерны и для казахстанских граждан, хотя это и требует дополнительного теоретического изучения и эмпирических исследований.

Реализация Программы проблематична также и потому, что по статистике сегодня в Казахстане женщин детородного возраста от 18 до 49 лет – 4 млн. 346 тыс. человек. Простая арифметика: умножаем эту цифру на три и получаем больше 13 миллионов. Минус смертность. И даже если миграционное сальдо будет равно нулю (это разница между въезжающими и покидающими республику) – поставленная задача будет выполнена. Но это далеко от реальности. Реальность же такова: примерно из 17 женщин только одна осмеливается стать матерью раз в году. Кроме того, репродуктивное здоровье казахстанских женщин такое, что не позволит многим решиться на материнство после 40 лет. Индекс здоровья казахстанских женщин детородного возраста составляет 10–20% от нормы. Лишь 11% женщин репродуктивного возраста могут называться здоровыми.

Еще одной проблемой является то, что сегодня в стране 15% браков считаются бесплодными. Более того, по мнению директора центра экстракорпорального оплодотворения Вячеслава Локшина, реально эта цифра значительно выше. Многие по незнанию или в силу воспитания не спешат обращаться к специалистам (Братцев 2011). При этом медицинская помощь при бесплодии не входит в список гарантированных бесплатных государственных услуг. По словам Вячеслава Локшина, экстракорпоральное оплодотворение

(ЭКО) – процедура дорогостоящая и равна среднегодовой заработной плате – более 2000 тыс. долл. (Братцев 2011). Многие семейные пары не в состоянии заплатить подобную сумму. В то же время в большинстве передовых стран бесплодие лечится за счет государства или страховых компаний. Несмотря на наметившиеся благоприятные тенденции, рождаемость из всех демографических процессов, как доказывает мировая практика, менее всего поддается регулированию и прогнозированию.

Отметим, что «рецепты», предлагаемые казахстанцам для решения демографических проблем, были самыми разнообразными. Так, отдельные казахстанские парламентарии несколько раз поднимали вопрос о введении института многоженства в Казахстане, однако не снискали поддержки у большинства депутатского корпуса. Первой идею многоженства выдвинула президент Лиги мусульманских женщин Казахстана Амина-апай Абдукарим-кызы. По ее мнению, многоженство реально может изменить демографическую ситуацию в стране – повысится рождаемость, уменьшится число незаконнорожденных и аборт (Неталиев 2013). Пока что данные идеи не получают широкого распространения среди казахстанских парламентариев, которые понимают, что введение института многоженства ударит по имиджу Казахстана и откинет республику в разряд тех стран, которые расцениваются мировым сообществом как фундаменталистские, с традиционными представлениями о гендерных ролях. Кроме того, данная практика противоречит как основному закону республики – Конституции Казахстана, ратифицированным международным документам (Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и детей), так и введенным в действие на территории страны законам «О браке и семье» и «О гендерном равенстве граждан Республики Казахстан».

Поэтому Казахстану приходится рассчитывать на помощь извне. Необходимо большое количество желающих избрать Казахстан страной постоянного проживания. Впрочем, рассчитывать, что население увеличится только за счет оралманов, нельзя. На сегодняшний день в страну с 1993 г. приехало около 50 тысяч семей оралманов. Даже с учетом, что каждая семья состоит из 7–9 человек, общий прирост весьма незначительный. В общем, вопросов пока больше, чем ответов. Но чиновники не теряют положенного им по статусу оптимизма.

Академический дискурс

Неоднократные публикации, интервью и публичные выступления ученых-демографов в казахстанских СМИ в отношении демографических проблем республики демонстрируют убежденность в

том, что для оздоровления демографической ситуации необходим возврат к традиционной многодетной семье (Уалиева 2011; Татимов 2011). Для чего предлагается активная пропаганда в образовательных учреждениях, в СМИ, материальная поддержка. Так, например, казахстанский демограф Макаш Татимов в своем интервью газете «Караван» предлагает свой рецепт демографического взрыва:

...я, например, настоятельно рекомендую гражданские браки. Мое предложение в первую очередь исходит из демографической ситуации. В нашей стране из-за сверхсмертности мужчин наблюдается перевес женского населения. Да, мальчиков рождается больше, чем девочек. Но примерно к 30 годам они уравниваются друг друга, а дальше начинается мужской дефицит... (Сугирбаева 2009).

При этом ученый настолько одержим идеей улучшить демографическую ситуацию в Казахстане, что сумел существенно повлиять на нее. Так, Татимов в преддверии третьего тысячелетия обратился к банкирам с предложением провести акцию «Реальные деньги – для реальных детей», когда первым двум тысячам младенцев, рожденных в период с 1 по 5 января 2000 г., выделялось по сто тысяч тенге. С тех пор М. Татимова называют отцом казахстанского беби-бума.

На вопрос журналиста газеты: «Кто же будет рожать?» М. Татимов ответил:

Женщины-мусульманки – чеченки, татарки и казашки... Европейская диаспора – русские, немцы, белорусы, украинцы и другие – ориентирована на западный тип демографического поведения, зато другие нации – узбеки, уйгуры, дунгане, таджики, курды, казахи – все еще придерживаются восточного типа демографического поведения, а он предполагает многодетность... (Сугирбаева 2009).

Высказывания характеризуются сексизмом: женщина воспринимается как носитель и исполнитель основной роли – репродуктивной, которая «естественна» и должна быть выполнена в обязательном порядке как гражданский долг, как гражданская обязанность. При этом интересен тот факт, что демограф согласен на то, что будут нарушены традиционные установки в отношении репродуктивного поведения женщин – рождение детей в браке, в определенном возрасте, ради повышения рождаемости в стране. Этот дискурс можно объяснить с позиции теории нации и гендера Н. Ювал-Дэвис, которая пишет: «Национальная мифология оперирует образами мужественности и женственности, которые по преимуществу

соответствуют традиционным гендерным ролям. Например, образ нации как семьи воспроизводит разделение сфер на мужскую публичную и женскую приватную, придавая такому делению дополнительную легитимность» (Ювал-Дэвис 2001).

Рассмотрим, как в официальном дискурсе обсуждается вопрос, связанный с репродуктивным поведением казахстанцев. Для примера возьмем интервью с пресс-секретарем министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан Арсением Дюсеновым, которое он дал начальнику юридического отдела специализированного интернет-сайта «zakon.kz»:

Журналист: Как государство на данный момент осуществляет поддержку молодых матерей-одиночек, поскольку медосмотры у хороших специалистов – дорогое удовольствие, а роды в хороших роддомах порой оцениваются в 700 долларов. Как молодой девушке, от которой отказался отец ее ребенка, выносить и родить здоровое потомство?

Дюсенов А.: Наверное, для любого государства было бы абсурдным стимулировать и поддерживать одинокое материнство. Другое дело, что материнство, рождение детей и детство, конечно же, являются одними из самых приоритетных направлений социальной политики в Казахстане... (Все, что вы хотели спросить 2011).

Представитель государственных органов официально и неприкрыто дискриминирует одну из основных групп женщин, которые, несмотря на провальную демографическую политику государства, по-прежнему «воспроизводят» граждан для этого государства. Официальные структуры не готовы изменить традиционалистские установки и представления в отношении женщин, рожаящих детей вне брака, дифференцированно относиться к новым формам брака, изменить официальную терминологию, но с легкостью воспроизводят устоявшийся стереотип, что семья и детство по-прежнему являются приоритетами социальной политики. Такие тексты и выступления рождают четкое понимание того, что же все-таки является «хорошим» репродуктивным поведением, а что – «плохим».

Причины, по которым казахстанцы не желают обзаводиться потомством, вполне очевидны. Неуверенность в завтрашнем дне, социально-экономическая нестабильность, бедность, безработица, отложенное материнство – эти атрибуты нашего времени уже стали привычными и без тени озабоченности констатируются на государственном уровне. Удивительно как раз желание рожать детей. Кроме

всего прочего, чиновники от здравоохранения абсолютно спокойно сообщают о катастрофическом росте числа абортот. Процесс же вынашивания и собственно появления ребенка на свет превратился в заведомо драматический. По данным Министерства здравоохранения Казахстана, 60% родов протекают с различными осложнениями, доля нормальных родов составляет всего 35%, а в некоторых регионах Казахстана и того ниже – 25. В ряде областей до 90% беременных женщин страдают анемией (Барабанова 2005).

Что же касается государственного материального стимулирования, то оно во многих местах до сих пор остается на бумаге. Как известно, президент страны обязал правительство в начале 2003 г. выплачивать каждой сознательной гражданке, родившей ребенка, единовременное пособие в размере 13 тысяч тенге. Деньги небольшие, но в процессе обеспечения ребенка и они очень пригодились бы. Правительство переложило эту финансовую обязанность на местные исполнительные органы, у которых, однако, по традиционной для нас парадоксальной схеме в бюджете ничего на роды не предусмотрено. Социальные гарантии в демографическом процессе декларируются в официальном дискурсе, но в реальности зачастую отсутствуют. Так, женщине, работающей на частного предпринимателя, в малом и среднем бизнесе не гарантировано пособие по уходу за ребенком так же, как и право на сохранение рабочего места на время беременности. Оформление декретного отпуска также весьма проблематично. Большинство работодателей не рады беременности сотрудницы. Точно также обстоит ситуация с бесплатными родами, когда они официально и демонстративно провозглашены, но, тем не менее, существуют всевозможные мздоимства, так как больницы по-прежнему финансируются по непонятному принципу, не подразумевающему наличия элементарных медицинских препаратов и услуг.

Сегодня в казахстанских СМИ активно обсуждается вопрос и о резком снижении репродуктивных функций у мужчин. По мнению директора «Национального центра проблем формирования здорового образа жизни» Айкана Айжанова, только 25% представителей сильного пола в республике можно назвать здоровыми и способными к зачатию. Да и умирает мужчин, согласно статистике, больше, чем женщин на 26,5% (Захаров 2003). Получается, что правительство и профильные министерства в курсе ситуации, но их стратегии нацелены на формирование некоей общей благожелательной картины, которая слабо соотносится с реальной ситуацией. В такой достаточно сложной ситуации необходимо понимать, что рядовые граждане этого государства формируют собственные стратегии и тактики демографического и репродуктивного поведения.

Повседневные практики

Понимая, что забота государства минимальна и носит формализованный характер, казахстанцы ищут пути и способы адаптации, которые мало соотносятся с существующей государственной политикой. Так, социологические опросы, проводимые Центром изучения общественного мнения (ЦИОМ) г. Алматы с 1990 по 2000 гг. в г. Алматы и Астане, показывают, что в основе репродуктивных предпочтений большинства опрошенных женщин в Казахстане выступает ценность детей, о чем свидетельствует превышение идеального и желаемого числа детей в семьях по сравнению с реальным и ожидаемым (Жусупов, Алимбекова 2003). В то же время реальная репродуктивная практика обнаруживает разрыв между идеальными установками репродуктивного поведения и их реализацией.

В качестве примера рассмотрим историю Елены, найденную на сайте www.babyblog.ru, который посвящен беременности и материнству, на нем размещены дневники беременности и развития детей, календарь беременности, отзывы о товарах, роддомах, а также множество других разделов и сервисов:

Как пройдут роды – очень многое зависит от меня, и только потом от врачей ...государственная поддержка материнства и детства у нас полностью бесплатная. В кабинет – длинная очередь, занимать которую лучше пораньше... при первом же осмотре предложила за деньги подготовить анализ мазка. ...Такого равнодушия к беременным, как на приеме в ЖК (женской консультации), я больше нигде не замечала. УЗИ сделала сама в 12 недель в платном диагностическом центре... (Моя история).

Мы видим, что констатируется отсутствие ориентации казахстанской медицины на пациента, женские консультации характеризуются как «не дружественные» пациентам, т.к. они постоянно переполнены, график работы не соответствует ритму беременной работающей женщины, отсутствует эмоциональная поддержка беременных. Женщины также нацелены на дополнительные расходы с целью своевременной диагностики, несмотря на то, что официально все виды диагностики для беременных женщин бесплатны.

...Может быть, это неправильно, но я игнорировала половину предписаний, которые мне давали в женской консультации. Мне хотелось, чтобы в этот естественный процесс вмешивалось как можно меньше ... таких врачей (Моя история).

Мы видим, что женщины постоянно сомневаются в адекватности диагностики и лечения, которую проводят в женских консультациях и опять выбирают стратегию «самоответственности»:

...В ЖК мне выписывали железо, чтобы поднять гемоглобин. А когда подняли до 130, продолжали назначать в огромных дозах. Когда я спросила, зачем, ответили: государство дает вам препараты бесплатно, вот и нечего выпендриваться, пейте ... Тетенька в ЖК мне выписала свечи. Я купила их, прочитала инструкцию, в которой беременным принимать их не рекомендовалось, и выбросила в урну... (Моя история).

Пациентка оказывается абсолютно подчинена тем рекомендациям и назначениям, что выписывает врач. Никто не проводит разъясняющих бесед, врачи не учитывают индивидуальности процесса протекания беременности, отталкиваясь от каких-то усредненных, общих показателей:

В больницу пока не хочу, рожать мне как первородке долго, а мерить шагами больничную палату совсем не хочется... Дают нечто – переодевайтесь. На схватке не могу понять, что же это такое – кусок застиранной ткани с большой дыркой. Оказывается, рубашка. Мне что-то вкальвают в вену. Кричат, все, не тужься (Моя история).

Пренебрежительное отношение системы здравоохранения к пациентам демонстрируется через такие вещные факторы, как больничная одежда, санитарно-гигиенические условия, эмоциональное насилие в виде окриков и принуждений:

...верхний свет не разрешают выключать, горит всю ночь, уснуть трудно. И персонал! Если в родовом врачи и акушерки очень внимательны, то в послеродовом – ужас. Медсестры советской эпохи... орут друг на друга, хлопают со всей дури дверьми, так что дети один за другим поднимают крик по всему отделению, и устраивают сквозняки в коридорах. На вторые сутки как раз в выходные у нас забился туалет, один на пол-этажа. Его не чистили и не мыли. Детские врачи внимательные, только лишний раз ничего сами не объяснят, пока не спросишь... (Моя история).

Благодаря тому, что в системе ценностей казахстанских женщин по-прежнему сохраняется сверхценность материнства и детства, они нацелены на рождение детей. Главная задача казахстанской жен-

щины, вынашивающей и рожающей ребенка, – суметь противостоять сложившейся системе, особенно в медицинских учреждениях, выносить, родить и сохранить здорового ребенка. Женщины готовы к тому, что их будут неправильно консультировать или лечить в женских консультациях, что с них будут требовать всевозможные выплаты в родильных домах, что врачи будут относиться к тебе как к «мясу», несмотря на формально декларируемые и прописанные государственные гарантии. Конечно, необходимо провести дополнительные исследования, каким образом женщины адаптируются к сложившейся ситуации в казахстанской медицине, какие стратегии и тактики они вырабатывают, но данная задача не входит в рамки данной главы.

ЭКО-услуги в казахстанской медицине. Благодаря современным медицинским технологиям сегодня возможно рождение ребенка с помощью метода экстракорпорального оплодотворения. Данные технологии используются и в казахстанской медицине. Далее мы рассмотрим, насколько доступны такие услуги для казахстанцев. Так, в Казахстане 16 июня 2004 г. был принят Закон «О репродуктивных правах граждан и условиях их осуществления». Закон утвердил право на существование вспомогательных репродуктивных технологий. В Казахстане в 1995 г. на базе Алматинского городского Центра репродукции человека была создана первая лаборатория экстракорпорального оплодотворения. Первого «ребенка из пробирки» в Казахстане специалисты получили уже через год после создания – в 1996 г.

Официальный дискурс. В газете «Казахстанская правда» директор Центра «ЭКО», доцент, кандидат медицинских наук, В.Н. Локшин рассказывает:

До 1995 года, то есть еще 10 лет назад казахстанская медицина при многих формах бесплодия была бессильна. Впервые в истории Казахстана был создан центр экстракорпорального оплодотворения – «ЭКО», это было в 1995 году. Уже в следующем, 1996 году, в Казахстане родился первый ребенок, зачатый в пробирке. За 10 лет работы центра лечение бесплодия с помощью вспомогательных репродуктивных технологий прошли более 2500 супружеских пар... Более 500 здоровых детей родились вследствие успешной работы специалистов Центра... Успех нашей работы во многом зависит от взаимопонимания между врачом и пациентами. Очень важно правильное восприятие современных технологий, которые позволяют преодолеть бесплодие. Всего за эти годы в республике родилось пять тысяч детей

«из пробирки». Успех ЭКО-программ достиг 45%, что является очень высоким показателем. Радует и тот факт, что государство с нынешнего года выделяет средства на программы ЭКО. Если за текущий год 100 бесплодных пар получили возможность бесплатного проведения ЭКО, то на следующий год запланировано около 400 бесплатных квот (Абель 2005).

Повседневные практики. Какую оценку дают казахстанской ЭКО-программе ее непосредственные потребители – женщины? Сошлемся на случай, рассказанный в тематическом интернет-блоге www.probirka.kz, который посвящен ЭКО-клиникам, лабораториям, отзывам и рекомендациям блогеров, на нем размещена информация об ЭКО-квотах, анализах и методах диагностики. В частности, будем использовать «случай Наташи», в котором описаны основные и типичные трудности казахстанского ЭКО. Первое, на что обращает внимание Наташа, – это то, что коммерциализация медицинских услуг, которая произошла в Казахстане, к сожалению, не гарантирует качества данных услуг:

...начала я свои скитания естественно с Астаны. Думала столица, республиканский уровень и все такое. В итоге две попытки в Астане за бешеные деньги – безрезультатно.

Из рассказа можно увидеть проблему профессиональной и эмоциональной отчужденности врачей, которые не рассматривают пациентов как людей, для которых реализация своих репродуктивных возможностей является не просто медицинским случаем, но и крайне эмоционально окрашенным процессом, требующим дополнительных эмоциональных затрат со стороны врачей:

...после очередной неудачной попытки мне даже не посчитали нужным объяснить в чем причина отрицательного результата... на все мои вопросы мне ответили: «БЫВАЕТ...».

Женщина начала самостоятельно искать способы решения своих репродуктивных проблем, привлекая для этого социальные сети, в частности соседку, которая выступила в качестве эксперта в отношении качества медицинских услуг в клинике доктора Т. Именно такая система «своих докторов» работает наиболее эффективно. Эта система может быть рассмотрена как альтернатива официальным источникам информации:

...я обратилась в клинику доктора Т., в ту самую, в которой моя соседка у маммолога лечилась от мастопатии, она мне сказала, что врачи очень внимательные и дотошные.

Наташа фиксирует внимательность лечащего врача и неоднократные разговоры по поводу ее ситуации, что убеждает ее в компетентности врача. Именно это, по ее мнению, привело к положительному разрешению проблемы, связанной с зачатием ребенка:

...Мы разговорились, я рассказала обо всем, что со мной произошло. Мы все обсудили ... я пришла на прием к врачу счастливая, довольная. Опять между нами состоялась беседа... во мне снова проснулась вера в докторов, и я уже горела желанием продолжить лечение бесплодия! (Форум 2011).

Данная ситуация демонстрирует различия в официально декларируемых документах и той жизненной стратегии женщины, которая желает и имеет право стать получателем ЭКО-услуг. Несмотря на существование закона о репродуктивных правах и гарантиях их осуществления, несмотря на государственное финансирование ЭКО-программы, на декларируемый большой практический опыт ЭКО-клиник, мы видим, что актер действует абсолютно самостоятельно, зачастую вслепую, руководствуется советами соседок и собственной интуицией. Что и позволяет ей добиться желаемого результата.

Выводы

Рассмотрев три дискурса – официальный, академический и повседневный в отношении семьи, демографической политики, рождаемости и репродуктивности, можно констатировать существование нескольких проблемных полей. Официальный и академический дискурсы формируют, поддерживают и корректируют друг друга. Они четко маркируют границы между «Мы» и «Они», продуцируя отношения неравенства и контроля. Эти два дискурса не существуют независимо друг от друга, а напротив, тесно переплетены. И мужчины, и женщины подвергаются специфическому давлению со стороны официальных стратегий и программ, мнений экспертов, перед ними ставятся разные «государственные задачи». Особенно это заметно в отношении женщин, которые подвергаются «множественной нагрузке» и как гражданки, и как женщины, и как жены, и как матери.

Официальный и академический дискурсы не обсуждают вопрос особенностей, специфики тех или иных социально-демографических групп, гендеров, возрастов, этничностей, которые имеют свои собственные стратегии и тактики адаптации к сложившимся социально-экономическим условиям. В официальных документах подразумевается, что есть некие «нормативные» женщины и мужчины, «нормативные» семьи. Ключевой темой для официального и акаде-

мического дискурсов, как правило, являются те условия, при которых социально-демографическая группа может претендовать на тот или иной статус, социальную льготу, социальное пособие. Однако различиям мужчин и женщин уделяется не много внимания. Сохраняется абсолютизация семьи как одной из высших социальных ценностей, идеализация этого социального института как на официальном уровне, так и на повседневном. Семья приобретает статус морального абсолюта: все, что исходит от семьи, по определению является позитивным. Кризис семьи как социального института (снижение рождаемости и уменьшение количества заключаемых браков, рост числа разводов, распространение неполных семей и внебрачных форм сожительства) рассматривается с этой точки зрения как кризис общества. Возврат к семейным ценностям, семейному укладу, семейному воспитанию, семейному производству видится поэтому как основной путь решения проблем переходного общества.

Официальный и академический дискурсы сводят семью к репродуктивной функции, к задачам деторождения и социализации детей. Отношения супругов рассматриваются как производная от их функции родительства, семья без детей демографами даже не рассматривается как семья. Естественно, что получившая широкое распространение малодетная (и в особенности однодетная) семья оценивается как крайне негативное явление. В качестве социального идеала официальный дискурс подразумевает только один тип семьи: с двумя родителями и как минимум двумя-тремя детьми. Альтернативные формы семьи, брака им решительно отвергаются. Показательной является позиция официального и академического дискурсов в отношении семейной политики, которая определяется коллективными интересами семьи как недифференцируемой общности. Соответственно, отношение к проблеме репродуктивных прав колеблется от равнодушного к резко враждебному. При этом игнорируются разнообразие типов и моделей семьи, а также существование противоречивых интересов внутри нее.

Конечно, эти два дискурса не представляют собой монолитного единства мнений и суждений. Есть их крайние формы проявления, когда, например, предлагается разрешение многоженства, запрет на аборт, силовые методы регулирования рождаемости. Более умеренные представители рассматривают семью как важнейший институт, обеспечивающий социализацию индивида, семье отводится скорее вспомогательная функция, предлагается сохранение традиционного разделения гендерных ролей.

Что касается повседневных стратегий и тактик акторов в репродуктивном и семейно-брачном поведении, то можно сделать следу-

ющие выводы. У акторов существует изначальная готовность оказывать сопротивление официальным органам (загсам, социальным службам, поликлиникам, репродуктивным центрам) в силу понимания, что «твоя ситуация» может не вписываться в установленные официальные рамки. Казахская медицина не нацелена на пациента, женские консультации характеризуются как «недружественные» женщинам, бюрократизированные структуры, где отсутствует и квалифицированная помощь, и эмоциональная поддержка. Одной из стратегий выхода из сложившейся ситуации является формирование социальной сети акторов, «включенных» в те или иные семейные, репродуктивные, демографические проблемы, которые конструируют собственные рейтинги, репутации, рецепты решения проблем – соседи, родственники, друзья. Несмотря на сложившуюся ситуацию, казахские женщины по-прежнему высоко оценивают статус материнства. Главная их задача – суметь успешно противостоять сложившейся системе, особенно в медицинских учреждениях.

Р. Коннелл отмечает: «Конечно, у агента социального действия есть определенная степень свободы, и вместе с тем он ограничен существующими социальными структурами. Сложившаяся система не является абсолютно заданной, жесткой структурой, тем не менее она обладает достаточной устойчивостью и ригидностью» (цит. по: Тартаковская 2005: 115). Таким образом, формируются асимметричные отношения между официальными структурами и повседневной реальностью. Поскольку демографический кризис официально признается и артикулируется, государственные акторы нацелены на то, чтобы с помощью государственной политики влиять на индивидуальное поведение в сфере репродукции. Эта тенденция находит свое выражение в официальном дискурсе. При этом граждане государства действуют вопреки официальной риторике. Они принимают решения и реализуют репродуктивные права, основываясь на своих собственных предпочтениях и аргументах, которые, в свою очередь, им могут подсказать, посоветовать родственники, соседи, друзья. В такой ситуации действия граждан направлены на частичное соблюдение правил и процедур, утвержденных официальными структурами с максимальной осторожностью в связи с возможными неблагоприятными последствиями для собственной жизни или жизни своих детей.

Список источников

Абель Е. Хотите ляльку? // *Gazeta.kz*. 1.06.2005 // <http://articles.gazeta.kz/art.asp?aid=60278> (дата обращения: 15.12.2013).

Алексеев А. Проблемы демографического развития Казахстана в начале XX в. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях в XX в. Усть-Каменогорск: Изд-во ВКГУ, 2001. С. 102–104.

Братцев И. Плодитесь и размножайтесь // Gazeta.kz. // <http://war.gazeta.kz/article/54970/> (дата обращения: 15.12.2013).

Всё, что вы хотели спросить, но не знали, у кого // Zakon.kz. 13/06/2008 // <http://www.zakon.kz/print:page,1,113795-kak-gosudarstvo-na-dannyjj-moment.html> (дата обращения: 15.01.2014).

Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Здоровье населения Республики Казахстан и деятельность организаций здравоохранения в 2011 г. Астана, 2012.

Национальный отчет о человеческом развитии в Республике Казахстан. 2009 г. От изолированности к равенству: реализация прав инвалидов в Казахстане // http://www.undp.kz/library_of_publications/files/558-74066.pdf (дата обращения: 15.01.2014).

Закон Республики Казахстан «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их осуществления» № 565 от 16.06.2004 // http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z040000565_ (дата обращения: 15.01.2014).

Захаров И. Люди ночами НЕ делают новых людей // Gazeta.kz. 8.05.2003 // <http://www.materick.ru/index.php?section=analitics&bulid=48&bulsectionid=3859> (дата обращения: 15.12.2013).

Жусупов Б.С., Алимбекова Г.Т. Медицинское обслуживание населения Казахстана: реальность и оценки. 2003. сент. // ЦИОМ // http://ciom.kz/assets/files/Nashi%20publikacii/Med_obsluzhivanie.pdf (дата обращения: 10.10.2013).

Моя история для тех, кто мечтает о легких родах, или роды в Астане // Rodi.ru // <http://www.rodi.ru/birth-stories-cis/rodi-astana.html> (дата обращения: 15.01.2014).

Неталиев Т. Если бы я был Ельсултан... // Экспресс-К. 20.11.2013 // <http://www.nomad.su/?a=8-200411220007> (дата обращения: 15.01.2014).

Барабанова К. Роды без стимула // Наша газета. 14.05.2005 // <http://www.ng.kz/gazeta/148/online/001.shtml> (дата обращения: 15.01.2014).

Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года. Аналитический отчет // stat.gov.kz/getImg?id=WC16200032737 (дата обращения: 15.01.2014).

Программа демографического развития Республики Казахстан на 2001–2005 годы // http://www.akorda.kz/ru/category/gos_programmi_razvitiya (дата обращения: 10.10.2013).

Стратегический план развития Республики Казахстан до 2020 года // http://www.akorda.kz/ru/category/gos_programmi_razvitiya (дата обращения: 10.10.2013).

Сугирбаева М. Женитесь и размножайтесь // Караван. 21.08.2009 // <http://www.caravan.kz/article/13755> (дата обращения: 10.10.2013).

Тартаковская И.Н. Гендерная социология. М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский Простор», 2005.

Татимов М. Глобализация демографии. Алматы: Галым, 2011.

Уалиева С.К. Семейно-брачные отношения населения Казахстана на рубеже веков: историко-демографический аспект. Усть-Каменогорск: Либриус, 2012.

Форум «Отзывы о клиниках Эко и врачах». Отзовитесь, кто делал Эко в Астане // <http://www.probirka.org/forum/viewtopic.php?f=32&t=50682> (дата обращения: 15.01.2014).

Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. Политэкономика современного родительства: сетевое сообщество и социальный капитал // Экономическая социология. Т. 12. № 3. С. 34–40.

Ювал-Дэвис Н. Гендер и нация / пер. И. Новиковой. М.: Елра, 2001.

Модернизация государственной семейной политики в современной России: (экстра)ординарный поворот к пронатализму

Анна Гнедаш

В главе речь пойдет о том, как российская государственная семейная политика в течение 2000-х гг. стала напрямую связана с демографической политикой, вследствие чего ее главная задача – увеличение рождаемости. Государственную семейную политику мы определяем как совокупность государственных программ, мероприятий, законов, ориентированных на семью. Поскольку семья – центральный институт, то все, что делает политическая система, оказывая влияние на семью, потенциально может относиться к сфере семейной политики. Для доказательства тезиса о пронаталистском повороте государственной семейной политики в современной России мы начнем с обзора семейной политики развитых стран в XX в. (чтобы выделить сходство современной российской семейной политики с семейной политикой в европейских странах в 1930-е гг.), далее определим результаты советской государственной политики в отношении семьи и обозначим платформу государственной политики в отношении семьи в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Векторы поворота семейной политики в сторону пронатализма четко прослеживаются в государственных нормативно-правовых актах на федеральном и региональном уровнях, введении «новой» идеологии семейной политики, что будет подробно проанализировано в основной части текста. Также мы рассмотрим, как реализация пронаталистской государственной семейной политики способствует созда-

нию нового феномена в online-пространстве – «ответственного родительства». В конце главы будут выделены отрицательные эффекты пронаталистской модернизации государственной семейной политики в современной России.

Развитие семейной политики в развитых странах Европы в XX в.

Одна из ведущих французских исследовательниц семейной политики в Европе Анна Готье отмечала, что в первой половине XX в. цель государственной политики развитых стран в отношении семьи сводилась только к финансовой поддержке малообеспеченных семей с детьми (Gauthier 1996). В ситуации снижения рождаемости в Европе в первой половине XX в. демографический кризис стал восприниматься как социальная проблема, требующая вмешательства государства – начали разрабатываться программы улучшения материального положения семей с целью стимулирования рождаемости. Данный тип семейной политики позднее был определен как подтип демографической политики, не учитывающий особенности экономических издержек, связанных с рождением и воспитанием детей, вопросов занятости и трудоустройства родителей.

С конца 1960-х гг. семейная политика в развитых странах стала формироваться как комплекс мер, осуществляемых государством в отношении семьи и граждан с семейными обязанностями в контексте развития государств всеобщего благосостояния. Так, европейские власти стали рассматривать проблему рождаемости в контексте семьи, социальной поддержки граждан, занятости, обеспечения благосостояния, жизнедеятельности семьи (Чернова 2008: 8).

Современная семейная политика развитых стран Европы представляет собой комплекс мер, направленных на поддержку семей, имеющих детей или ориентированных на деторождение, и граждан пожилого возраста посредством улучшения их благосостояния, обеспечения достойного уровня жизни с помощью трудоустройства и социальной защиты граждан (Urgent problems of Europe 2009: 6–10). Комплекс семейной политики в Европе включает три направления (Европейский союз 2007):

- компенсация прямых и косвенных расходов, которые несут семьи;
- помощь родителям в форме услуг, облегчающих получение их детьми образования, заботу о малолетних детях, присмотр за старшими детьми и обслуживание иждивенцев в стареющем обществе;
- обеспечение членов семей занятостью, а также их доступа к услугам на местном уровне.

Истоки российской государственной семейной политики: наследие СССР и реформы 1990-х гг.

Современная семейная политика России возникла как реакция, с одной стороны, на падение качества человеческого капитала, а с другой – на резкий спад рождаемости, рост детской преступности и беспризорности, а также на проводившуюся в советские годы политику по улучшению положения женщин с целью обеспечения их равноправия с мужчинами (Гнедаш 2010: 79–88). Напомним, что социальная политика советского времени привела, во-первых, к формированию гендерного контракта «работающая мать», который государство как бы заключало с работающей женщиной, обещая ей материнские «привилегии и льготы» в обмен на необходимость совмещать профессиональную деятельность с выполнением домашних обязанностей и воспитанием детей (Здравомыслова, Темкина 1999), а во-вторых, к депривации мужчины, его выталкиванию из семьи. Его роль пыталось взять на себя государство, используя для этого институты социальной политики и общественные бытовые учреждения (Айвазова 1998: 74).

С.В. Захаров выделяет следующие исторические этапы политики в отношении семьи и рождаемости в период дореволюционной, советской и постсоветской России вплоть до 2006 г. (Захаров 2010):

- Российская империя – традиционализм в отношении семьи («рождаемость от бога», вмешательство государства не требуется);
- 1917–1933 гг. – либеральная политика в отношении семьи и брачных отношений, нейтральная в отношении рождаемости;
- 1934–1954 гг. – возврат к традиционализму, рестриктивная по отношению к плюрализму семейных отношений, открытый пронатализм;
- 1956–1980 гг. – пошаговая либерализация семейных отношений, скрытый пронатализм;
- 1981–1990 гг. – попытка перехода к научно обоснованной семейной политике, открытый пронатализм;
- 1991–2006 гг. – либеральная политика в отношении семьи и рождаемости.

Отметим, что в советское время государственная политика в отношении семьи была крайне политизирована и противоречива; материнство понималось как важная социальная и государственная функция женщин; государство брало на себя основную долю ответственности за воспитание, образование, охрану здоровья детей; меры государственной поддержки были адресованы только работающей матери, а не семье в целом (Семенков 2009).

Модернизация российской государственной семейной политики в 2006–2013 гг.

Данный период можно назвать поворотным в истории государственной семейной политики России, причем данный «поворот» имеет четкий курс на пронатализм¹, который прослеживается в ряде государственных документов и заявлений представителей политико-административной элиты России:

- Послание Президента В.В. Путина (от 10 мая 2006 г.);
- Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г.;
  - создание специального Совета при Президенте по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики (впоследствии преобразован в комиссию);
  - принятие целого ряда нормативных актов, направленных на повышение уровня жизни российских семей;
  - Послание Президента Д.А. Медведева (от 30 ноября 2010 г.);
  - антиабортная государственная кампания 2011 г.;
  - кампания по принятию Федерального закона № 436-ФЗ от 29 декабря 2010 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (изменения в данный закон, связанные с ограничением доступа несовершеннолетних к противоправной информации в сети Интернет в 2012 г., Федеральный закон № 139-ФЗ);
  - эпизодические инициативы субъектов РФ по принятию законодательных запретов на «пропаганду гомосексуализма» среди несовершеннолетних в 2011–2013 гг.², кампания по принятию ряда поправок в КоАП и Федеральный закон «О защите детей» по вопросу «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» среди несовершеннолетних в 2013 г. на федеральном уровне;
  - Концепция государственной семейной политики РФ на период до 2025 г. (общественный проект), подготовленная рабочей группой Координационного совета под руководством председателя комитета Госдумы по делам семьи, женщин и детей Елены Мизулиной, закрепляющая семью как «союз мужчины и жен-

---

¹ Пронатализм – политика поощрения роста рождаемости в обществе.

² По состоянию на июнь 2013 г. данный закон принят в таких субъектах РФ, как г. Санкт-Петербург, Архангельская, Костромская, Рязанская, Новосибирская, Магаданская, Самарская, Калининградская и Иркутская области, Краснодарский край, Чукотский автономный округ и республика Башкортостан.

щины... с целью продолжения рода, рождения и совместного воспитания трех и более детей» (Мизулина и др. 2013).

Чем данные документы, структуры и заявления отличаются от предыдущих мер семейной политики России? Во-первых, государство признало кризисное положение семей с детьми и провозгласило поддержку материнства и детства одним из приоритетных направлений современной семейной политики: были пересмотрены размеры некоторых видов материнских и семейных пособий, а также введен комплекс новых мер, предусматривающих усиление социальной поддержки семей, имеющих детей. Во-вторых, российская семейная политика впервые в новейшей истории стала носить открыто пронаталистский характер: ее задачей стало повышение репродуктивной нормы (стимулирование вторых и третьих рождений). В-третьих, вводимые меры материальной поддержки были направлены в первую очередь на то, чтобы изменить «материально зависимое положение женщины» в семье с маленькими детьми и помочь ей достигнуть повышенной репродуктивной нормы; ликвидировать «ее неуверенность в завтрашнем дне в связи со страхами о будущем благополучии ребенка» и др. (Послание Президента Путина 2006). В-четвертых, в президентском послании 2006 г. были изложены причины демографического спада, среди которых на первое место вышел «женский фактор», что активизировало появление публикаций в прессе, во-первых, с такими идеями, как «природное предназначение», «долг женщины перед природой и государством» и т.п., во-вторых, с информацией о том, что «современные женщины хотят делать карьеру, зарабатывать, они забыли свой долг, стали либерально относиться к разводам и незарегистрированным бракам», в-третьих, с прямыми или скрытыми ссылками на то, что современное положение женщин – все это «скорбные плоды многолетней (и, вероятно, бессмысленной?) борьбы за женское равноправие... эмансипационные (псевдо)достижения советского времени» (Розенхольм 2009: 266–282).

Для решения поставленных вопросов был разработан целый комплекс пронаталистских мер поддержки молодых семей и стимулирования рождения второго ребенка (в последующие годы – и третьего), вступивших в силу в 2007 г. Ряд государственных новаций, касающихся именно мер *материальной поддержки материнства и детства* (с 2006 г. по настоящее время), несомненно, носят положительный характер:

- введение родового сертификата;
- расширение числа получателей ежемесячного пособия на ребенка в возрасте до 1,5 лет и повышении его размера;

- предоставление семьям, в которых родился второй ребенок, права на получение материнского (семейного) капитала;
- установление нового вида пособия при передаче ребенка на воспитание в семью;
- компенсационные выплаты родителям за содержание ребенка в дошкольном образовательном учреждении.

Основная проблема реализации предложенных мер – вопросы правоприменения и нарушений трудовых прав работников (беременные женщины не всегда берут декретный отпуск из-за низкого размера пособия и страха лишиться работы; неформальные экономические отношения, распространённые в России исключают работников из схем социального страхования), отсутствие семейной инфраструктуры (катастрофическая нехватка детских дошкольных учреждений), ряд новых законов, сузивших возможности материальной поддержки семей и детей (закон № 343-ФЗ, серьезно сокративший выплаты по больничным и пособиям по уходу за ребенком).

Как пишет Ж. Чернова, регулирование воспроизводства населения через увеличение рождаемости, введение экономических стимулов для мотивации женщин принятия решения о рождении второго и последующих детей, принятие государством на себя обязательств по материальной поддержке женщин-матерей (связанной с количеством детей) – «все это позволяет нам обозначить современную семейную политику России, начавшуюся с 2007 г. как проналистскую, направленную на решение демографических проблем преимущественно через материальные поддержки и стимулирование рождения нескольких детей в семье (двух и более)» (Чернова 2011).

Реализация описанных государственных мер сопровождалась введением «новой» идеологии семейной политики через следующие федеральные и региональные мероприятия: чествование юбилеев семейной жизни публичных людей; семейные праздники, соревнования, конкурсы и акции; торжественные церемонии регистрации четвертых и пятых детей; вручение почетных дипломов родителям трех и более детей и медалей «За заслуги в воспитании детей»; организация и торжественные всероссийские отмечания нового ежегодного православного праздника «День семьи, любви и верности» (интересно, что выбранные исторические персонажи – Петр и Февронья, православные покровители семьи и брака, чей супружеский союз считается образцом христианского брака, были бездетными), ульяновская акция «Роди патриота в День России!», краснодарский конкурс беременных женщин. Данные мероприятия направлены не только на повышение престижа семьи, но и на формирование моде-

ли нормативной семьи – семьи с детьми, исключая при этом из поля зрения государственной семейной политики, политического дискурса и общественного мнения другие формы семьи, такие как монородительские семьи, семьи с детьми-инвалидами, гражданские браки с детьми, вдовье семьи и т.д. Например, в региональном центре Краснодарского края главная площадь долгое время была украшена громадным баннером с изображением родительской пары и пары детей (мальчик и девочка) со слоганом: «Семья бесценна, когда полноценна!» Автором идеи создания и размещения этого баннера было Управление по вопросам семьи и детства муниципального образования г. Краснодар. Этот баннер можно считать иллюстрацией основной идеи современной государственной семейной политики – политики, одобряющей только примерные полноценные семьи.

Принципиальным нововведением Послания Президента Д.А. Медведева (от 30 ноября 2010 г.) стало расставление акцентов семейной политики на стимулировании рождения третьего и последующих детей (Послание Президента Медведева 2010). Именно среднететная модель рождаемости (3–4 ребенка) является минимально необходимой для *расширенного воспроизводства населения*. Меры, предложенные в Послании 2010:

- 1) выделение земельных участков семьям, начиная с третьего ребенка;
- 2) дополнительные налоговые преференции многодетным семьям;
- 3) поддержка просемейной социальной рекламы, популяризирующей позитивный образ трехдетной семьи.

Таким образом, озабоченность власти демографическими проблемами была неоднократно и однозначно продемонстрирована, более того, семейная политика в России все «углубляется» в решение демографических проблем.

В 2013 г. закрепление образа расширенной многодетной патриархальной семьи как нормы в российском обществе было предложено в общественном проекте Концепции государственной семейной политики на период до 2025 г. (подготовлена рабочей группой под руководством председателя комитета Госдумы РФ по делам семьи, женщин и детей Елены Мизулиной в рамках реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.). Предложенная Концепция вызвала широкий резонанс в offline- и online-СМИ и стала предметом дискуссий о «консервативном и религиозном крене» предлагаемых направлений реализации основных задач государственной семейной политики в указанный период (Винокурова, Кузьменкова 2013; Градова 2013; Домчева 2013).

«Ответственное родительство» в online-пространстве современной России: новые гендерные контракты и вызовы государственной семейной политике

Ответной реакцией граждан на проводимую государственную семейную политику становится проблемная мобилизация в «новом измерении» – online-пространстве. Организация и деятельностная активизация online-социальных сетей для решения тех вопросов жизнедеятельности семьи (причем разных типов семей), где государственная политика «пробуксовывает», иллюстрируется множеством успешных примеров.

В Краснодарском крае с 2002 г. на интернет-форуме «kuban.ru» существует сеть «Родительство», где участники обмениваются информацией, связанной с воспитанием детей, решают вопросы, касающиеся благотворительности и материальной помощи нуждающимся семьям и детям (при поддержке offline-структур, например, Краснодарской региональной общественной организации «Вторая мама»). В процессе сетевого взаимодействия родители не только публикуют советы, вопросы, информацию о своих эмоциях и проблемах, связанных с воспитанием детей и взаимодействиями с органами власти, не просто комментируют посты других пользователей сети, в данном процессе происходит артикуляция вопросов и формирование позиции родителей по поводу государственной семейной политики, политическая консолидация граждан для решения тех политико-правовых вопросов, где граждане – участники online-социальной сети чувствуют себя ущемленными (например, процесс получения детских пособий, льгот, алиментов, устройство детей в дошкольные и образовательные учреждения, качество бесплатных медицинских услуг и т.д.).

Высокая результативность деятельности родительских (как совместных, так и сетей отдельно мам, отдельно пап) online-социальных сетей объясняется с одной стороны интерактивностью online-моделей непосредственного взаимодействия пользователей, а с другой – применением неформальных социальных практик и использованием совокупного веса ресурсов всех участников сети для решения вопросов, вызвавших образование данной социальной сети.

Online-тип сетевого взаимодействия привлекателен тем, что женщины любого возраста могут получить в домашних условиях днем и ночью информацию о любой проблеме и подключить к обсуждению пользователей, которые имеют опыт в решении вопросов, актуальных для родителей. Дж. Наспари разделяет формы сетевого взаимодействия на повседневные и стратегические, исходя из данного разделения можно определить, что женские сети решают ско-

рее первые задачи, а мужские – вторые (Nasrany 2002). Многозадачность в режиме online позволяет участницам социальных сетей с успехом «жонглировать» работой, семьей и домохозяйством. Для современных мам «социальная сеть вплетена в их существование изо дня в день» (Where the moms are 2012), что приводит к рождению «цифровых мам», которые подключаются к Интернету по крайней мере раз в день, технически хорошо подкованы и хорошо разбираются в online-социальных медиа и online-социальных сетях, которые помогают им в плотном графике между работой и семейными делами искать то, что позволяет самовыражаться и коммуницировать с теми, кто имеет схожие интересы. «Цифровые мамы» поразному взаимодействуют в online-пространстве: мамы старше 45 лет ищут ответы на свои вопросы/потребности с помощью интернет-форумов; мамы до 35 лет, скорее всего, в своих поисках будут взаимодействовать с online-социальными сетями. С ростом достижений в области online-технологий увеличилось социальное взаимодействие через сети среди матерей, имеющих детей с особыми проблемами со здоровьем, или семей, потерявших детей. «Цифровые мамы» испытывают чувство социальной безопасности, имея на одной или нескольких online-социальных сетях широкий «круг друзей», они также испытывают чувство уверенности, что в сети есть кто-то, кто занят поисками информации или обсуждением проблемы, которые волнуют и их самих, такие мамы не останутся в беде и будут уверены в завтрашнем дне, в том числе и благодаря включенности в online-социальные сети (Гнедаш 2012).

По сути, проводимая государством пронаталистская политика резонирует с online-точками роста новых гендерных контрактов «ответственного родительства».

Отрицательные эффекты пронаталистской модернизации государственной семейной политики в современной России

Исходя из проведенного анализа нормативно-правовых актов, контекстов и направлений пронаталистской модернизации государственной семейной политики мы можем не только наблюдать «лакуны» реализации такой политики, но и выделить отрицательные результаты модернизации государственной семейной политики России.

1. *Идеализация традиционной (многопоколенной и многодетной) семьи в качестве нормативной модели семьи и продуцирование патриархальных гендерных отношений в государственных документах и политических заявлениях.*

В качестве нормативной модели семьи изображается супружеская пара с детьми или без детей, т.е. нуклеарная семья. Все остальные модели семьи рассматриваются как отклоняющиеся от нормы, находящиеся в зоне риска и неспособные исполнять предписанные функции. Таким образом, нынешняя государственная система поддерживает не семью как таковую, а только ее определенную модель, исключая из поля зрения другие типы семьи – особенно семьи с низким доходом, монородительские семьи, гражданские браки. В официальной государственной риторике монородительские семьи называются неблагополучными (Ловцова 2004). Показательно, что в концепциях семейной политики разных регионов РФ кроме «создания клубов самопомощи по семейным проблемам» не запланировано ни одного мероприятия, направленного на поддержку одиноких родителей.

2. Объяснение кризиса семьи негативными процессами, происходящими в самом обществе (например, демографическая катастрофа, «русский крест»), и советской семейной политикой, приведшей к экономической и политической эмансипации женщин.

С одной стороны, как мы писали выше, женщины виноваты в том, что они хотят работать, а не рожать, с другой стороны, именно советская политика «развратила» современных молодых женщин (!) политикой равноправия, легализацией аборт и пропагандой свободной любви. Данная позиция активно формируется в массовом сознании современной общественно-политической и развлекательной прессой и телевидением.

3. Возведение экономических мер материальной поддержки семей в приоритеты семейной политики.

Исследователь В.Е. Семенов иронично иллюстрирует возможности получения семьей материальной поддержки от государства следующими ситуациями: федеральные меры поддержки семей с детьми: утром дети – вечером деньги; региональные меры поддержки семей с детьми: больше детей – больше компенсаций; муниципальные меры поддержки семей с детьми: хотите помощи – деградируйте (Семенов 2009). Выделяемые объекту семейной политики государства (многодетные, одинокие матери, матери детей-инвалидов, беременные, кормящие), с одной стороны, испытывают экономическую депривацию, подходят под нормативную модель традиционной гендерной системы, выполняя функцию материнства, а с другой стороны, благодаря данным мерам поддержки семьи закрепляются в роли «машин воспроизводства патриотов».

4. Сведение всех функций семьи, которые она выполняет в обществе, исключительно к репродукции и, как следствие, усиление

пропаганды многодетности с одной стороны, и призывы к запрету абортот – с другой.

Сокращение показаний к искусственному прерыванию беременности лоббируется Русской православной церковью не один год: в результате Минздрав России в 2008 и 2011 гг. значительно сократил списки медицинских показаний для аборта. Также влияние РПЦ отражается и на законодательной деятельности в области семьи и детства: так называемый законопроект Мизулиной – Драганова «О внесении изменений в Федеральный закон „Об основных гарантиях права ребенка в Российской Федерации в целях усиления гарантий права на жизнь“» (2011 г.), посвященный профилактике абортов в России, соответствует идеологии РПЦ и поддерживался ее официальными представителями. В частности, в законопроекте предлагалось вывести производство абортов из перечня услуг, оплачиваемых из фонда обязательного медицинского страхования, запрещалось производство абортов без согласия мужа замужней женщины или родителей несовершеннолетней (за исключением случаев беременности в результате изнасилования и медицинских показаний к прерыванию беременности), предлагалось выделить «времени на раздумье» в 7 суток, обязательное прохождение «консультации психологов и священнослужителей», «информирование об опасности абортов», «прослушивание сердцебиение плода» и т.д.

Однозначно нужно определить нашу позицию как негативную в отношении абортов (но не права женщины на аборт), однако принятие предложенных поправок в Федеральный закон могло бы привести к увеличению производства подпольных абортов и, соответственно, случаев женского бесплодия и смертности, как это случилось в сталинском СССР, а необходимость наличия для проведения бесплатного аборта без согласия мужа или родителей медицинских показаний либо заявления об изнасиловании способствовало бы увеличению коррупции в медицинских учреждениях и правоохранительных органах.

5. Редукция семейной политики к функциям демографической политики, а ее задач – к стимулированию рождаемости.

На самом высоком уровне вся ответственность за демографическую ситуацию в стране перекладывается целиком на женщину (например, в Послании В.В. Путина Федеральному собранию РФ от 10 мая 2006 г. ни разу не произносились слова «мужчина», «отец», «отцовство» в употребляемом контексте решения демографических проблем и направлений развития семейной политики). «Ваше дело рожать, а более ничего» – так можно охарактеризовать современный государственный наказ женщинам. Недаром Дмитрий

Медведев сформулировал цель проведения «Года семь» и в России в 2008 г. следующим образом: «Наша главная задача – вернуть российской семье тот авторитет, который она имела в начале прошлого века». То есть нас призывают вернуться в эпоху, когда не только аборт, но даже развод если и не был полностью запрещен, то был крайне труден, в эпоху, когда большинство населения ничего не знало о контрацепции и было неграмотным. Данная официальная риторика позволяет делать вывод о патриархальном ренессансе в современной России.

6. Расхождение политической риторики семейной политики и мер, принимаемых государством по реализации данной политики.

Современная семейная политика в России направлена на поддержку такой семьи, которая успешно выполняет функции по рождению и воспитанию детей. Такая постановка вопроса о семье и необходимости ее поддержки демонстрирует стремление сэкономить затраты государства. В рамках отдельного домохозяйства такие факторы, как занятость женщин, семейный доход, его распределение между женой и мужем, образование жены, образование мужа, разнонаправленно влияют на количество и качество детей в семье, но они практически не учитываются государством. Экономическую поддержку семьи, таким образом, можно интерпретировать как средство воспроизводства ригидной модели семьи «добытчик – зависимый». Федеральная трудовая инспекция ежегодно фиксирует случаи нарушения прав работников; беременные женщины не всегда берут декретный отпуск из-за низкого размера пособия и страха лишиться работы; неформальные экономические отношения, распространенные в России, исключают работников из схем социального страхования.

7. Определение женщин в качестве единственного адресата мер семейной политики и исключение мужчин как равноправных родителей и субъектов заботы о ребенке.

Декларируемые приоритеты семейной политики: экономическая поддержка, сочетание семейных и трудовых обязанностей, улучшение системы услуг дошкольного воспитания и здравоохранения — с одной стороны, направлены на достижение «баланса» гендерных ролей и повышение мотивации женщин к деторождению (Ярская-Смирнова 2010); с другой, необходимость совмещать роли жены и матери ограничивает возможности женщин в публичной сфере, в сфере профессиональной реализации, закрепляет за ними более низкий экономический статус по сравнению с мужчинами и делает их «объектами» заботы и поддержки со стороны государства (Чернова 2011).

Таким образом, уже сейчас видно, что эффективность российской политики стимулирования рождаемости в долгосрочной перспективе невысока «из-за недостаточной продуманности и сбалансированности предлагаемых мер и переоценки возможной ответственности денежных инструментов — увеличение финансовых трансфертов в пользу семьи едва ли будет способно принципиальным образом улучшить компенсацию затрат на детей, особенно в условиях быстрого роста спроса на труд, в том числе и женский, а также повышения массовых потребительских стандартов» (Россия 2009). Современная российская семья поддерживается только при наличии детей, причем детей от зачатия до 1,5 лет (пока оплачивается декретный отпуск), затем семья пускается в «свободное плавание». Отсутствие четкого на уровне государства стратегического планирования поддержки семьи на любой стадии роста и развития ребенка, недооценка особенностей вопросов профессиональной реализации молодых мам, отсутствие гибкой политики занятости обоих родителей, сокращение детских дошкольных учреждений, недостаточное акцентирование в семейной политике вопросов гендерного равенства и совмещения профессиональной и семейной жизни, игнорирование многообразия форм организации семейной жизни в современном обществе и различий в репродуктивных стратегиях разных социальных групп, игнорирование необходимости развития программ планирования семьи, образовательных программ в этой области на фоне материального стимулирования рождаемости второго и последующих детей и усилившейся государственной пропаганды традиционной полной семьи с тремя и более детьми — все это в конечном итоге может привести к социальному коллапсу пронаталистской семейной политики.

Список источников

Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1998.

Градова М. Анализ Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года // Суть времени. Виртуальный клуб. 28.05.2013 // <http://eot.su/node/15540> (дата обращения: 15.08.2013).

Гнедаш А.А. «В поисках утраченного субъекта»: фемининные и маскулинные детерминанты субъектности в современной России // ПОЛИС: политические исследования. 2010. № 5. С. 79–88.

Гнедаш А.А. Ресурсы, типы и функции женских online-социальных сетей в публичной политике // Сетевые ресурсы и практики в публичной политике: материалы Всероссийской конференции молодых политологов 8–11 октября 2012. Краснодар: Просвещение ЮГ, 2012. С. 48–53.

Винокурова Е., Кузьменкова О. Должен быть государственный идеал семьи // Газета.ru. 05.06.2013 // http://www.gazeta.ru/politics/2013/06/05_a_5368589.shtml (дата обращения: 15.08.2013).

Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск № 48: апрель – июнь 2007 г. // http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_48 (дата обращения: 15.08.2013).

Захаров С.В. Перспективы рождаемости и семейной политики в России // Социальная политика: вызовы XXI века: 7-я научная юбилейная конференция НИСП, 14–15 декабря 2010 // <http://www.socpol.ru/news/conf2010/Presentations/Zaharov.pdf> (дата обращения: 15.08.2013).

Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. С. 46–65.

Ловцова Н.И. «Здоровая, благополучная семья – опора государства»? Гендерный анализ семейной социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 1 (3/4). С. 323–341.

Мизулина Е.Б. и др. (сост.) Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (общественный проект): в 3 ч. Ч. 1. М., 2013 // <http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/site.xp/050049124053056052.html> (дата обращения: 15.08.2013).

Послание Президента Медведева Д.А. Федеральному собранию Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. // <http://kremlin.ru/news/9637> (дата обращения: 15.08.2013).

Послание Президента Путина В.В. Федеральному собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 г. // http://archive.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372type63374type82634_105546.shtml (дата обращения: 15.08.2013).

Домчева Е. Развод отменяется. Мирить супругов будет государство // RG.ru. 04.07.2013 // <http://www.rg.ru/2013/07/04/semja.html> (дата обращения: 15.08.2013).

Розенхольм А., Савкина И. «Роди патриота – спаси Россию!» (нация и гендер в демографическом дискурсе российских печатных СМИ, комментировавших «демографическое послание» В.В. Путина) // Гендерные исследования. 2009. № 18. С. 266–282.

Россия перед лицом демографических вызовов: доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, 2008. М.: UNDP, 2009.

Семенков В.Е. Правовой аспект эволюции социальной политики Российской Федерации поддержки семей с детьми // CREDO NEW. 2009. № 4 // <http://credonew.ru/content/view/859/61/> (дата обращения: 15.08.2013).

Чернова Ж.В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб.: Норма, 2008.

Чернова Ж.В. Современная российская семейная политика: «пятый нацпроект» // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 2. С. 100–112.

Ярская-Смирнова Е.Р. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики // *Женщина в российском обществе*. 2010. № 2. С. 14–25.

Gauthier A. *The State and The Family. A Comparative Analysis of Family Policies in Industrialized Countries.* Oxford: Clarendon Press, 1996.

Naspary J. *Post-Soviet Chaos: Violence and Dispossession in Kazakhstan.* London; Sterling, Virginia: Pluto Press, 2002.

Online-петиция «Против антиабортного законопроекта», 2011 // <http://www.onlinepetition.ru/pravovybora/petition.html> (дата обращения: 15.08.2013).

Urgent problems of Europe: State Family Policies in European Countries. М.: ИНИОН РАН, 2009. № 2. С. 6–10.

Where the Moms are: Shopping, Blogging, Networking, and Strategizing online, 2012 // http://www.nielsen.com/us/en/press-room/2009/power_moms_may.html (дата обращения: 15.08.2013).

**ОХРАНА ДЕТСТВА КАК
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ:
НОВЫЕ СТРАТЕГИИ
И ФАКТОРЫ РИСКА**

Защита прав детей в Республике Беларусь: инструмент социально-политического контроля

Татьяна Щурко

Случай Беларуси располагает исследовать роль государственной регуляции защиты детей в условиях ограниченного разнообразия акторов и сведенного к минимуму многообразия подходов к защите детей. После распада СССР и обретения суверенитета Беларусь стала развивать национальную политику в отношении защиты детства. Акторы были представлены по преимуществу международными организациями и государственными структурами, тогда как общественные движения, Церковь, профессиональные сообщества были и остались на периферии развития институтов защиты детей.

В стране практически отсутствуют правозащитные организации, которые бы специализировались на адвокации, практике защиты прав детей в судах, инициировали законодательные инициативы по внесению изменений в действующее законодательство, активно лоббировали те или иные нормативные проекты. Другими словами, общественные организации не оказывают значимого влияния на конфигурацию системы защиты и охраны прав детей в Беларуси. Все существующие общественные организации скорее можно отнести к «сервисным», т.е. они ориентированы на оказание необходимой помощи (психологической, консультативной, гуманитарной) и общественно-просветительскую работу. При этом часто они работают по «государственному заказу» и в сотрудничестве с государственными институтами.

Позиции акторов были обусловлены как современным политическим процессом (Антанович 2004; Гельман 2001; Фисун 2007), так и советским «происхождением» действующих практик и подходом к защите детей. Центральным направлением политической жизни становится монополизация государством сферы публичной политики, что непосредственно проявилось в регуляции семейной жизни, ее отчуждении из сферы частного в сферу общественного блага. Вместе с тем Беларусь ратифицировала ряд международных документов (напр., Конвенцию о правах ребенка в 1990 г.). В соответствии с установками Конвенции ребенок определяется как автономный субъект права, его эмансипация обеспечивается по преимуществу посредством присваивания групповых прав на объединение и продвижение своих интересов в группе: в ст. 32 Конституция Республики Беларусь определяет детей как отдельную категорию граждан, которая не только защищается государством, но и может легитимно принимать участие в политической, социальной, экономической и культурной жизни страны. Комбинация не вполне согласованных между собой факторов становится одним из источников появления специфических особенностей в системе защиты прав детей в стране.

Система профилактики

Институт профилактической работы интегрирует первичную (общую), вторичную (специальную) и третичную профилактики. Общая профилактика направлена на обеспечение успешной социализации большинства детей и реализации их прав и аффилируется с пропедевтикой развития. В свою очередь специальная профилактика предполагает проведение дополнительной работы с отдельными категориями детей в целях предупреждения возникновения рисков. И третичная формируется на пересечении профилактики и мер кризисной интервенции с целью минимизировать уже имеющиеся риски.

Первичная профилактика

Первичная профилактика обусловлена соотношением мер фамелизации (охрана и поддержка семьи – пособия, льготы для семей с детьми, социальные отпуска) и дефамелизации (создание детских учреждений образования и здравоохранения, введение социальной службы в учреждения образования). Применение классификации семейных политик Сигрид Лойтнер (Leitner 2003) к современной белоруской политике убеждает в значительном расхождении между декларируемым уровнем и политикой, реализуе-

мой на практике. Если стратегии и планы включают в себя весь возможный набор мер поддержки семьи – от пособий до обеспечения детскими садами и системой отпусков для матерей детей до трех лет – то на практике размер пособий не сопоставим с реальными затратами семьи на уход за ребенком (табл. 1), а охват системой общественного воспитания не достаточен.

Охват системой пособий по состоянию на 1 января 2011 г. составлял 23,5% от общей численности детского населения (416,8 тыс. детей). Это свидетельствует о том, что формально дети и семьи должны получать государственную помощь, однако на практике реализация данного права сталкивается с затруднениями. Рассогласование между декларируемым и реальным уровнями политики наблюдается и в сфере дошкольного воспитания. Охват детскими садами оказывается достаточно высоким. Так, дошкольные учреждения в 2012 г. посещало 74,4% детей в возрасте 1–5 лет, однако наблюдается снижение количества детских учреждений, нестабильность количественной динамики по охвату детей (уровень вырос по сравнению с 1990 г., но при этом снизился в сравнении с показателями за период с 2006 по 2008 г.), значительно расхождение по показателям между городским и сельским населением. Так, по городам охват детей дошкольными учреждениями составляет 80,1%, в то время как в сельской местности этот показатель равняется 54,3%. Кроме того, по данным на конец 2012 г. на 1000 человек населения в возрасте 1–5 лет приходилось 703 места. Для сравнения: в 2005 г. этот показатель составлял 835 мест. Соответственно сейчас на 100 мест в дошкольных учреждениях приходится 106 детей (Образование в Республике Беларусь 2013: 30). При этом расходы родителей составляют 60% стоимости пребывания (Дошкольное образование 2012).

Выбранный тип семейной политики, совмещающий широкий круг мер фамилиализации и дефамилиализации, требующий значительных ресурсов, при недостатке таковых на практике превращается в имплицитную семейную политику, если следовать классификации стратегий политики, предложенной Лойтнер. Такое рассогласование цели и практики приводит к невозможности выстроить полноценную систему первичной профилактики. Ограниченность такой пропедевтической основы усугубляется и тем, что, как и в советский период, родители ограничены в выборе траекторий обеспечения основных социальных прав: действует запрет на домашнее родовспоможение, домашнее образование остается нелегализованной практикой, частный сектор образования и здравоохранения действует латентно внутри государственного и, скорее, основывается на коррупции как основном механизме, чем открытой конкуренции.

Таблица 1

Размер детских пособий

Вид детского пособия	Объем	Размер в бел. руб.	Размер в долл. США по курсу Нацбанка РБ*	По отношению к средней зарплате по стране** (%)
по беременности и родам (минимальное в месяц)	50% БПМ***	487 060	56,2	10,7
женщинам, ставшим на учет в государственных организациях здравоохранения до 12-недельного срока беременности (единовременно)	100% БПМ	974 110	112,4	21,5
в связи с рождением первого ребенка (единовременно)	10 БПМ	9 741 100	1 123,5	200 (2,1 средние зарплат)
в связи с рождением второго и последующих детей (единовременно)	14 БПМ	13 637 540	1 572,9	300 (3 средние зарплат)
по уходу за ребенком в возрасте до трех лет (в месяц) на первого ребенка	35% от средней зарплаты за квартал	1 585 870	182,9	35
на второго и последующих детей	40% от средней зарплаты за квартал	1 812 430	209	40
на ребенка-инвалида	45% от средней зарплаты за квартал	2 038 980	235,2	45
на детей старше трех лет	50% БПМ	487 060	56,2	10,7
на ребенка в возрасте до 18 лет, инфицированного ВИЧ (ежемесячное)	70% БПМ	681 884	78,6	15
по уходу за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет (ежемесячное)	100% БПМ	974 110	112,4	21,5

Примечания. *Размер пособий пересчитан в доллары США по курсу на 1 мая 2013 г. Национального банка Республики Беларусь.

** Средняя зарплата на 1 квартал 2013 г. – 4 531 066 белорусских рублей.

*** БПМ – бюджет прожиточного минимума на 1 мая 2013 г. в среднем на душу населения 974 110 белорусских рублей (Детское пособие 2012, Бюджет 2012, Средняя зарплата 2012).

Вторичная профилактика

Вторичная профилактика сосредоточена на следующих целевых группах несовершеннолетних:

- дети, вступившие в конфликт с законом;
- дети, находящиеся в социально опасном положении (СОП) и дети, нуждающиеся в государственной защите;
- дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей;
- дети-чернобыльцы, дети-инвалиды и дети с особенностями психофизического развития (ОПФР).

Система работы с данными категориями детей различается от введения интегрированных форм обучения (для детей с ОПФР) до преимущественного сведения профилактики к медиализации (например, в отношении детей-инвалидов, чернобыльцев) и криминализации ответственности несовершеннолетних (дети, вступившие в конфликт с законом).

Так, в структуре помощи детям-инвалидам, чернобыльцам преобладают сугубо медицинские меры стационара, нежели варианты санаторно-курортного лечения (Дети и молодежь 2012: 141). При этом для детей с особенностями психофизического развития (ОПФР) создаются специальные условия образования – специальные школы и варианты интегрированного обучения. Многообразие стратегий обеспечения права на образование данной группы детей зафиксировано законом № 285-3 (2004), который допускает и специальное, и интегрированное образование (складывающееся с начала 1990-х гг.).

Специальные, вспомогательные школы создают необходимые условия для обучения ребенка с учетом его особенностей. Однако дети с ОПФР могут переводиться на формы интегрированного обучения. Количество таких детей в общеобразовательном учреждении образования не должно превышать 20% от общего числа обучающихся. В одном классе может обучаться не более 6 лиц с ОПФР. Формально нет никаких указаний, какие именно дети могут переводиться на интеграцию, однако на практике это чаще всего оказываются дети с интеллектуальными нарушениями и реже дети с физическими недостатками. Это связано во многом с отсутствием технического и материального оснащения в общеобразовательных учреждениях для принятия таких детей.

Основной службой, занимающейся детьми с ОПФР, является Центр коррекционно-развивающего обучения и реабилитации (ЦКРОиР). За последние 10 лет количество ЦКРОиР выросло почти в два раза. Так, если в 2002 г. было 97 таких центров, то в 2008 – их уже 142 (Положение детей 2003; 2009). Интенсивное развитие

данной службы связано с активной трансформацией образования для детей с ОПФР, начавшейся в 2000-м г., которая предполагает интеграцию таких детей в общество. Интегрированное обучение, по мнению специалистов, направлено на переход от дифференцированного обучения, которое изолировало детей от общества, мешало их полноценной социализации, к совместному обучению, включению детей в общеобразовательные учреждения (Змушко 2010; Коноплёва 2004; Масюкова, Слепович 1994; Бубен 1994; Грыханаў 1994; Шух 1998). Если в 1996 г. в условиях образовательной интеграции обучалось менее 1% детей с ОПФР, то в 2006/2007 учебном году – 53,2%, в 2010/2011 учебном году – более 62% (Деятельность специального образования). Наблюдается значительное снижение количества специализированных школ для детей с ОПФР, что связано с переводом детей в обычные общеобразовательные школы (Статистический ежегодник 2011: 188).

Решение о том, где будет обучаться ребенок – в массовой школе или специальной – принимается именно центром на основании диагностики и рекомендаций психолого-медико-педагогической комиссии (ПМПК), а также мнения родителей. Инициировать заседание комиссии могут любые детские учреждения, но родители имеют право отказаться от ее прохождения. Заключение комиссии носят рекомендательный характер и применяются лишь при письменном согласии родителей, которые могут отказаться от рекомендаций этой службы. Вместе с тем перевести ребенка, обучающегося в специальной школе, в общеобразовательную без согласия ПМПК практически невозможно. Также в последние годы все больше распространяется интеграция лишь детей младшего школьного возраста. Более того, Министерство образования в 2008–2009 гг. изучало состояние интегрированного обучения в республике. Анализ по регионам данной формы специального образования выявил ряд проблем: неполный охват специальным образованием и коррекционно-педагогической помощью учащихся с ОПФР; преобладание интегрированных классов неполной наполняемостью; нехватка педагогов-дефектологов для работы в таких классах; недостаточная методическая подготовка обычных педагогов к работе в условиях образовательной интеграции (Змушко 2010).

Следует отметить, что развитие форм интегрированного обучения остается тем направлением, которое не согласуется с общей тенденцией слабого развития системы вторичной профилактики для других категорий детей (криминализацией и медикализацией). И такая рассогласованность может считаться источником риска для программ интеграции, поскольку только общая установка на

социальную интеграцию создает гарантии долгосрочности развития проектов, направленных на инклюзию.

Несмотря на декларацию необходимости проведения воспитательной работы, мероприятий просветительского и информационного характера, создания сети разнообразных детских учреждений, клубов, организаций, законные и подзаконные акты все же тщательно прописывают и регламентируют санкции, дисциплинарную ответственность, ограничения и наказания, особенности отправления правосудия, но не стратегии первичной и вторичной профилактики.

Пробелы профилактики, которая была бы основана на оптимизации ресурсов как ребенка, так и его окружения, становятся предметом критики сторонниками восстановительного правосудия и декриминализации ювенальной юстиции. В настоящее время критических дискуссий в отношении защиты прав детей очень мало, при этом существующие дискуссии по преимуществу относятся к состоянию правосудия для подростков в конфликте с законом, что обусловлено стремлением международных организаций развить систему ювенального правосудия. С одной стороны, отмечается, что имеющиеся службы обладают объективными ограничениями и по своей структуре и функциональному назначению в меньшей мере ориентированы на профилактическую модель, разнообразие подходов к решению проблемы, на оказание помощи. С другой стороны, международные эксперты отмечают, что в Беларуси продолжает функционировать частично обновленная советская предупредительно-наказательная модель системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, которая ориентирована на превентивное наказание при недостаточном внимании к мерам ранней социальной профилактики, социальной адаптации и ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей (Анапреевко 2001; Барановский 2012; Донченко 2012; Прокопович 2002; Хомич 2004).

Таким образом, система защиты детства в стране развивается неравномерно, проявляясь как в недостаточном оформлении одних направлений, так и в развитии таких сервисов и мероприятий, которые создают условия для профилактики и социализации в отношении отдельных категорий детей. Фокус на интеграции характеризует профилактическую работу с детьми с ОПФР, тогда как в отношении детей в конфликте с законом и детей без попечения родителей профилактика ограничена третичной формой, которая сближает профилактику с кризисной интервенцией.

Третичная профилактика

Действующая система профилактики в Беларуси по преимуществу представлена третичной профилактикой, тогда как первичная и вторичная слабо обеспечены организационными и правовыми регуляциями. Несмотря на то, что профилактикой призваны заниматься почти все «детские» институции, однако не прописаны конкретные механизмы, отсутствует система стандартов оказания такой помощи. Все сводится к контролю и учету, а также мерам кризисной интервенции и устройства. Практики реализации правовых норм обусловлены недостатком достаточных ресурсов.

Приоритет третичной профилактики в отношении детей в конфликте с законом и без попечения родителей приводит к смешению превентивной работы и кризисной интервенции. Ограничение прав как родителей, так и детей определяется основной формой предупреждения кризисной ситуации – оставаясь, по сути, мерой исключительного реагирования, такого рода контроль позиционируется как профилактика, что позволяет не обеспечивать ни прозрачность, ни состязательность в принятии решения о применении подобных мер.

Можно говорить о комплексе причин, блокирующих эффективную профилактику. С одной стороны, установка на профилактику предполагает баланс безопасности и автономии ребенка (именно для сохранения такого баланса и требуется профилактическая работа). С другой стороны, существующие институции и службы защиты детства ориентированы на такой тип принятия решения, который минимизирует возможности для сотрудничества с семьей – службы наделены полномочиями, но не разделяют ответственность вместе с семьями, и вклад служб в развитие ситуации не становится предметом оценки при принятии решения об ограничении прав родителей. Поскольку семья ставится в положение единственного ответственного, который не имеет достаточных законодательных ресурсов участвовать в процессе принятия решений службы, то барьер доверия службам становится практически непреодолимым.

Можно сделать вывод о значительной и многомерной рассогласованности действующей системы профилактики в обеспечении прав детей: между правовыми регуляциями и практикой их реализации; направленностью на приоритет безопасности ребенка, но не на ее баланс с автономией семьи; риторикой прав человека и действующими дискурсами, сосредоточенными на потребностях; ограниченностью альтернатив помещению в систему общественно-го воспитания в совокупности с непоследовательной политикой

поддержки. Это семьи становятся фактором отчуждения родителей от кооперации со службами. Однако барьер коммуникации еще больше усугубляется в силу действующего подхода к осуществлению кризисной интервенции.

Кризисная интервенция

Интенсивное формирование практик кризисной интервенции стало ключевой характеристикой защиты детей в последние годы. Организационную рамку развития кризисной интервенции определил Декрет Президента № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» (2006), который ужесточил как ответственность родителей, так и меры контроля над семьей за счет расширения оснований и упрощения процедуры временного изъятия детей, совмещения судебного и административного порядка принятия решения об изъятии ребенка. Декрет «втянул» все действующие службы в осуществление кризисной интервенции, подчинив их задаче контроля. До принятия Декрета ответственность за выявление, учет и устройство детей, оставшихся без попечения родителей, возлагалась на органы опеки и попечительства. Изъятие ребенка было возможно только по решению суда и на длительный срок. С принятием Декрета ответственность по защите детей частично переложена на комиссии по делам несовершеннолетних (КДН), социально-педагогические учреждения (СПУ) и социально-психологические службы школ (СППС). На специалистов СППС возложена основная ответственность по выявлению детей, нуждающихся в государственной защите, их психологическому и социальному сопровождению и поддержке. Комиссии без суда могут принять решение об изъятии ребенка и его возвращении в семью. Органы опеки и попечительства во многом выполняют координирующую и контролирующую функции в этом процессе, более активно подключаясь на стадии долговременного устройства детей или лишения родительских прав.

Система работы кризисной интервенции в современной Беларуси включает в себя несколько последовательных этапов – от выявления неблагополучия до изъятия ребенка, лишения родительских прав или нормализации ситуации и возвращения в семью. Следует отметить, что законодательно не определены сроки того, как долго семья может находиться на учете перед изъятием ребенка или как долго может осуществляться патронат за ситуацией в семье после возвращения ребенка, что в совокупности с отсутствием процедур опротестования таких решений и организаций, кото-

рые бы представляли правовые интересы семьи, фактически делает семью абсолютно незащитной перед таким вмешательством. Специалисты СППС фактически наделяются неограниченными полномочиями в регуляции таких отношений.

Декрет предусмотрел меры, в том числе и принудительного характера, на взыскание расходов на содержание ребенка в учреждении с родителей. Родители автоматически ставятся на учет в органах внутренних дел для профилактического наблюдения и подлежат обязательной государственной дактилоскопической регистрации. Отметка об обязанности этих лиц возмещать расходы на содержание детей проставляется в паспорта. Неработающие родители подлежат принудительному трудоустройству. Не допускается отказ нанимателей в приеме на работу таких лиц, а также отказ обязанных лиц от выполнения работы. Кроме того, родители могут быть выселены в судебном порядке из их жилья для сдачи по договорам найма (поднайма) и использования полученных средств на погашение задолженностей по коммунальным платежам, содержание детей в приюте. Родителям предоставляется другое жилье меньшей площади и (или) с худшими потребительскими качествами, в том числе за пределами данного населенного пункта. Обязанные лица, систематически нарушающие трудовую дисциплину, могут быть направлены в лечебно-трудовые профилактории (ЛТП). Родители также должны будут возмещать в полном объеме расходы, затраченные государством на содержание детей на государственном обеспечении, если впоследствии по истечении шестимесячного срока принято решение о невозвращении ребенка в семью и подаются документы в суд на лишение родительских прав, дети устраиваются либо в государственные учреждения, либо в замещающие семьи. Данная мера была принята еще в советский период. Однако на практике она не реализовывалась, так как интернатные учреждения не обладали достаточными средствами для взыскания расходов. В современной Беларуси были выработаны механизмы реализации этой нормы в ряде законодательных актов, регулирующих процедуру взыскания средств посредством принудительного трудоустройства, распоряжения жилплощадью, на которую имеет право и ребенок. В случае, если родители уклоняются от трудоустройства и это приводит к неисполнению ежемесячных обязательств по возмещению таких расходов, на них налагается административный арест. Также предусмотрена уголовная ответственность за уклонение от возмещения расходов.

Выработанная стратегия кризисной интервенции минимизирует опции для реализации родителями своих прав. Отсутствие

механизмов опротестования решения служб превращает защиту детей в механизм репрессий, который удобен для решения многочисленных проблем: от изъятия детей у оппозиционно настроенных родителей до управления социально маргинализированными группами. Так, в независимой прессе широко были озвучены случаи, когда у ряда политических активистов по Декрету № 18 пытались отобрать детей.

Единодушная поддержка нового подхода к кризисной интервенции свела к минимуму возможность критической дискуссии. Анализ мнений специалистов и экспертов показал, что очевидный недостаток сензитивности к усиливающемуся дисбалансу между безопасностью ребенка и автономией семьи обосновывается приоритетом витальных потребностей ребенка как главных критериев оценки ситуации. Все возможное разнообразие позиций в дискуссии о путях разрешения конфликта интересов ребенка и родителей сводится к теме усиления ответственности родителей и к вопросу о наказании безответственных родителей (Богдан, Гулякевич 2012; Карих 1992; Кустанович, Лебедева 2009; Лисовская 1997; Руденкова 2008). Еще в ходе обсуждения планируемых мер усиления кризисной интервенции специалисты и эксперты высказывались в поддержку таких мер. Так, директор национального центра усыновления Министерства образования Беларуси Наталья Станиславовна Поспелова в 2002 г. отмечала:

Нам представляется архиважным, что впервые в юридической теории на уровне самого главного закона, регулирующего целую отрасль человеческих отношений, – кодифицированного законодательного акта – сделана попытка дать определение границ такого воспитания, за которым следует ответственность родителей, т.е. «ненадлежащего воспитания» (Поспелова 2002б: 17, 19).

Идеологической основой столь последовательной атаки на сферу частного становится дискурс нормальности и нормализации развития ребенка:

Рост преступности несовершеннолетних можно объяснить, в частности, деформацией современной семьи, ... как следствие, усилением криминогенных элементов в системе семейных взаимоотношений и отклонением в воспитательных воздействиях (Черникевич 1998: 46).

Введение концепта скрытого сиротства обосновывается приписыванием семье значительного объема задач:

Наряду с этим можно отметить формирование новой характеристики социального сиротства – «скрытого» (латентного) сиротства, которое распространяется под влиянием ухудшения условий жизни значительной части семей..., следствием чего становится изменение отношения к детям, вплоть до полного вытеснения их из семьи (Поспелова 2002а: 2–3).

Безопасность ребенка конструируется в терминах блага государства и стабильности социальной системы. Соответственно, родители репрезентируются как исполнители государственного заказа по возвращению «достойных» членов общества, а система контроля ответственности родителей становится профилактикой появления «неблагонадежных» граждан: «В результате разрушения семьи – основы основ любого государства – растет количество детей, оставшихся без попечения родителей» (Руденкова 2001: 2).

Динамика показателей и изъятия детей и последующего их помещения в государственные учреждения свидетельствует об активном распространении практик имплементации данной стратегии (табл. 2).

Таблица 2
Данные по движению детей в связи с реализацией Декрета № 18 в период с 2007 по 2010 гг.

Категории детей	Численность детей, чел. (% от всех изъятых)			
	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Стояли на учете как находящиеся в СОП	–	–	22 150	20 816
Сняты с учета	–	–	16 613 (75%)	14 571 (70%)
Временно изъяты из семьи по решению КДН	3 499	4 255	3 838	4 462
Возвращены в семью по решению КДН	1 472 (42%)	2 564 (60%)	2 465 (64%)	2 206 (49%)

Источник: (Положение детей 2011: 14–15).

Несмотря на то, что значительная часть детей возвращается в семью, с каждым годом увеличивается количество детей, временно изъятых из семьи, уменьшается количество снятых с учета. Это свидетельствует о пробелах в профилактической работе и о том, что доля детей, которые остаются в системе общественного воспитания или передаются в замещающие семьи, не только не умень-

шается, но даже увеличивается. По данным за 2010 г. среди детей-сирот и детей, оставшихся без опеки родителей, 87% составляют «социальные сироты» (в 2009 г. – 85%) – та целевая группа, относительно которой и была выработана стратегия быстрого изъятия. Более того, если в 2005 г. общий процент детей в системе общественного воспитания составлял 1,58% от общего населения, то в 2010 г. он составлял 1,72% (Положение детей 2010: 52, 54; Частная опека 2011).

Действующая стратегия кризисной интервенции не содействует решению задачи реинтеграции детей в семью. Более того, выбранные меры контроля и воздействия на родителей (изъятие детей из семьи, взыскание расходов, принудительное трудоустройство) не соотносятся с проблемами, совокупность которых и приводит к кризисному состоянию семьи: например, не планируется комплексная психолого-социальное сопровождение семей, оптимизация детско-родительских отношений. Однако если выбранная стратегия кризисной интервенции не действенна с точки зрения вмешательства в дела семьи, какие задачи решаются с ее помощью? Возможно, посредством обязательного трудоустройства государство в определенной мере решает вопросы заполнения свободных непривлекательных трудовых позиций, погашения задолженностей по коммунальным платежам. Так, по данным Минтруда и соцзащиты на 01.07.2012 открытыми являются 66,6 тыс. вакансий. При этом рынок труда по-прежнему ориентирован на рабочие профессии, которые составляют 80,4% от общего количества заявленных нанимателями вакансий. При этом количество открытых вакансий превышает количество свободных людских ресурсов по данному направлению. Всего за период реализации Декрета №18 (с 1 января 2007 г.) трудоустроено 31,4 тыс. обязанных лиц, а количество работающих на 1 декабря – 10,5 тыс. человек (Прус 2011; 2012). Кроме того, по информации пресс-службы горисполкома по данным на 1 мая 2007 г., задолженность в городе снижена на 991 млн. рублей, за май планируется уменьшить ее еще на 2 млрд. 111 млн. 89% должников имеют задолженность до трех месяцев. Самые злостные неплательщики (33%) – неблагополучные семьи.

Сложившаяся практика кризисной интервенции характеризуется отсутствием баланса между автономией семьи и безопасностью ребенка. Не обеспечены базовые условия такого баланса – административный порядок блокирует прозрачность и состоятельность процесса принятия решения; «криминализация» ответственности как родителей в отношении детей, так и детей в отношении своих поступков делает невозможным развитие кооперации

между семьей и государством; универсализация служб и их подчинение задаче контроля фактически лишает родителей доступа к помощи. Проводимая кризисная интервенция вписывается в тот общий политический подход, который отличает современную Беларусь. Устройство ребенка после кризисной интервенции определяется тем, как осуществляется вмешательство в дела семьи, и анализ посткризисной работы подтверждает дефицитарность сложившегося подхода к осуществлению кризисной интервенции.

Посткризисное устройство

Посткризисное устройство продолжает функционировать в соответствии с теми регуляциями и организационным дизайном, которые сложились в поздний советский период. Функции посткризисного устройства выполняют как органы управления – органы опеки, сектора охраны детства, КДН, так и органы исполнения – СПУ, ИДН, и отчасти территориальные центры. СПУ и ИДН не могут принимать окончательного решения о помещении ребенка, но могут ходатайствовать о помещении ребенка в определенное место или переводе, осуществлять поиск такого места. Окончательное решение принимается чаще всего органами опеки и КДН, которые руководствуются данными специалистов СПУ, секторов охраны детства и ИДН. Инспекции по делам несовершеннолетних могут инициировать помещение несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные или лечебно-воспитательные учреждения (школы или училища закрытого типа). Сектора охраны детства и СПУ должны осуществлять работу с приемными, опекунскими семьями и усыновителями: сопровождение таких семей; поиск, подбор и подготовка семей, принимающих на воспитание детей; подготовка несовершеннолетних к переходу на воспитание в семьи, в том числе воспитанников детских интернатных учреждений. При этом на уровне нормативных документов функциональные обязанности между этими службами четко не разделены, а это значит, что в поиске варианта устройства того или иного ребенка вся ответственность перекладывается в итоге на одну службу, либо они функционируют как единая служба, выполняя одни и те же обязанности.

Территориальным центрам в последние несколько лет была вменена обязанность постинтернатного сопровождения: социальный патронаж по вопросам жизнеустройства выпускников (решение вопросов с жильем, оформление документов, материальная помощь, организация досуга), содействие в освоении профессии и

последующем трудоустройстве, правовое и психолого-педагогическое консультирование в целях социальной адаптации и реабилитации.

В стране предусматривается два основных типа устройства – помещение в систему общественного устройства и замещающие семьи (табл. 3). Наравне с такими государственными учреждениями общественного устройства как детские дома и школы-интернаты, после 1991 г. активно развиваются замещающие семьи – усыновление, опекунские и приемные семьи. Также при поддержке международных фондов появляются семейные типы общественного устройства – детские дома семейного типа и детские деревни.

Таблица 3

Общее количество детей в системе общественного устройства и в замещающих семьях (на конец года)

Вид учреждения	Количество детей						
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Интернатные учреждения	11 315	10 416	9799	8972	7332	6548	5715
В ведомстве Министерства здравоохранения							
Дома ребенка (с рождения до трех лет)	1063	1034	926	781	616	687	691
В ведомстве Министерства образования							
Детские дома (от трех до 18 лет)	2345	2201	2023	2078	2267	2071	1855
Школы интернаты для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (1–11 классы)	4825	4382	4367	3803	2181	1527	1019
Специальные и вспомогательные школы-интернаты для детей с ОПФР (от трех до 18 лет)	2381	2134	1816	1667	1649	1625	1518
В ведомстве Министерства труда и социальной защиты							
Дома-интернаты для детей инвалидов (от 4 до 18 лет)	701	665	667	643	619	638	632

Щурко

Вид учреждения	Количество детей						
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Семейные типы общественного устройства	619	694	787	914	1048	1224	-
Детские деревни (1995 г.) (от года до 18 лет)	284	303	326	336	342	373	486
Детские дома семейного типа (1988 г.)	335	391	461	578	706	851	-
Замещающие семьи	14952	15757	16310	16883	17101	16861	-
Опекунские семьи	12184	12026	11577	11038	10 687	10231	-
Приемные семьи (1991 г.)	2768	3731	4733	5845	6414	6630	-
Усыновление*	368	337	539	536	585	562	-
Доля детей, возвращенных в родную семью**	37 (1,12%***)	55 (1,73%)	34 (1,05%)	70 (2,47%)	51 (1,76%)	46 (1,50%)	-

Примечания. * Количество детей, усыновленных в течение года в семьи граждан Республики Беларусь.

** Количество детей, возвращенных в родную семью за истекший год.

*** В % от общего числа выявленных в истекшем году детей-сирот и детей, оставшихся без опеки родителей.

(Источники: (Статистический ежегодник 2004: 184; 2011: 186; Частная опека 2011; Дети и молодежь 2012: 263).

В последние несколько лет наблюдается стабильное снижение количества детей в интернатных учреждениях (практически в 1,5 раза по сравнению с 2005 г. уменьшается количество детей в домах ребенка, детских домах и специальных/вспомогательных школах интернатах; в 4,7 раза – в общих школах-интернатах), и при этом увеличивается доля детей в приемных (в 2,4 раза) и усыновленных семьях (в 1,5 раза), семейных типах общественного устройства (в 2 раза). Однако количество детей в домах-интернатах для детей инвалидов и специальных/вспомогательных школах остается тем же. Это свидетельствует о том, что дети с ОПФР, «трудные» дети все еще вытесняются из социума, они чаще оказываются в категории детей-сирот и детей, оставшихся без опеки родителей. Еще одним подтверждением неэффективности действующей системы становится незначительная доля интеграции в кровную семью. Следует также отметить, что, несмотря на позитивную динамику по ряду учре-

ждений, общее количество ряда интернатных учреждений практически не уменьшается (Дети и молодежь 2012: 264).

Следует также отметить, что развитие семейного устройства происходит в рассогласованности ролей общественного и государственного участия. Если общественные организации при поддержке международных фондов развивают практики деинституционализации и поддержки кровной семьи (например, деятельность детского фонда ЮНИСЕФ по развитию замещающих семей и международной благотворительной организации SOS-Детские деревни), то государство в первую очередь реализует программы контроля, которые затрудняют семейное устройство. В 1999 г. была узаконена такая форма замещающих семей, как патронатная семья. Однако до сих пор патронат не получил распространение. Устройство детей осуществляется только государственными органами – опекой и попечительством, сектором охраны детства при содействии Национального центра усыновления. Данные структуры ориентированы на повышенный контроль, усложненную процедуру и административный способ принятия решения, что не создает условий для развития гибкой системы перевода детей, поиска замещающих семей и т.п.

Вместе с тем количество усыновленных детей в семьи граждан Беларуси выросло в последние годы в первую очередь за счет увеличения усыновления детей в возрасте до пяти лет, тогда как детей старшего возраста, как и детей с проблемами здоровья все так же усыновляют гораздо реже. Такая динамика становится косвенным показателем неравномерного развития профилактики, которая приобретает все большее значение как фактор усыновления в отношении детей старшего возраста и детей с трудностями развития (Частная опека 2011: 29, 34). После 2004 г. ужесточается законодательство в отношении усыновления за рубеж, поэтому значительно сокращается количество усыновленных детей иностранцами. Более того, за рубеж чаще усыновляются дети более старшего возраста, практически отсутствуют случаи усыновления детей до трех лет.

Развитие семейных форм устройства требует реорганизации государственных интернатных учреждений, развития семейных типов общественного устройства (детские деревни, детские дома семейного типа). Однако специалисты отмечают, что оптимизация общественного воспитания остается лишь декларируемым намерением. Одна из немногих тенденций, которую описывают эксперты, – это уменьшение количества интернатных учреждений за счет их объединения (Оценка проекта 2005). Общественное воспитание остается ориентированным на массовые учреждения, которые ско-

рее склонны вбирать все необходимые службы в свой состав, чем строить сети поддержки посредством взаимодействия с широким кругом организаций. Закрытость, непрозрачность общественного воспитания становится источником многочисленных нарушений прав детей (Алтынцева 2011; Лаврович 2012; Мартынова 2011; Михневич, Шелег 2006; Поспелова 2004; Руденкова 2001; Смагина 1997). По данным мониторинга, проведенного по заказу Министерства образования в 2003–2004 гг., в интернатах имеют место грубое обращение с детьми и насилие над ними: 10% детей отметили, что воспитатель кричит, оскорбляет, еще 10% – может ударить, 21% учащихся старших классов отметили, что воспитатель постоянно отчитывает, «читает мораль». В то же время 10% самих педагогов охарактеризовали свои взаимоотношения с детьми как конфликтные (Оценка проекта 2005).

Основным решением об устройстве подростков, которые находятся в конфликте с законом, становится общественное воспитание – в воспитательных колониях для тех, кому больше 14 лет, и в специальных школах для тех, кто совершил проступок или правонарушение в возрасте до 14 лет. Хотя в специальных школах и училищах задача наказания не стоит, условия содержания и отношения, как формальные, так и неформальные, весьма приближены к колонийским: контроль за детьми, в том числе во время, отведенное для сна, личный досмотр (Александрович, Кучинский 2001; Бабий 2004; Барановский 2011; Максименя, Оношко 1996; Саркисова 2000; Осипова 1997; Хомич 1995).

Таким образом, посткризисное устройство все больше входит в кризис, поскольку интенция развивать семейное устройство сталкивается с многочисленными барьерами, тогда как общественное воспитание не становится пространством реформирования. В сочетании с ужесточением кризисной интервенции кризис устройства детей может привести к тому виду произвола, при котором службы будут допускать ошибки обоих типов – опаздывать с вмешательством в силу отсутствия опций устройства ребенка и вмешиваться преждевременно.

Заключение

Система защиты прав ребенка в Республике Беларусь выстраивается на специфической модели детско-родительских отношений, отсутствии баланса между автономией семьи и безопасности ребенка. Так, официально декларируемый приоритет прав ребенка, дискурсивное развитие концепции «безопасности ребенка» с про-

цессами «ограничения» и часто «криминализации» ответственности ребенка и семьи (например, дисциплинарные санкции, изъятие из семьи, взыскание расходов на содержание, принудительное трудоустройство).

Система защиты детей в современной Беларуси функционирует по преимуществу в режиме административного порядка принятия решений, который фактически предоставляет службам, ответственным за вмешательство в жизнь семьи и ребенка, неограниченные возможности для давления на родителей. Вместе с тем меры, предпринимаемые государством для обеспечения семей, оказываются неэффективными и остаются скорее декларацией, чем основой взвешенной политики. Диктатура безопасности и фактическая делегитимизация автономии семьи существенно сужают пространство общественной дискуссии относительно пробелов действующей системы институтов и практик.

При этом следует отметить, что система защиты детства в стране развивается неравномерно: с одной стороны, недостаточное оформление одних направлений, а с другой – развитие таких сервисов и мероприятий, как, например, интегрированное обучение для детей с особенностями психофизического развития или семейные формы устройства детей, оставшихся без опеки родителей, в противовес интернатным учреждениям, численность которых, однако, за последние 6 лет не снижается. Таким образом, общая согласованность системы защиты детей может считаться источником риска для таких альтернативных программ, поскольку общая установка на меры кризисного развития и контроль мешают развитию вариантов профилактики.

Совокупность этих тенденций может рассматриваться как усугубление тех негативных институциональных новообразований, которые отличали семейную политику позднего СССР. Возможно, именно последовательный анализ вклада того периода в современное функционирование защиты детей может стать основой переосмысления и ревизии осуществляемой политики.

Список источников

Александрович И., Кучинский А. Дети, лишённые воли: проблемы защиты их прав // Защита и справедливость. 2001. Вып. 9–10. С. 92–94.

Алтынцева Е.Н. Программа подготовки детей-сирот к самостоятельной жизни «Мой жизненный путь» // Реализация стратегий в отношении семьи и детей: материалы Международной конф., 7–8 апреля 2011 г., Минск, Беларусь / М-во образования Респ. Беларусь, БГУ, Центр перспективного детства. Мн.: Изд. центр БГУ, 2011. С. 98–104.

Анапренко Я.Г. К вопросу о развитии в Беларуси ювенальной юстиции // Сацыяльна-педагагічная работа. 2001. № 2. С. 28–36.

Антанович Н. Политическая наука в Республике Беларусь: проблемы становления и развития // Палітычная сфера. 2004. № 3. С. 10–22.

Бабий Н.Н. Альтернативные наказания или альтернатива наказанию? // Леонova Г.М. (ред.) Перспективы создания ювенальной юстиции в Республике Беларусь. Мн.: Тесей, 2004. С. 117–129.

Барановский Н.А. Особенности ювенальной антидевиантной политики // Барановский Н.А. Антидевиантная политика: теория и социальная практика. Мн.: Беларуская навука, 2011. С. 78–106.

Барановский Н. Предупреждение правонарушений несовершеннолетних в системе ювенальной юстиции Беларуси // Юстиция Беларуси. 2012. № 4. С. 58–62.

Богдан Д., Гулякевич Д.Л. Ответственность родителей за воспитание детей // Адукацыя і выхаванне. 2012. № 5. С. 22–31.

Бубен С.С. Закон Рэспублікі Беларусь «Аб правах дзіцяці» як аснова сацыяльнай абароны дзяцінства // Социально-педагогические и правовые аспекты защиты личности ребенка и детских организаций в свете Конвенции ООН о правах ребенка и Закона Республики Беларусь «О правах ребенка»: тезисы докладов науч.-практ. конф., 19–21 апреля 1994 г. Ч. 1. Мн.: Белорусский фонд социальной поддержки детей и подростков «Мы – детям»; Ин-т повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов образования, 1994. С. 4–5.

Бюджет прожиточного минимума: структура и динамика изменения в Беларуси // Mojazarplata.by // <http://mojazarplata.by/main/minimalka/bpm> (дата обращения: 22.01.2013).

Гельман В. Постсоветские политические трансформации: наброски к теории // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 55–69.

Дети и молодежь Республики Беларусь: статист. сб. Мн., 2012.

Детское пособие и пособие по уходу за ребенком в Беларуси (по данным на 02.01.2013) // Mojazarplata.by// <http://mojazarplata.by/main/ona-i-rabota/detskie-posobija/kakov-razmer-i-porjadok-vyplat-detskih-posobiv-belarusi#anchor-1> (дата обращения: 22.01.2013).

Деятельность специального образования в новых условиях. Доклад начальника управления специального образования Змушко Антонины Михайловны // Сайт Министерства образования Республики Беларусь // <http://edu.gov.by/ru/main.aspx?guid=6111> (дата обращения: 29.08.2012).

Донченко Д.О. Нормативно-правовое обеспечение предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних в конце XX века // Сацыяльна-педагагічная работа. 2012. № 2. С. 27–31.

Дошкольное образование в Республике Беларусь. Информационный Бюллетень // Сайт Министерства образования Республики Беларусь // <http://edu.gov.by/ru/main.aspx?guid=14701> (дата обращения: 22.05.2012).

Змушко А.М. Интегрированное обучение и воспитание – приоритет развития специального образования // Адукацыя і выхаванне. 2010. № 8. С. 3–9.

Карих Л.К. Роль семьи в обеспечении прав ребенка // Права ребенка: законодательство и практика: тезисы докладов, выступлений и рекомендации Республиканской науч.-практ. конф., 9–11 октября 1991 г. Мн.: БГУ, 1992. С. 28–30.

Коноплёва А.Н. Специальное образование в Республике Беларусь // Вестник образования. 2004. № 3. С. 14–20.

Кустанович О., Лебедева О. Интересы детей превыше всего // Юстиция Беларуси. 2009. № 6. С. 25–29.

Лаврович А.П. Концептуальные основы подготовки воспитанников детских интернатных учреждений к самостоятельной жизни // Адукацыя і выхаванне. 2012. № 2. С. 22–27.

Лисовская А.В. Система государственной социальной защиты семей, воспитывающих детей // Защитим ребенка: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Международно-правовые аспекты защиты прав ребенка», 19 сентября 1997 г., Гродно. Мн.: Беларус. негос. ин-т правоведения, 1997. С. 48–54.

Максименя С.А., Оношко Э.А. Преступность несовершеннолетних и система правосудия в отношении несовершеннолетних в Республике Беларусь. Мн., 1996.

Мартынова В.В. Социально-педагогическая работа с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. Мн.: БГПУ, 2011.

Масюкова Н.А., Слепович Е.С. К вопросу об изменении отношения государства к особым (аномальным) детям // Социально-педагогические и правовые аспекты защиты личности ребенка и детских организаций в свете Конвенции ООН о правах ребенка и Закона Республики Беларусь «О правах ребенка»: тезисы докладов науч.-практ. конф., 19–21 апреля 1994 г. Ч. 1. Мн.: Беларус. фонд социальной поддержки детей и подростков «Мы – детям», Ин-т повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов образования, 1994. С. 13–14.

Михневич Т.П., Шелег Л.А. Постинтернатная адаптация выпускников детских интернатных учреждений: проблемы и пути их решения // Сацыяльна-педагагічная работа. 2006. № 1. С. 21–25.

Образование Республики Беларусь. Мн.: Национальный статист. комитет Республики Беларусь, 2013.

Осипова М.М. Особенности содержания несовершеннолетних в местах предварительного заключения // Защитим ребенка: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Международно-правовые аспекты защиты прав ребенка», 19 сентября 1997 г., Гродно. Мн.: Беларус. негос. ин-т правоведения, 1997. С. 71–75.

Оценка проекта по деинституционализации, а также деятельности по оказанию поддержки семье и схемам альтернативного устройства детей,

лишенных родительского попечения, в Республике Беларусь в период 1999–2004: итоговый отчет / Детский фонд ООН (UNICEF). Мн., 2005.

Положение детей в РБ в 2002 году: национальный доклад / Национальная комиссия по правам ребенка, Министерство образования РБ. Мн.: НИО, 2003.

Положение детей в РБ в 2008 году: национальный доклад / Национальная комиссия по правам ребенка, Министерство образования РБ. Мн.: НИО, 2009.

Положение детей в РБ в 2009 году: национальный доклад / Национальная комиссия по правам ребенка, Министерство образования РБ. Мн.: НИО, 2010.

Положение детей в Республике Беларусь в 2010 году: национальный доклад. Мн.: НИО, 2011.

Поспелова Н.С. Истоки социального сиротства и средства его предупреждения // Сацыяльна-педагагічная работа. 2002а. № 1. С. 2–16.

Поспелова Н.С. Краткая характеристика семей группы риска по признаку социального сиротства // Сацыяльна-педагагічная работа. 2002б. № 3. С. 13–24.

Поспелова Н.С. Деинституализация интернатных учреждений: проблемы и перспективы // Сацыяльна-педагагічная работа. 2004. № 2. С. 19–27.

Прокопович А.С. Педагогическая поддержка условно осужденных подростков // Сацыяльна-педагагічная работа. 2002. № 4. С. 75–80.

Прус Е. В. Беларуси сложилась стройная система трудоустройства обязанных лиц // БЕЛТА. 24.12.2011 // http://www.belta.by/ru/all_news/society/V-Belarusi-slozhilas-strojnjaja-sistema-trudoustrojstva-objazannyx-lits--Koxonov_i_584980.html (дата обращения: 29.08.2012).

Прус Е. Напряженность на рынке труда Беларуси снизилась до 0,4 безработных на вакансию // БЕЛТА. 1.09.2012 // http://www.belta.by/ru/all_news/society/Naprjazhennost-na-rynke-truda-Belarusi-snizilas-do-04-bezrabotnyx-na-vakansiju_i_607188.html (дата обращения: 29.08.2012).

Руденкова Г.И. Защита права ребенка на жизнь и воспитание в семье в Республике Беларусь // Защита и справедливость. 2008. Вып. 14. С. 22–29.

Руденкова Г.И. Основные направления государственной политики в решении проблемы социального сиротства в Республике Беларусь // Сацыяльна-педагагічная работа. 2001. № 2. С. 2–16.

Саркисова Э.А. Помещение несовершеннолетнего в специальное воспитательное учреждение: вопросы применения // Зайцева Л.Л., Грунтов И.О. (ред.) Проблемы развития ювенальной юстиции в Республике Беларусь: материалы Республиканской науч.-практ. конф., 11 ноября 1999 г., Минск. Мн.: РИВШ БГУ, 2000. С. 66–69.

Смагина Л.И. Некоторые аспекты проблемы социального сиротства в Республике Беларусь // Сацыяльна-педагагічная работа. 1997. № 2. С. 32–42.

Средняя зарплата в Беларуси по стране с 2004 по 2012 год // Mojazarplata.by // <http://mojazarplata.by/main/srednjaja-zarplata> (дата обращения: 22.01.2013).

Статистический ежегодник – 2004. Мн.: Национальный статист. комитет Республики Беларусь, 2004.

Статистический ежегодник – 2011. Мн.: Национальный статист. комитет Республики Беларусь, 2011.

Фисун А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // Отечественные записки. 2007. Т. 39. № 6. С. 8–28.

Хомич В.М. Осуждение несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного характера // Право и демократия. 1995. Вып. 7. С. 76–94.

Частная опека и охрана прав детей в Республике Беларусь. По состоянию на 1 января 2011 года: статист. сб. Мн.: Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь, 2011.

Черникевич А. О состоянии преступности несовершеннолетних в Республике // Дети и насилие: материалы Междунар. семинара «Права ребенка: проблемы насилия над детьми», 20–21 марта 1998 г., Минск. Мн., 1998. С. 44–51.

Грыханаў У.П. Вучыць, выхоўваць, інтэграваць // Адукацыя і выхаванне. 1994. № 3. С. 26–28.

Шух В. Аб стане і перспектывах навучання, працаўладкавання дзяцей з асаблівасцямі псіхафізічнага развіцця і дзяцей-інвалідаў у Рэспубліцы Беларусь // Дети и насилие: материалы Междунар. семинара «Права ребенка: проблемы насилия над детьми», 20–21 марта 1998 г., Минск. Мн., 1998. С. 67–71.

Leitner S. Varieties of Familialism: The Caring Function of the Family in Comparative Perspective // European Societies. 2003. № 5:4. P. 353–375.

О преодолении рисков социальной исключенности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в современной России

Алла Тындик, Светлана Бирюкова

Введение

Проблемы социальной адаптации детей, оказывающихся в системе общественного воспитания, исследуются не одно десятилетие. Острый дефицит социализации и неподготовленность к самостоятельной жизни в обществе повышают риски того, что в дальнейшем их ждет низкий общественный статус и низкое качество жизни. Воспроизведение негативных родительских практик, проявление девиантного поведения также являются распространенной проблемой этой социальной группы. Процесс социального исключения здесь связан не только с социально-экономическими условиями их жизни, но и с психологической составляющей. В настоящее время мировая критика общественного воспитания сосредоточена на том, что оно лишает ребенка автономии, ограничивает в способности принимать решения и выносить самостоятельные суждения. Несмотря на это, лишь немногие страны не имеют системы общественного воспитания как такового (например, Норвегия и Италия). В других развитых странах общественное воспитание трансформируется в сторону обеспечения лучшей интеграции воспитанников в общество.

Последнее десятилетие XX в. ознаменовалось для России резким повышением числа выявляемых детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Подавляющее большинство этих детей

относилось к социальным сиротам – их биологические родители были живы, но были лишены родительских прав или ограничены в них. Исследователи склонны считать причинами роста количества детей в системе общественного воспитания совокупность факторов (см.: Корчагина, Пишняк, Малкова 2010). К макроэкономическим можно отнести социальную и экономическую нестабильность, которая привела в 1990-е гг. к обнищанию значительной части населения; процессы трудовой миграции, в результате которых женщины-мигрантки стали оставлять своих детей, рожденных вне брака. Кроме того, те формы семейного устройства, которые стали складываться в СССР, не получили своего развития в первые годы постсоветского периода, тогда как помещение в учреждения вновь, как в 1920-е гг., стало универсальным ответом на рост беспризорных детей. Политико-правовой основой роста количества детей можно считать продолжение тенденции ужесточения контроля за родителями, сложившейся в поздний советский период. Закрепленные в Семейном кодексе (1994) меры административного вмешательства согласовывались с политикой, которая стала проводиться со второй половины 1970-х гг. Административный порядок, который продуцирует многочисленные риски кризисной интервенции, получил подкрепление и в Федеральном законе № 120, который предусматривал весьма широкие полномочия за Комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав. Однако вместе с ростом количества детей в учреждениях наблюдалось складывание весьма неоднородного движения за приоритизацию семейного устройства и минимизацию вреда от воспитания в учреждениях. Международные благотворительные организации активно включились в развитие региональных практик семейного устройства с конца 1990-х гг. При их участии были как поддержаны ранее сложившиеся формы помощи воспитанникам, так и внедрены новые стратегии. Навряд ли возможно оценивать вклад этих проектов как позитивный – как с точки зрения стабильности достигнутых результатов, так и с точки зрения того идейного обоснования, которое сложилось в рамках этих проектов. Именно тогда возникает тенденция считать общественное воспитание следствием советской системы и отождествлять его с репрессивной машиной государственного террора. Семейное устройство, соответственно, нагружается функцией спасения детей от помещения в систему, которая ребенка погубит. Многие проекты в сфере сиротства использовали в качестве идейной основы своих публичных кампаний «страшные цифры», подтверждающие несостоятельность выпускников детских домов. Со второй половины 2000-х гг. участие международных проектов сходит на нет, однако начинает склады-

ваться пространство отечественных благотворителей, и актуализируется тема семейного устройства в государственной риторике.

«Курс на семейное устройство» вписался в общегосударственную пропаганду института семейных ценностей и семьи как новой национальной идеи. Со второй половины 2000-х гг. государство предпринимает ряд шагов с целью изменить систему выявления, учета, устройства и сопровождения детей в направлении семейного устройства. Тем не менее следует отметить нехватку отдельных правовых понятий системы, что затрудняет ее полноценное функционирование. Так, в законодательных актах закреплены понятия «семья, находящейся в социально опасном положении» и «несовершеннолетнего, находящегося в социально опасном положении», однако нет рамок для таких часто используемых понятий как «семья в трудной жизненной ситуации» и «неблагополучные семьи». Незавершенность понятий влияет на оценку правомерности деятельности государственных агентов на этапе выявления детей, впоследствии отчуждаемых из кровной семьи. Не хватает законодательно закреплённых понятий и на других уровнях системы – в частности, нет определения патронатной семьи и патронатного воспитания. Поэтому и в настоящее время нельзя говорить о том, что правовые и институциональные рамки сферы социального сиротства полностью сложились. Несмотря на бурное развитие социальных технологий и реализацию множества государственных и общественных проектов, ряд механизмов взаимодействия агентов внутри самой системы еще не отлажен.

Несомненно, решение этой задачи требует системного преобразования сложившейся практики защиты прав детей. Поэтому не следует разделять элементы системы профилактики социального сиротства – выявление детей в трудной жизненной ситуации и отчуждение из кровной семьи, формы общественного и семейного устройства, различные виды сопровождения. Одним из возможных и перспективных оснований для увязывания элементов системы защиты детей в целостную картину становится видение проблемы через призму социального включения и исключения.

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, как группа риска социального исключения

Концептуальное понятие «социальная исключенность» стало широко использоваться в экспертном сообществе после принятия Организацией Объединенных Наций в 1995 г. Копенгагенской декларации о социальном развитии (Copenhagen Declaration 1995). Как

правило, под социальной исключенностью понимают неспособность индивида или группы лиц участвовать в социальной, культурной и экономической жизни общества в сфере гражданских прав, рынка труда, общественных и частных служб и социальных сетей.

Накопленный зарубежный и отечественный опыт говорит о том, что система мер, обеспечивающих успешное преодоление социальной исключенности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, включает в себя несколько принципиально разных направлений:

- предотвращение первичного возникновения риска социальной исключенности, а именно: снижение числа тех, кто попадает в группу риска (числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей);

- всесторонняя работа с группой риска с целью повышения шансов избежать социальной исключенности (семейное устройство и адаптация таких детей, сопровождение замещающих семей и другая помощь);

- преодоление социальной исключенности тех, кто уже оказался в этом положении (сопровождение и устройство выпускников интернатных учреждений и других наиболее уязвимых категорий детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей).

Системная работа по интеграции воспитанников детских домов в социум в постсоветский период свелась к отдельным проектам. Региональные общественные организации оказывали помощь на местах, но не в силах были повлиять на ситуацию в целом. Слабая профилактика социального сиротства, преимущественно институциональное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, приоритетная материальная поддержка выпускников интернатных учреждений – все это приводило к тому, что дети группы риска впоследствии оказывались вне социально-экономической жизни общества. Перелом наступил с введением региональных государственно-частных программ, охватывающих значительное число субъектов РФ. Важно, что при этом начал меняться и характер высказываний по данной проблеме в средствах массовой информации – от алармистского (раздувание масштабов явления социального сиротства, массовое цитирование статистики МВД о негативных жизненных стратегиях выпускников учреждений) к конструктивному (распространение информации о реализуемых проектах в сфере профилактики социального сиротства и т.п.). Стало возможно говорить о том, что негативная тенденция разрастания социально исключенной группы бывших детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, начинает постепенно преломляться.

В первую очередь началась работа по вторичному преодолению социальной исключенности: был провозглашен курс на деинституционализацию и развитие семейных форм устройства детей. В этом направлении удалось добиться значительных успехов: доля детей, находящихся на воспитании в семьях, выросла в подавляющем большинстве регионов Российской Федерации.

Однако до последнего времени оставалась слабой деятельность, направленная на первичное преодоление социальной исключенности, – на своевременное выявление семей группы риска и профилактическую работу с ними с тем, чтобы не только сохранить ребенка в кровной семье, но и улучшить условия его воспитания в ней.

Третье направление преодоления социальной исключенности также все еще нуждается в привлечении особого внимания. Работа по нему касается прежде всего тех детей, которые, так или иначе, остались в институциональной воспитательной среде до достижения совершеннолетия. К ним чаще всего относятся дети, оставшиеся без попечения родителей в достаточно позднем возрасте, и те, для кого не нашлось замещающей семьи, а также дети, пережившие вторичное сиротство. Особой категорией здесь являются дети с ограничениями здоровья, умственного и психического развития.

Целью данной главы выступает оценка сферы выявления, устройства и сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, с точки зрения снижения рисков их дальнейшей социальной исключенности. Приводится анализ текущих тенденций в данной сфере, и вырабатываются некоторые индикаторы оценки проблемы и способов ее разрешения. Применение концепции социальной исключенности располагает к системной комплексной оценке пробелов существующей системы помощи детям, оказавшимся в учреждениях или имеющих риск там оказаться.

Деинституционализация сиротства

Начиная с XX в. во многих западных странах происходило разукрупнение сиротских учреждений, создавались детские дома семейного типа, развивался институт профессиональной семьи. Роль научных исследований по теме анализа последствий взросления детей вне семьи оказалась весьма существенной, они не только изменили представления общества о системе устройства детей-сирот, но и способствовали ее реальной трансформации. В частности, в США в первой половине XX в. система институциональных учреждений для детей-сирот была весьма развита. Однако уже тогда начала проявляться устойчивая тенденция к деинституционализации, и с 1928 по 1940 гг.

было закрыто 300 учреждений сиротского типа. И в дальнейшем эта тенденция стала быстро нарастать вплоть до полного отказа от сиротских учреждений. Согласно результатам исследования, сделанного в 1997 г. Институтом усыновления Е.Б. Дональдсона, шесть из десяти американцев имеют опыт той или иной формы усыновления, что свидетельствует о распространенности замещающих семей в США (цит. по: Weegar 2000).

В тот же период благодаря законодательству, изменившемуся в период после Второй мировой войны, закрылись детские дома в Швеции. Аналогичные трансформации происходили и в других европейских странах. При этом законодательство активно развивалось и в сфере обоснования необходимости предоставления семьям, особенно семьям в трудной жизненной ситуации, помощи различного вида. В Исландии, Норвегии, Словении и Великобритании начали действовать специальные меры по предоставлению заботы замещающих семей вместо институциональных учреждений для всех нуждающихся детей в возрасте до 5 лет.

Таким образом, страны Европы и Северной Америки гораздо раньше прошли путь от содержания сирот в государственных учреждениях до осознания необходимости поддерживать биологическую, кровную семью ребенка, а в случае необходимости привлекать помощь других, специально подготовленных семей. Страны бывшего социалистического лагеря также включились в процесс деинституционализации замещающей заботы о детях на рубеже XX и XXI вв., активно используя западный опыт.

Для России с ее широкой сетью институциональных учреждений путь их разукрупнения до организаций семейного типа представляется наиболее предпочтительным на фоне процессов развития семейных форм устройства детей. Тем не менее в настоящее время можно говорить о противоположной тенденции – поставленные перед региональными властями задачи сокращения числа детских институциональных учреждений нередко достигаются за счет слияния и, соответственно, укрупнения учреждений.

Возможности статистического анализа данных о детях, оставшихся без попечения родителей, в России

В настоящее время в России система статистических данных, касающихся сиротства и семейного неблагополучия, является фрагментарной: сбор информации осуществляется различными министерствами, ведомствами и органами государственной статистики на разных административных уровнях. Это приводит к несогласован-

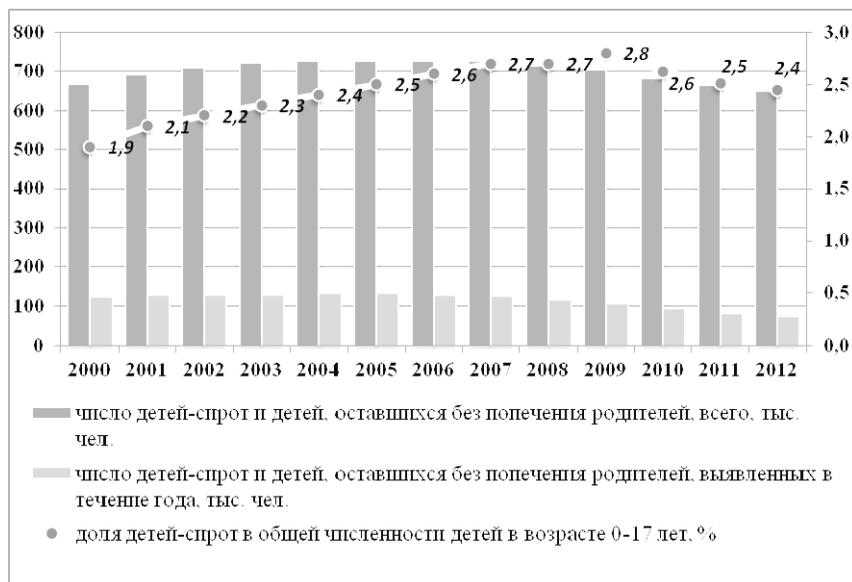
ности данных: так, например, расходятся оценки общей численности сирот, полученные по методологии Росстата и Формы 103-РИК (Корчагина, Пишняк, Малкова 2010). Кроме того, значительная часть собираемой информации является закрытой, что осложняет ее изучение и публичное обсуждение. Особенно важным представляется отсутствие доступа к информации о численности детей, пребывающих в интернатных учреждениях различных видов, статистике переводов воспитанников детских интернатных учреждений в психоневрологические интернаты (ПНИ). Именно эти данные могли бы пролить свет на реальные масштабы и характер проблемы социальной исключенности детей-сирот и ее последствий.

Тем не менее на основе доступных статистических данных можно провести общий анализ сложившейся к настоящему моменту ситуации в сфере сиротства и возможных путей совершенствования сбора данных. Для проведения комплексной оценки ситуации в области сиротства в рамках данной работы было принято методологическое решение – использовать одновременно и агрегированные Росстатом данные официально публикуемой государственной статистики о численности и формах устройства детей-сирот, и данные формы первичной отчетности № 103-РИК «Сведения о выявлении и устройстве детей и подростков, оставшихся без попечения родителей». С целью получения наиболее объективной картины с точки зрения динамики ситуации в тех случаях, где это было возможно, в рассмотрение включен период с 2000 г.

Анализ существующих статистических данных с определенной долей условности можно разнести по трем направлениям действий по преодолению социальной исключенности, описанным ранее. Так, ситуацию в сфере предотвращения первичного риска и профилактики сиротства характеризует динамика общих показателей численности детей-сирот и их доли в детском населении страны, а также соотношение распространенности мер по лишению и ограничению родителей в правах. На рис. 1 представлена динамика общей численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выявленных в течение года. Как видно из диаграммы, начиная с середины 2000-х гг. указанные показатели в абсолютном измерении постепенно сокращаются. Так, если в 2004 г. численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, составляла 726,9 тыс. чел., то в 2005–2006 гг. она сократилась до 726,6 тыс. чел., а к 2012 г. – до 649,6 тыс. чел.

Важно подчеркнуть, что при оценке ситуации в сфере сиротства, как и в других социально-экономических сферах, в России до настоящего времени сохраняется практика использования абсолютных по-

казателей. Их положительная динамика, однако, не всегда свидетельствует об улучшении ситуации. В данном случае, при переходе к относительным показателям, можно увидеть, что доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в общей численности детского населения России в возрасте от 0 до 17 лет возрастала вплоть до 2009 г., когда она достигла 2,8% (см. рис. 1, правая ось), и только после этого начала постепенно снижаться. Это означает, что видимое сокращение абсолютных показателей, наблюдавшееся в период с 2004 по 2009 гг., во многом объясняется происходившим сокращением общей численности детского населения России в целом.

Примечание: доля детей-сирот в общей численности детей в возрасте 0–17 лет за 2012 г. рассчитана с использованием данных о численности детей на 1 января 2012 г. Данные для расчета среднегодовой численности детей в возрасте 0–17 лет на момент написания работы не опубликованы.

Рис. 1. Динамика численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, 2000–2012 гг. *Источник:* данные формы 103-РИК, данные Росстата

Проведение профилактической работы в исследуемой сфере затрудняется отсутствием четких институциональных рамок в этом поле. В такой ситуации специалисты органов опеки вынуждены самостоятельно выработать критерии, которые могут оказаться как чрезмерно жесткими, так и, наоборот, чрезмерно мягкими. В случа-

ях несвоевременного выявления и неоказания эффективной профилактической помощи семьям с детьми на ранних этапах основными мерами по защите прав ребенка становятся лишение и ограничение родительских прав. В настоящее время одной из задач развития системы является ее переориентация в сторону более мягкой меры, оставляющей шанс для реинтеграции детей и родителей и сохранения кровной семьи, — ограничения родителей в их правах. Применение этой санкции к семьям, находящимся в кризисных ситуациях, позволяет не отрывать ребенка полностью и безвозвратно от его кровной семьи, теоретически предоставляет возможность специалистам социальных служб и органов опеки провести оперативную работу по выводу семьи из кризиса и дает шанс на относительно быстрое восстановление родительских прав. К сожалению, до сих пор гораздо шире распространена более жесткая мера работы с семьями — лишение родительских прав. Тем не менее с 2000 по 2012 г. доля детей, родители которых были ограничены в правах, в общем числе детей, родители которых лишены прав или ограничены в них, выросла с 7,2 до 14,5% (см. рис. 2) и, по-видимому, этот показатель продолжит свой рост в дальнейшем.

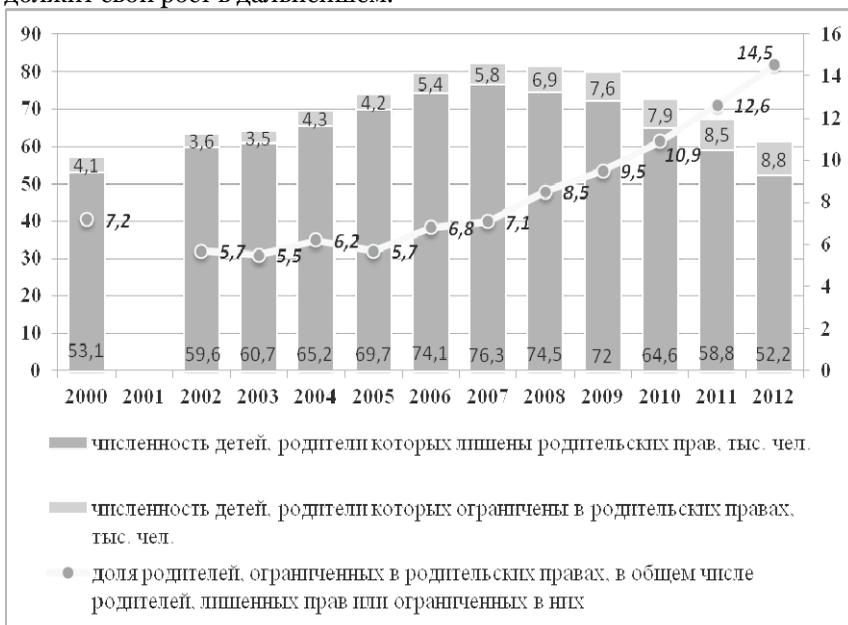

Рис. 2. Численность детей, родители которых лишены родительских прав или ограничены в них, 2000–2012 гг.

Источник: данные формы 103-РИК

Несмотря на то, что лишение родительских прав вносит наибольший вклад в ряды детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не менее острой проблемой в этой области остаются случаи отказов от новорожденных. Общефедеральная статистика отказов в России не ведется, однако некоторые регионы вступили в программу сотрудничества с Фондом профилактики социального сиротства и добровольно предоставляют статистические данные (табл. 1). Они позволяют хотя бы примерно оценить масштабы распространения этого явления в современной России. В среднем 5 детей из 1000 новорожденных остаются без кровных родителей уже в родильном доме. Этот показатель сохраняется на высоком уровне по причине того, что в России до сих пор не существует единой сети центров подготовки молодых матерей, центров помощи молодым и малообеспеченным матерям, а также родителям детей-инвалидов. Напротив, в российских родильных домах по-прежнему сохраняется унаследованная с советских времен практика убеждения матерей, родивших детей с умственными или физическими отклонениями, оставлять новорожденных в государственных учреждениях.

Таблица 1

**Количество брошенных и отказных новорожденных,
на 1000 человек родившихся детей**

Регионы	Годы				
	2008	2009	2010	2011	2012
Новосибирская область	12,8	8,9	7,2	н/д	4,2
Томская область	6,2	4,9	4,1	5,4*	3,6
Калужская область	5,8	5,6	4,2	н/д	2,9
Иркутская область	8,1	8,0	7,0	6,9	5,0
Тюменская область	0,8	0,8	н/д	н/д	1,2
Волгоградская область	3,4	3,2	3,7	4,0	3,3
Республика Татарстан	4,2	5,3	3,7	4,0	1,4
Пензенская область	4,5	4,6	5,1	3,9	3,4
Ульяновская область	5,3	4,5	4,5	3,2	н/д
Нижегородская область	6,8	6,5	6,3	4,4	н/д
Пермский край	8,1	7,0	5,6	4,4	н/д
Республика Бурятия	н/д	1,0	4,0	6,4	1,6
Кировская область	н/д	5,8	4,9	н/д	3,5
Забайкальский край	н/д	н/д	7,2	7,7	8,2

* только Томск

Источник: по материалам Фонда профилактики социального сиротства на основе данных Росстата, данных членов Ассоциации профилактики отказов от новорожденных, партнеров Фонда в регионах, ресурсов П. Астахова.

Работа, которая ведется в направлении предотвращения социальной исключенности детей, попавших в группу риска, находит свое отражение в статистике устройства. Среди семейных форм устройства уже на протяжении длительного периода самой распространенной стабильно является опека в возрасте до 14 лет и попечительство в возрасте от 14 до 18 лет. На ее долю начиная с 2001 г. приходится более половины всех случаев устройства детей, оставшихся без попечения родителей (см. рис. 3). Тем не менее в начале 2000-х гг. второй по распространенности формой было институциональное устройство детей: в учреждениях различных типов в 2000 г. находились 27% детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Однако их доля постепенно сокращалась, опустившись к 2009 г. до уровня в 16,5%, и, несмотря на зафиксированный в 2010 г. рост на 1,2 п.п., в целом на протяжении всего рассматриваемого нами периода прослеживается стабильный нисходящий тренд распространенности институционального устройства детей-сирот. Таким образом, к настоящему времени доля детей, воспитывающихся вне семьи, стала сопоставимой с некоторыми западными странами (Англией, Данией, Польшей), однако организация этого воспитания существенно отстает от современных форм. В первую очередь, следует указать на отсутствие практики реинтеграции детей в биологические семьи, а также на отсутствие в системе сбора данных такого показателя, как количество детей, которые проживают в учреждении длительное время. Именно этот показатель часто определяется как ведущий для оценки эффективности защиты детей в развитых странах.

Вытеснение институционального устройства детей-сирот происходит во многом благодаря постепенному развитию института приемных семей, который относительно недавно, с 2005–2007 гг., начал набирать популярность. Если в 2000–2005 гг. в приемных семьях и семейных детских домах оказывались не более 2% детей, оставшихся без попечения родителей, то к 2009 г. их доля выросла до 9,7%, а к 2012 г. – уже до 15,5%.

На фоне описанных выше тенденций в последние годы начала также снижаться доля усыновлений, на которую вплоть до 2007 г. приходилось 21–23% от общего числа устроенных детей (см. рис. 3). Так, в 2010 г. доля усыновленных детей достигла своего минимума и составила 19,3%, и на этом уровне она сохранилась и в 2011–2012 гг. При этом динамика численности граждан, желающих принять ребенка на воспитание в семью, за последние годы (см. табл. 2) свидетельствует о том, что значительного сокращения желающих усыновить ребенка не произошло: напротив, вплоть до 2011 г. численность таких граждан возрастала, рост наблюдается также и в последний, 2012 г.

Это говорит о том, что сокращение числа и доли усыновлений происходит вследствие реструктуризации системы и роста популярности других форм семейного устройства детей, о которых речь шла выше.

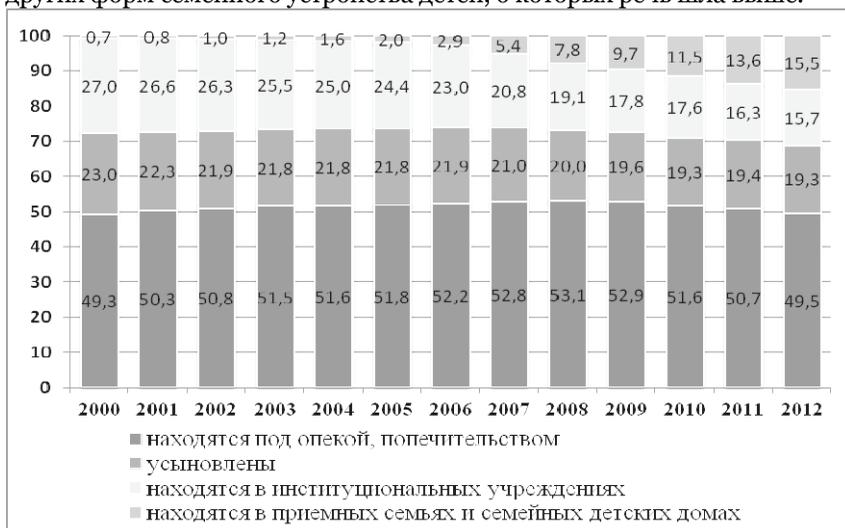

Рис. 3. Соотношение различных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, 2000–2012 гг., %. Источник: расчеты автора по данным Росстата (Российский статистический ежегодник 2009; 2011)

Таблица 2

Численность граждан, желающих принять ребенка на воспитание в семью, чел.

Сведения о гражданах	Годы						
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Всего стоит на учете граждан, желающих принять ребенка на воспитание в семью	12 779	17 335	20 322	24 287	23 825	18 471	22 929
В том числе в региональном банке данных	3572	4476	6501	8770	9118	6412	6 562
В том числе на усыновление	6342	7734	10 225	13 614	14 072	10 054	10 184
Из них иностранными гражданами	1874	1520	3028	4101	3572	2193	2 078

Источник: расчеты автора по данным формы 103-РИК (2006–2012).

Среди всех детей-сирот, отданных на усыновление, около 30% случаев приходится на иностранные усыновления, а 70% – на усыновления российскими гражданами, и такое соотношение сохраняется с 2007 г. «Портрет» российского усыновления таков: более половины детей, принятых в семьи россиян, находятся в возрасте до года (новорожденные дети), реже российские граждане берут детей в возрасте от одного до трех лет и еще реже – детей более старших возрастов. В то же самое время среди иностранных граждан наибольшая доля усыновлений приходится на возрастную группу 1–3 года. Кроме того, к особенностям усыновления иностранными гражданами относится усыновление детей-инвалидов: так, в 2011 г. доля детей-инвалидов в общей численности усыновленных иностранными гражданами детей составила 5,2%, а среди детей, усыновленных россиянами, аналогичный показатель составил только 0,5%. В более старших возрастных группах такая форма семейного устройства, как усыновление, встречается редко, и преобладающей формой становится опека.

Данные о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в замещающей семье (см. рис. 4), свидетельствуют о неоднородности географии сиротства в России. Существующий разброс частично может объясняться различиями в культурных и социальных нормах, уровнем развития региональной институциональной среды и прочими факторами.

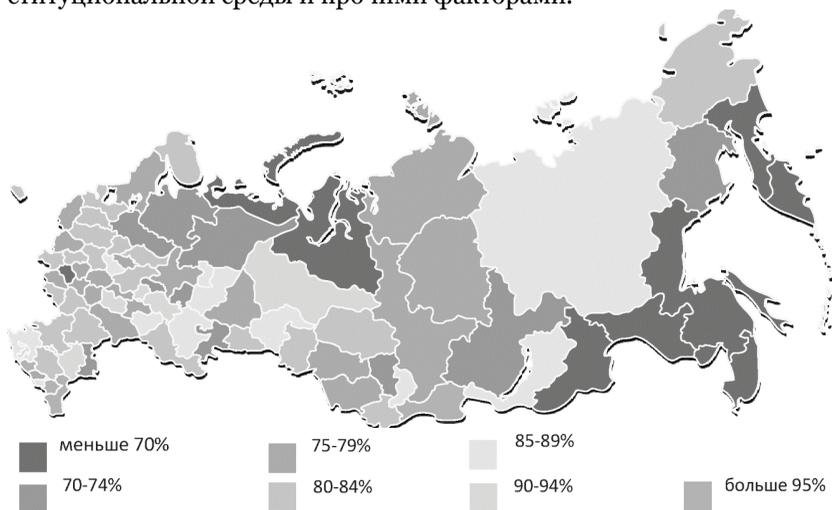

Рис. 4. Удельный вес детей, воспитывающихся в семье, в общей численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на конец 2011 г., %. Источник: расчеты автора по данным Формы №103-РИК по регионам России

Из рис. 4 видно, как различаются регионы по уровню семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. К концу 2011 г. лидерами по семейному устройству были регионы с традиционным укладом (те, в которых «не принято» воспитание вне семьи – Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесская республика и другие) и такие регионы, как Республика Тыва, Татарстан, Пензенская область, Ханты-Мансийский автономный округ и некоторые другие. Стоит отметить, что Республика Тыва ранее отмечалась как одна из последних по этому показателю (Корчагина, Пишняк, Малкова 2010). В 2008 г. в этом регионе случился резкий всплеск численности выявленных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, повлиявший на ситуацию с семейным устройством. До 2008 г. и после ситуация в сфере семейного устройства в Республике Тыва была достаточно благоприятной.

В федеральной целевой программе «Дети России» в качестве целевого индикатора было принято доведение доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, отданных на воспитание в семью, от общей численности группы, до уровня не менее 72%. К концу 2011 г. этого показателя достиг 71 субъект Российской Федерации, а ниже черты остались следующие регионы: Иркутская область, Архангельская область, Приморский край, Сахалинская область, Забайкальский край, Амурская область, Камчатский край, Хабаровский край, Еврейская автономная область, Орловская область, Ненецкий автономный округ. Нужно отметить, что данный показатель может служить хорошей характеристикой системы устройства детей-сирот, если рассчитывать его в составе целого ряда подобных показателей. Другими словами, он не должен рассматриваться в качестве единственного критерия эффективности системы, не будучи дополненным статистикой по другим показателям, в частности, по типам устройства (приемная семья, опека и попечительство, патронат), по числу возвратов в институциональные учреждения, по доле детей, возвращенных в кровные семьи после изъятия.

О некоторых дополнительных показателях оценки рисков социального исключения

В заключение обзора возможностей статистического анализа ситуации в сфере преодоления социального сиротства стоит сказать еще несколько слов о тех пробелах и недостатках, с которыми приходится сталкиваться экспертам.

Как было сказано ранее, предотвращение первичного возникновения риска социальной исключенности – это снижение числа

тех, кто попадает в самую группу риска (т.е. числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей). Для мониторинга ситуации требуется динамический показатель доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в детском населении России.

Общий политический курс на деинституционализацию детей-сирот способствовал тому, что федеральные и региональные власти стали рассматривать семейную форму устройства детей-сирот в качестве главной меры профилактики социального сиротства. Однако на самом деле деятельность по семейному устройству детей, оставшихся без попечения родителей, является не профилактикой сиротства, а способом его преодоления. В сложившейся законодательной среде все агенты профилактики ориентируются на работу с семьей, уже оказавшейся в трудной, кризисной жизненной ситуации. Учет таких семей, охваченных услугами социальных служб, также представляет высокий статистический интерес.

В настоящее время число негосударственных организаций, работающих с семьями группы риска, значительно меньше числа организаций, работающих с детьми, уже оставшимися без попечения родителей. Однако в настоящий момент не поддается точному статистическому наблюдению даже общее число благотворительных фондов и некоммерческих организаций, действующих в сфере помощи детям-сиротам. В этой связи для оценки развития некоммерческого сектора в сфере социального сиротства было бы крайне полезно создание единого интернет-портала, на котором содержались бы данные о числе фондов и организаций, краткое описание с указанием функций и целевых групп, ссылки на их собственные сайты и на возможности оказать пожертвование.

В общественном сознании к текущему моменту сформировалось представление о «тысячах» детей-сирот. Однако понимания того, сколько именно таких детей живет в конкретном населенном пункте, как правило, нет. Информирование экспертов и населения о численности сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на местном уровне – способ оздоровить общественное отношение к этой проблеме.

В отношении институционального устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, остро не хватает публичных данных о средней численности воспитанников в учреждениях различного типа. Применительно к воспитательно-образовательным группам существуют некоторые нормативы, предусматривающие их наполняемость, однако сведения о реальной практике отсутствуют. Также нет данных об организации бытовой жизни воспи-

танников, например наполняемости спальных корпусов. Этот показатель достаточно ярко характеризует условия проживания детей.

В настоящий момент качество обучения детей в интернатных учреждениях значительно ниже по сравнению с обычными общеобразовательными учреждениями. Фактически, не существует системы обучения, которая учитывала бы их особенности и была бы при этом эффективной. Они достаточно сложно интегрируются в обычные школы и профессионально-технические заведения, тем не менее инклюзивное образование предоставляет им гораздо больше возможностей для развития и, что немаловажно, для социализации. Работа по переводу детей, способных к обучению, из институциональных учреждений в общеобразовательные школы должна отражаться в системе собираемых показателей.

Преодоление социальной исключенности тех, кто уже оказался в этом положении, подразумевает сопровождение и устройство выпускников интернатных учреждений и других наиболее уязвимых категорий детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. К настоящему времени накопилось немало действующих практик адаптации выпускников школ-интернатов и других учреждений. Требуется распространение региональных данных об охвате выпускников сопровождающими службами (и разными видами услуг), трудоустройством и образованием на протяжении 3–5 лет после окончания интернатного учреждения. Для получения таких данных можно проводить мониторинговые обследования выпускников интернатных учреждений. Они могут носить качественный (углубленные интервью) или количественный характер (массовые опросы). Кроме того, такие обследования разрушат мифы о тотальной неуспешности детей, воспитывающихся вне семьи.

Таким образом, система показателей должна охватывать все уровни возникновения рисков социальной исключенности, только тогда можно будет говорить о целостной картине профилактики социального сиротства.

Заключение

Проведенный в рамках данной работы анализ статистической информации показал, что, несмотря на регистрируемую позитивную динамику абсолютной численности и доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в общей численности несовершеннолетних детей, сокращения распространенности социального сиротства в России пока что не произошло. Однако при этом постепенно улучшается механизм устройства детей. Другими словами,

преодоление вторичного риска социальной исключенности стало более успешным, тогда как первичный риск столь же высок, как и 10 лет назад.

Современная система социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, должна ориентироваться не только на реализацию протекционистских функций, но и на создание благоприятных условий для их успешной интеграции в общество в качестве его полноценных членов. Описанная структура рисков возникновения социальной исключенности требует комплексного подхода к их профилактике в соответствии с расставленными приоритетами. Для эффективного преодоления сложившейся ситуации фундаментом реализующихся концепций и программ должно стать направление снижения первичного риска социальной исключенности. Успешная профилактика социального сиротства сократит размер целевой группы работы по возвращению ребенка в семью, кровную или замещающую, или по развитию навыков социальной адаптации воспитанников учреждений. Другими словами, сократится группа детей, подверженных вторичному риску социальной исключенности. Наконец, остается работа с узкой группой детей из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являющихся бывшими воспитанниками учреждений и попавших в ситуацию социальной исключенности.

Для достижения целей успешной социализации детей, оставшихся без родительской опеки, необходимо не только расставлять приоритеты в процессе трансформации системы форм попечения, но и поддерживать плюрализм этих форм. Так, развивая институт приемных семей, важно рассматривать их как форму устройства, замещающую институциональное содержание детей, понимая при этом, что приемные семьи не являются альтернативой усыновлению. Отдавая приоритет семейным формам устройства, следует одновременно трансформировать еще сохраняющиеся институциональные учреждения, приближая условия содержания в них к семейным – с точки зрения потенциала интеграции воспитанника. При этом закрывающиеся учреждения можно преобразовывать в службы сопровождения семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Важной отличительной особенностью настоящего этапа развития системы профилактики социального сиротства и преодоления социальной исключенности детей, оставшихся без попечения родителей, в России является значительный объем современных практик, уже накопленных в разных регионах. К сегодняшнему дню определились регионы-лидеры по отдельным практикам (например, Самарская область с ее большим опытом развития приемных семей),

и множество регионов, успешных в реализации конкретных инструментов. В связи с этим стоит, прежде всего, искать пути практического распространения лучших практик и их применения в отстающих регионах.

Список источников

Корчагина И.И., Пишняк А.И., Малкова М.А. Факторы семейного неблагополучия и механизмы профилактики социального сиротства: результаты анализа и рекомендации. М.: Независимый ин-т социальной политики, 2010.

Овчарова Л.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. (ред.) Факторы семейного неблагополучия и механизмы профилактики социального сиротства: результаты анализа и рекомендации. М.: НИСП, 2010.

Copenhagen Declaration on Social Development // Report of The World Summit for Social Development. Copenhagen, 6–12 March 1995. // <http://www.un-documents.net/copenhagen-declaration.pdf> (дата обращения: 08.11.2013).

Wegar K. Adoption, Family, Ideology and Social Stigma: Bias in Community Attitudes, Adoption Research and Practice // *Family Relations*. 2000. Vol. 49. Issue 4. P. 363–369.

Новая «дивная» защита детей: международные регуляции и рутинные практики в Азербайджане

Мунир Маммадзаде, Виктория Шмидт

Защита детей в Азербайджане: вызов формальным критериям и универсальным нормам

Если обратиться к тем критериям и показателям, которые так часто используются для оценки действенности защиты детей, особенно на постсоветском пространстве, то, несомненно, современный Азербайджан можно отнести к вполне успешным кейсам относительно динамики положения детей и соответствующих институтов. За последние несколько лет существенно сократилась доля населения, живущего за чертой бедности (с 52% в середине 2000-х до 13% в 2009 г.). Также уменьшается и доля бедных детей, что прямо обуславливает снижение количества детей, находящихся в системе общественного воспитания (с 22 тысяч в 2005 г. до 16 тысяч в 2009 г.). Развивается система инклюзивного образования с одновременной оптимизацией системы выявления и поддержки детей с инвалидностью – в крупнейших городах открыто порядка 10 инклюзивных школ, разрешено обучение детей-инвалидов на дому. С 2008 г. государство проводит политику ин-

---

Исследование в рамках проекта "Занятость лучших молодых ученых" (CZ.1.07/2.3.00/30.0037), при поддержке Европейского социального фонда и государственного бюджета Чешской республики

тенсификации защиты детей посредством принятия специальных программ и стратегий, призванных «превратить черное золото в золото будущего» – вложение средств в детство рассматривается как основа долгосрочного процветания страны.

Однако анализ композиции движущих сил социальной политики в стране указывает на проблему, которая кажется практически неразрешимой – сосуществование взаимоисключающих габитусов детства, которое обрекает систему защиты детства на жесточайшую сегрегацию детей по признаку места проживания и экономического статуса семьи. Дети из сельской местности, девочки-подростки, дети беженцев, дети родителей, отбывающих наказание, оказываются в существенно иных условиях, чем дети из города, чьи родители имеют как постоянную работу, так и доступ к социальной инфраструктуре. Соответственно, востребованность неких универсальных принципов и критериев приобретает особое значение для обеспечения равного доступа, однако под силу ли она международным организациям и регуляциям?

Движущие силы защиты детей: макроэкономические и политические факторы

Композиция движущих сил, которая определяет развитие системы защиты детей в Азербайджане, существенно отличается от тех бывших республик СССР, в которых развитие институтов и практик заботы о детях сопоставимо со странами «глобального севера». Демографическая ситуация в стране, как и рынок труда, не становятся теми центральными детерминантами, которые бы располагали государство к развитию механизмов влияния на семейные и родительские паттерны. Темпы урбанизации в Азербайджане были и остаются самыми медленными в кавказском регионе (чуть более половины населения живет в городах), тогда как доля детского населения и рождаемость самыми высокими – 23% и 18 человек на тысячу населения соответственно.

Занятость женщин в производстве, которая становится решающим для формации институтов защиты детей, остается на периферии политики. Хотя женщины составляют чуть менее половины всех работающих, и 67% всех женщин трудоспособного возраста работают, получают они всего лишь 44% от средней заработной платы мужчины. 40% всех работающих женщин трудятся в небольших семейных объединениях, функционирующих по принципу клана *'aila'* (ILO 2010). Примерно столько же женщин заняты в сферах, не требующих специальной подготовки: торговле и обслуживании

(Klaveren et al. 2009). Занятость женщин в домашнем производстве остается основной моделью экономического поведения. С 2003 по 2008 г. доля самозанятости у женщин выросла почти в два раза – с 566 тысяч до 1247 тысяч (Klaveren et al. 2009). В образовании и здравоохранении, сферах с наименее низкими заработными платами, но требующими образования, заняты именно женщины. Уязвимость женщин подтверждается и тем фактом, что половина детей, которые помещены в систему общественного воспитания, воспитывались только матерью (отец умер, покинул семью или отбывает наказание), соответственно, зависимость женщины от супруга становится непосредственным риском устройства ребенка в учреждение (UAFА 2010).

Анализ возрастной структуры рабочей силы указывает на то, что занятость все хуже сочетается с супружеством и воспитанием детей: доля работающих женщин среди тех, кому от 21 до 24 лет, составляет меньше половины, а среди тех, кому от 15 до 19 лет – 21%. Это почти в два раза меньше, чем в поздний советский период. Если первые роды приходятся именно на возраст до 19 лет, а вторые – на период от 20 до 24 лет, то легко сделать вывод о том, что матери детей дошкольного возраста остаются дома. Тот же вывод можно сделать относительно бабушек, поскольку резко снижается доля работающих женщин среди 55–59-летних женщин (Klaveren et al. 2009). Этот паттерн можно считать результатом как распространения традиционных установок, так и минимизации участия общественного воспитания в решении задачи устройства детей дошкольного возраста. Между 1991 и 1998 гг. доля детей, посещающих детские сады, снизилась с 25 до 13%, при этом в сельской местности менее 8% детей в возрасте до 6 лет посещали учреждения. На юге страны данный показатель составлял 0,9%. В городах помещение ребенка в детский сад могли позволить себе только обеспеченные родители, поскольку оплата за месяц составляет порядка 250 долларов. С 2005 г. наблюдается некоторый рост количества детей в учреждениях дошкольного воспитания, однако общая доля детей не достигает и 20% (ILO 2010).

Вопрос о том, до какой степени советский период повлиял на изменение паттернов супружеских и детско-родительских отношений, остается открытым, однако, как и в других республиках бывшего СССР, в Азербайджане наблюдался распад инфраструктуры здравоохранения, образования и социальной защиты в 1990-е и первую половину 2000-х гг. Стремительное обеднение населения резонировало с минимизацией расходов на социальную сферу, что немедленно сказалось на благополучии детского населения. Замедленное физическое развитие до сих пор регистрируется у 15–18% несовершеннолетних. В начале 2000-х гг. индекс детской смертности резко вы-

рос, исторического максимума младенческая смертность достигла в 2006 г., когда составила 101 к 10 000 чел. Аналогично существенно выросла и смертность среди детей в возрасте от одного года до пяти лет: до 143 на 10 000 чел. При этом в наиболее уязвимом положении оказались дети в сельской местности, где показатели смертности втрое превосходили средний показатель по стране, и дети-инвалиды, чья смертность в четыре раза превосходила среднестатистические данные (Saydov et al. 2008). Основной причиной детской смертности остаются болезни, которые могут быть вылечены при своевременном обращении к врачу, однако, по утверждению родителей, они должны неофициально платить от 6 до 19 долларов врачу при каждом визите, и далеко не каждая семья может позволить себе такие траты (Saydov et al. 2008: 11). Кроме того, в сельской местности до конца 2000-х гг. медицинское обслуживание было в лучшем случае представлено фельдшерской помощью. Несмотря на режим благоприятствования частным инициативам в агропромышленном комплексе¹, последний стал развиваться в направлении интенсивной индустриализации только после 2004 г., когда часть «нефтяных долларов» была вложена в развитие системы трастовых фондов, поддерживающих фермеров (Shikhaliyev et al. 2010).

Количество детей младше 14 лет, не посещающих школу, составило более 6% от всего населения этого возраста в середине 2000-х гг. По данным исследования 2007 г., дети из семей, где два и более ребенка, чаще бросают обучение после 5–6 класса и начинают работать (UNICEF 2008). 92% работающих детей проживает в сельской местности. Трафик и детский труд стали одной из основных тем, которые поднимали международные миссии в регионе относительно Азербайджана, но которые пока остались без долгосрочной стратегии решения. Масштабы трафика остаются малодоступными для изучения, однако качественные исследования отдельных, получивших огласку случаев указывают на то, что несовершеннолетние чаще становятся жертвами, если их семьи неполны, а родители не имеют постоянного дохода (UNICEF 2007).

Некоторый период социальная защита обходилась без специальных пособий, которые были введены только в 2003 г. С этого времени начинает складываться тот дизайн социальной сферы, который соответствует основным рекомендациям мирового банка и основывается на социальном страховании, адресной социальной по-

---

¹ Передача земли в частную собственность тем, кто работал на ней, происходила на безвозмездной основе, и к 2001 г. более 800 тысяч семей приватизировало фермерские участки, помимо того, фермеры освобождены от всех налогов, кроме налога на землю.

мощи и спецификации социальных служб для уязвимых категорий, в первую очередь для беженцев. 90% тех, кто получает адресную помощь, действительно находятся за чертой бедности, и именно этот показатель можно рассматривать как подтверждение эффективности данной модели. Однако и величина пособия, и охват пособиями, как и доступ к информации о праве на получение средств, указывают на недостаточную эффективность. Так, пособие выплачивается менее чем одной четверти всех опекунов, а составляет 10 манатов (тогда как прожиточный минимум составляет 93 моната). Почти все родители детей с инвалидностью получают 35 манатов. Семьи с ребенком получают пособие на ребенка, которое составляет 20 манатов до исполнения ребенку полутора лет и 10 – до 6 лет, также существует единовременное пособие по рождению ребенка. Семьи с низким доходом и ребенком получают пособие только до исполнения ребенку одного года. Опрос среди родителей показал, что более половины не осведомлены и об этих немногочисленных формах материальной поддержки семей с детьми (Feltham 2009).

Распад уклада советской социальной политики усугублялся проблемой беженцев из Нагорного Карабаха – более миллиона этнических азербайджанцев приехало в страну в первой половине 1990-х гг., причем около трети из них – несовершеннолетние (UNICEF 2007). Их положение отличалось значительным уровнем нищеты, а первичные меры, принятые правительством, ограничивали беженцев в правах (так, до середины 2000-х гг. действовал запрет на въезд беженцев в крупные города, а к нарушителям применялись меры уголовного преследования). Дети беженцев наряду с детьми-инвалидами и детьми из бедных сельских семей стали одной из групп риска помещения в систему общественного воспитания.

Другим значимым макроэкономическим фактором становится зависимость экономической и социальной ситуации от цен на нефть. Во второй половине 2000-х гг. на фоне роста цены на нефть и газ Азербайджан стал вкладывать больше средств в обеспечение социальной сферы. К концу второй половины 2000-х гг. доля населения, находящегося за чертой бедности, сократилась до 13%. Выросли расходы на образование и здравоохранение, в первую очередь за счет роста средней зарплаты педагогов и медиков, после 2007 г. стали строиться новые больницы, образовательные учреждения. Если первоначально усилия по конвертированию доходов от добычи энергоносителей были направлены на восстановление системы пособий и специальных выплат, то на данном этапе больше внимания уделяется формированию институциональных основ защиты детей (Mammadzade 2011).

Понимание роли международных акторов, которые ориентируют азербайджанскую социальную работу на заимствование турецких стратегий и технологий (как в части подготовки специалистов, так и защиты детей), требует учета и такого внешнеполитического фактора, как двойственные отношения между Азербайджаном и фундаменталистским Ираном. Если Иран и проводит политику на сближение с Азербайджаном, то азербайджанские власти придерживаются весьма умеренного курса, который поддерживается и международными миссиями. Соответственно, если рассматривать защиту детей как исключительно светский институт, а воздействие на общественное мнение посредством темы детства – как весьма действенный инструмент, то последовательное развитие международных проектов в этой сфере можно считать одним из направлений поддержки прозападного не фундаменталистского паттерна поведения столь стратегически важной для Запада страны, как Азербайджан.

Несомненно, политическое устройство современного Азербайджана, отличающееся высокой централизацией системы управления и значительной ролью исполнительной власти, непосредственно влияет на распространение служб в регионах и развитие местных инициатив, которые остаются не вполне представленными. Так, большинство служб, которые и составляют современную альтернативу общественному воспитанию, сосредоточены в крупных городах, тогда как в сельской местности, в которой и проживает основная часть детского населения, инфраструктура развита намного слабее. Тем не менее действенность служб определяется не только типом их организации и устойчивостью сети, но и комплексом тех идей, на основе которых данные специалисты и команды осуществляют свою деятельность.

Движущие силы: идеи и ценности

Какие идеи и представления о должном соотносятся со столь разнонаправленными макроэкономическими и политическими факторами? Ответ на этот вопрос дать сложнее, чем проанализировать значение тех движущих сил, которые по классификации Остнер и Матцке (Mätzke, Ostner 2010) можно отнести к материальным движущим силам макроэкономики и политики. Несомненно, представление о ребенке в современном публичном дискурсе опосредовано вполне разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, последние десятилетия происходит реставрация традиционных ценностей, которые скорее, закрепляют статус ребенка как неотъемлемой части семьи, чем индивида, наделенного правами. Эта тенден-

ция вписывалась в развитие той стратегии борьбы с нищетой, которая отличала Азербайджан в начале 2000-х гг.: когда семьи становились производственными ячейками, в которых дети практически наравне со взрослыми участвовали в производстве.

Прямым подтверждением того, что защита детей остается по преимуществу продуктом преиндустриального дискурса, становится и практика помещения детей в систему общественного воспитания: изучение состава тех, кто оказался там, указывает на то, что более двух третей были помещены по согласию родителей в силу бедности семьи. Около 20% детей было оставлено их родителями по той же причине. Таким образом, общественное воспитание по преимуществу выполняет ту функцию, которая была ему предписана в период ранней индустриализации в странах Европы – социализация детей вне семьи. С другой стороны, влияние международных организаций содействует распространению тех ценностей, которые существенно отличаются как от прежнего советского подхода, так и от традиционных норм. Реализуемые проекты ориентированы на введение в обиход более утонченных критериев безопасности ребенка (например, не только физической, но информационной и психологической) и распространения практик, которые бы наделяли ребенка как правами, так и доступом к их обеспечению.

Современное положение детей в Азербайджане располагает к многочисленным и разнообразным конфликтам между этими установками. Так, вопрос об участии детей в семейном предприятии вызвал многочисленные дебаты, например, считать ли занятость детей на плантациях табака эксплуатацией. Отношение к ребенку как к собственности в сочетании с нищетой значительной части населения становится той комбинацией факторов, которая обуславливает трафик детей, особенно девочек, в соседние Турцию и Арабские Эмираты. Еще более ожесточенными были дискуссии относительно мер по минимизации практики насильственного брака девочек до 17 лет: под давлением международных организаций в 2010–2011 гг. был принят пакет мер, который включал и возможность уголовного преследования родителей, которые выдавали своих несовершеннолетних дочерей замуж (Zarbaliyeva 2011).

В значительной мере конфликт установок в отношении детства подобен тем конфликтам, которые случаются в странах Африки и Азии, когда привычные для регионов социальные паттерны входят в противоречия с предписаниями международных организаций. Однако в Азербайджане сторонники традиционного дискурса опираются в его легитимизации и на противопоставление советского «непра-

вильного» дискурса семьи и традиционного «правильного». Представление о должном, которое продвигают международные организации, позиционировалось как противоположное советскому наследию, особенно в части представления о том, что доминирование общественного воспитания есть наследие советского периода. Вместе с тем международные нормы о должном противопоставлены традиционным подходам. Таким образом, дискурсы, которые во многих странах остаются альтернативными, но не взаимоисключающими, в Азербайджане оказываются в ситуации конфликта.

Проблема бездомных несовершеннолетних представляет иной тип конфликта, противопоставляющего дискурс контроля дискурсу гуманистического отношения. Данные о том, сколько детей не имеет дома, варьируются от одной до трех тысяч человек. Глубинные интервью с этими подростками указывают на то, что основным источником становится бегство из дома и принуждение к бродяжничеству как способу пополнения дохода семьи. Служб, которые бы оказывали поддержку этой целевой группе, немного, и их усилий недостаточно – действует несколько частных приютов, тогда как на государственном уровне ответственность за работу с бездомными несет Министерство внутренних дел, основной мерой которого остается заключение подростков под стражу и их дальнейшее размещение в спецучреждения. Опрос среди бездомных подростков показал, что более трети считает полицейских большей угрозой их безопасности (UNICEF 2008). Косвенно о проблеме жестокого обращения с этой категорией свидетельствует и специальная норма, закреплённая в Уголовном кодексе Азербайджана, которая запрещает физическое наказание и бесчеловечное обращение с несовершеннолетними, заключёнными под стражу (UNICEF 2008).

Вместе с тем и правительство начинает вырабатывать свою программу действий в ориентации на определенные идеи, которые вписываются в индустриальный дискурс детства – основным доводом в пользу разработки специальных системных мер поддержки детства становится указание на убытки, которые несет государство в результате фрагментарности проводимой политики защиты детей. Эти доводы были поддержаны и международными организациями, которые провели в период с 2009 по 2011 гг. исследования в сфере общественного здоровья. Было определено, что детская смертность и дефицитное развитие приводит к утрате значительных средств и что своевременное обеспечение потребностей ребенка становится не только выгодной инвестицией, но и способом экономии (Feltham 2009).

Рост благосостояния на фоне роста цен на энергосберегающие ресурсы содействовал тому, что правительство страны стало рас-

смагивать детство как сферу инвестиций: в 2007 г. официально было предложено мотто для ребрендинга социальной политики, в том числе и в сфере детства: «От черного – к золоту». Современные дети стали позиционироваться как поколение, на которое будет возложена миссия диверсификации экономической активности Азербайджана в последующие десятилетия (Feltham 2009: 4). Будет ли защита детей и в Азербайджане переходить от фамилиалистского профиля к наталистскому, станет ли ребенок отдельным субъектом и объектом политики – ответы на эти вопросы зависят не только от политических решений относительно имеющихся ресурсов. Решающим остается позиция экспертного сообщества – специалистов, которые непосредственно реализуют в своей практике те или иные представления о ребенке и его правах.

Изучение компетенций специалистов относительно норм, регулирующих ситуации насилия против ребенка, показало, что персонал обладает знаниями относительно правовых норм, регулирующих защиту детей, при этом знание международных стандартов существенно превосходило знание национального законодательства и ведомственных предписаний (UNICEF 2008). Если специалисты и знали, что делать нельзя, то представления о том, каким образом они могут быть призваны к ответственности в случае нарушения прав ребенка в соответствии с нормами национального права, практически не имели. Тем более специалисты, по словам воспитанников, не могли в должной степени информировать их о том, как вести себя в ситуации домашнего насилия. Из этого следует, что эффективность действующей системы норм права в отношении детей недостаточна, а позиция специалистов относительно действующих норм индифферентна.

Насколько компетенции по поводу международных регуляций, которыми специалисты обладают, становятся регуляторами их профессионального поведения? Исследование установок специалистов относительно критериев вмешательства в дела семьи и приоритетов в обеспечении прав ребенка указало на упрощенные подходы, которыми оперируют педагоги и сотрудники специальных комиссий при оценке безопасности ребенка и автономии семьи (Mammadzade 2011). Безопасность ребенка по преимуществу определялась в контексте преиндустриального подхода, а автономия семьи посредством указания ограниченного набора ситуаций, при котором возможно вмешательство в ее дела. Подавляющее большинство специалистов отдадут предпочтение обеспечению здоровья (порядка 88%), образования (82%) и социальной защиты (73%) как основным задачам системы защиты прав ребенка, тогда как права относительно участия ребенка в принятии решений и права

быть услышанным подчеркиваются незначительной частью респондентов (порядка 10%). Оценка респондентами различных регуляций Конвенции о правах ребенка указывает на то, что комплексные критерии понимания безопасности ребенка, основанные на признании активной роли самого ребенка и принятии его позиции как субъекта права, не разделяются: почти все указали на такую норму, как запрет дискриминации и право на защиту в ситуации угрозы жизни и здоровью.

Конструирование респондентами ситуации, при которой службы могут вмешаться в дела семьи было угрозой жизни ребенку (73%) и бедностью семьи (44%). Иные ситуации, например, по запросу родителя или ребенка, практически не рассматриваются службами. Еще одним индикатором доминирования преиндустриального дискурса становится уверенность более двух третей респондентов в том, что государство становится ответственным за ребенка только в случае отсутствия у ребенка родителей. Менее трети специалистов было готово признать, что и в других ситуациях может потребоваться интенсивное вмешательство в дела семьи, направленное на ограничение прав родителей.

Как оценивать публичный дискурс ребенка и детства в современном Азербайджане? Считать ли очевидное сосуществование дискурсов, типичных для протоиндустриального, индустриального и постиндустриального периодов, отличительной чертой современной ситуации? Или, как и многие другие страны, Азербайджан демонстрирует то многообразие дискурсов, которое и определяет специфические проблемы легитимизации вмешательства в дела семьи – когда публичное мнение придерживается традиционных предсоциологических представлений о приоритете семьи, а службы настаивают на возможности контроля за семьей? Думается, что ситуация в Азербайджане все же отличается от пробелов легитимизации международных регуляций в странах Восточной Европы и европейской части бывшего СССР, – поскольку основным вопросом становится не *Кто обладает большей властью над ребенком: семья или профессионалы*, а скорее, *Кого считать ребенком*. Соответственно, если исходить из международных регуляций как источников легитимизации – в первую очередь действий власти на национальном уровне, то кейс Азербайджана интересен с точки зрения выработки методологии оценки участия наднациональных акторов в развитии социальной сферы страны, которая отличается множественной итерацией конфликтов между различными дискурсами детства.

Международные регуляции и их двойной статус

Отношение к международным регуляциям прав ребенка варьируется от упования на их магическую силу, особенно в защите от произвола государства и общественного мнения, до сведения их роли к минимуму и даже признания скорее негативного влияния как пустой риторики, которая не определяет действия. Будучи мягким законодательством, международные регуляции зависимы от того, кто и как их использует. Если отличительной чертой устройства современного общества становится транзиторность, которая «преобразует каждую биографию в уникальную последовательность событий, заточенную под приоритеты индивида» (Verschraegen 2002: 269), то регуляция общественной жизни не может обходиться исключительно объективистским правом, которое предписывает обязанности и права в соответствии с единственной социальной ролью или непротиворечивой констелляцией таких ролей. В приложении к правам ребенка эта позиция реализуется в различении двух статусов ребенка, становящегося (обладающего обязательствами) и живущего сейчас (обладающего правом на автономию) (Jenks 1998; Lee 1996).

Различение статусов ребенка следует экстраполировать и на роли тех, кто заботится о ребенке и воспитывает его: ведь они также имеют обязательства по отношению как к становящемуся ребенку, так и к живущему. И в первую очередь именно те, кто погружен в рутину детско-родительских отношений и решает почти ежедневно дилемму между двумя статусами родителя как посредничающего между ребенком и обществом и как поддерживающего автономию ребенка. Соответственно, и специалисты, которые принимают судьбоносные решения относительно статуса ребенка и его помещения в ситуации кризиса, также сталкиваются с необходимостью взвесить ущерб ребенку становящемуся или ребенку живущему. Таким образом, понимание защиты детей как практики, разрешающей конфликт между статусами ребенка, обосновывает плюрализм подходов и технологий как основу действенной защиты детей.

Невозможность универсализировать решение вопроса о приоритете статусов ребенка располагает искать баланс относительно каждой ситуации. Ключевым условием соблюдения такого баланса становится многообразие акторов, участвующих как в исследовании, так и в практике защиты детей. Участие разных экспертных мнений содействует состязательности процедуры принятия решений, а обеспечение доступа родителей и детей к такой процедуре придает непосредственный смысл плюрализации экспертного сообщества, которое может представлять разные позиции и доказывать приоритет того или иного статуса ребенка относительно конкретной ситуации.

Национальное законодательство ни одной страны не может в полной мере обеспечить решение такой задачи, поскольку национальное законодательство в первую очередь ориентировано на обеспечение безопасности (Archard 1996). В соответствии с этой логикой понимания статуса ребенка и тех, кто заботится о нем, международные регуляции обладают уникальными возможностями представлять модель баланса интересов и статусов. Соответственно, и имплементация международного права состоит не только и не столько в инфильтрации национального права международными нормами, но и в обеспечении таких процедур принятия решений, при которых международные нормы становятся таким же полноправным источником права, как и национальные (например, судьи, адвокаты, специалисты социальных служб обращаются к международным нормам при обосновании своей позиции).

Что становится продуктом деятельности международных организаций, которые регулируют сферу прав человека? Создание определенных институтов или насыщение деятельности существующих институтов новыми критериями? Можно говорить, что уникальным статусом международных организаций, которые регулируют права ребенка, становится институционализация определенных критериев – плюрализация представлений о правах ребенка как основы разрешения конфликта между двумя статусами ребенка, становящегося и живущего. К таким регуляциям в первую очередь следует отнести Конвенцию ООН о правах ребенка (1989), отражающую весь предыдущий ход формирования международных регуляций прав детей, которые стали складываться с 1946 г. – момента принятия Декларации по правам ребенка. Современные критерии благополучия ребенка определяются в рамках идеи баланса власти (полномочий) родителей, институтов вмешательства в жизнь семьи и ребенка, а также самого ребенка, за которым признается как право высказаться, так и право участвовать в принятии решения (см. рис.).

Концепт власти (*power*), который вводится Конвенцией, релевантен задаче определения баланса интересов и представлений о воспитании ребенка, а также современному принципу разделения ответственности между службами и семьей за воспитание ребенка. Ориентация на легитимизацию как власти каждого из акторов, так и необходимости их взаимодействия, обуславливает значительное внимание к проблеме взаимодействия акторов в ситуации конфликта интересов или существенной разницы в интерпретации интересов ребенка. Власть родителей и законных представителей легитимизируется комплексным пониманием семьи как среды, которая естественна для развития ребенка. Семья определяется как та среда, ко-

торая требует как защиты, так и поддержки со стороны институций. Институции рассматриваются как агенты интеграции ребенка в общество и как гаранты обеспечения прав и потребностей ребенка, соответственно, сам ребенок позиционируется как индивид, который обладает тем же набором прав, что и любой другой индивид.

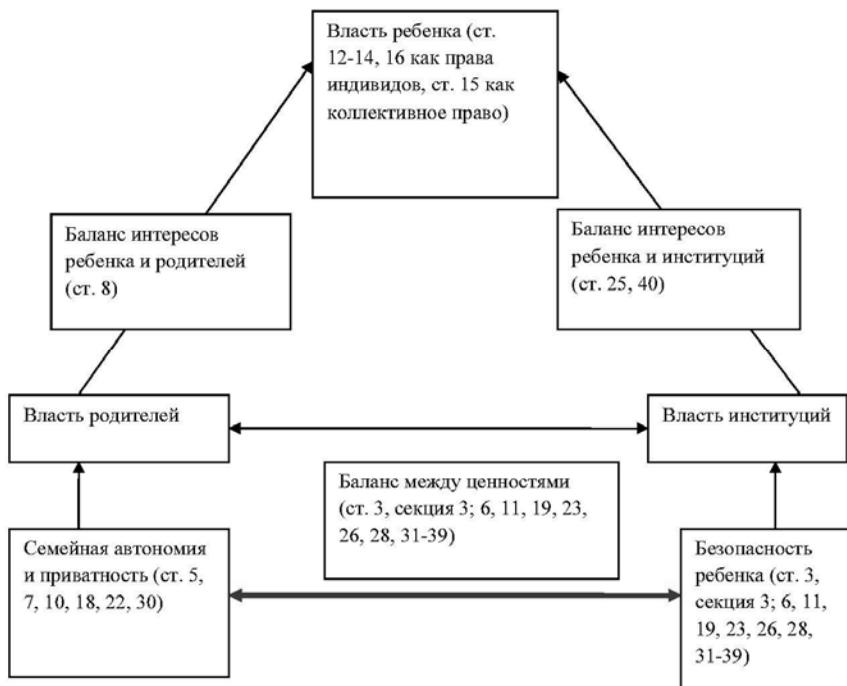

Рис. Критерии оценки ситуации жизни ребенка в соответствии с Конвенцией ООН о правах ребенка

Идеологическую основу баланса составляет дилемма «безопасность ребенка и частная жизнь (автономия) семьи», благополучное решение которой становится основой баланса власти. Конвенция, как и многие документы, оперирует разнообразным выбором критериев и индикаторов безопасности ребенка – от условий обеспечения витальных потребностей до гарантий психологической безопасности в разных жизненных обстоятельствах ребенка. Вместе с тем Конвенция подчеркивает и значение автономии семьи как неперемennого условия ее функционирования. Баланс власти ребенка, институций и семьи достигается при условии возможности представить свое мнение и участвовать в принятии решения.

Эффективная защита детей разрешает конфликт между безопасностью ребенка и автономией семьи за счет достижения баланса власти ребенка, родителей и служб. Такой подход позволяет принять конфликт между базовыми ценностями защиты детей и соответствующую противоречивость Конвенции скорее как позитивный вызов, требующий разнообразных усилий, а не ограничений. Кроме того, данный подход предоставляет перспективный набор критериев к оценке применения международных норм там, где с равно высокой интенсивностью нарушаются и право ребенка на безопасность, и право семейного окружения, и право самого ребенка на частную жизнь и автономию.

Как чрезмерные надежды на международное право, так и его отрицание становятся двумя сторонами одного и того же приоритета буквального понимания права и пренебрежения его интерпретацией. Этот профиль отношения можно считать непосредственным наследием социалистического периода с его доминированием позитивистского права, которое соответствовало авторитарному устройству социальной и политической жизни. В совокупности с ограниченным плюрализмом мнений относительно защиты детей упрощенное отношение к международным регуляциям прав детей становится тем феноменом бывших республик СССР, изучение которого проясняет причины столь устойчивого провала попыток реформ в сфере защиты детей и стратегий оптимизации.

Международные регуляции защиты детей в Азербайджане: принуждение к упрощенности

Представляется, что в современном Азербайджане присутствует еще один фактор ограничения роли международных организаций – необходимость противостоять не более упрощенному представлению о защите детей, как, например, в странах Центральной Европы, но отсутствию идеи особенности ребенка и детства. Проблема имплементации прав ребенка там, где из-за габитуса жизни собственно детство не имеет того специфического западного статуса – в Африке, Азии, ставит вопрос о том, а как корректно применять международные нормы в таких условиях (Cunningham 1995). Если ребенок не играет, а работает, не учится, а участвует в заботе о других членах семьи – означает ли это, что у него нет детства? Эксперты, критически настроенные относительно универсализации норм детства, указывают на то, что натурализация детства – когда им считается только такая организация жизни ребенка, при которой он ходит в школу, играет и находится всецело под опекой взрослых, самым пагубным

образом влияет на понимание проблем и запросов детей из малообеспеченных регионов или социальных групп (Pout 2005: 41). Вместе с тем за все время локальных и централизованных трансформаций в Азербайджане так и не сложилась «своя» система сервисов, которая бы занималась профилактикой и помощью детям и семьям, адекватными культурным особенностям. Этот вызов существенным образом корректирует приоритет деятельности международных организаций, которым становится безопасность ребенка.

Один из наиболее масштабных проектов по мониторингу состояния детей был осуществлен в 2006–2007 гг. Он был направлен на выявление как типичных форм насилия над детьми, так и существующих ресурсов профилактики домашнего и институционального насилия. Анализируя существующие правовые нормы и отношение к проблеме насилия среди детей и взрослых, эксперты пришли к выводу, что имеет место разнообразное и масштабное насилие над детьми как в семье, так и в учреждении. Исследователи также отметили, что данная проблема существует латентно (UNICEF 2007). Так, в правовых нормах концепт насилия, по мнению экспертов, применяется неоправданно широко в Уголовном кодексе разные статьи относят к насилию и эксплуатацию, и пытки, и рабство, и принуждение к аморальным действиям, что не способствует спецификации ответных мер (UNICEF 2007).

Если в так называемых WENA-странах (Western Europe and Northern America) многообразие форм устройства ребенка рассматривается как адекватный ответ на невозможность выстроить универсальную форму воспитания, то в Азербайджане устройство ребенка представлено двумя крайними полюсами, семья или институт, тогда как промежуточные формы устройства ребенка практически не развиты. Вместе с тем и семья не может считаться безопасной средой – практики физического наказания, эксплуатации, вовлечения ребенка в криминальную деятельность остаются по преимуществу вне зоны внимания служб, а дети существенно ограничены в возможности противостоять такому отношению.

Изменение количества детей в учреждениях общественного воспитания указывает на то, что для детей-инвалидов и детей, находящихся в конфликте с законом, устройство в интернаты остается основной формой решения вопроса заботы о них. Так, количество воспитанников интернатов для детей с умственной инвалидностью, как и число самих интернатов, не уменьшается и остается на уровне 300 человек. Доля детей с физической инвалидностью, помещенных в учреждения постоянной заботы, уменьшилась незначительно с 3324 в первой половине 2000-х гг. до 2700 во второй. Родители де-

тей-инвалидов мотивируют решение поместить их ребенка в учреждение тем, что это единственный способ дать ему образование.

Не доминирование общественного воспитания, а не развитость семейного устройства остается одной из проблем защиты детей: если в 2008 г. в учреждениях находилось более 16 000 детей, то под опекой родственников – всего лишь чуть более шести с половиной тысяч, а усыновлено внутри страны около 12 тысяч. Неродственная опека и патронат остаются практически неосвоенными стратегиями устройства детей. Два детских дома семейного типа действуют с недавнего времени в Баку и Гяндже, каждый может принять до 60 детей, однако пока там находится менее 30 детей.

Сопоставление того, как обеспечены условия устройства в заещающие семьи с устройством в учреждения, показало, что альтернативы помещению в институты не обеспечены ни финансовыми, ни правовыми, ни культурными условиями. План деинституционализации делал ставку на реинтеграцию ребенка в семью, что предполагало работу как с семьей, так и с ребенком, однако данная опция не могла быть реализована в силу фрагментарности служб местного сообщества, а предварительная оценка возможностей прямого финансирования семьи, готовой воссоединиться с ребенком, указала на несостоятельность социальной инфраструктуры.

Случаи реинтеграции ребенка, помещенного в учреждение, в биологическую семью, исчисляются несколькими десятками, и обычно дети проводят от 5 до 10 лет в учреждении после изъятия из семьи (Saydov et al. 2008: 12). Вместе с тем все учреждения общественного воспитания расположены в трех крупнейших городах страны, и возможность для детско-родительской коммуникации остается более чем минимальной, что частично объясняет невозможность обеспечения реинтеграции.

В 1999 г. был принят специальный Закон о социальной защите детей, оставшихся без попечения родителей, а соответствующая программа Министерства образования по деинституционализации начала действовать с 2006 г. Задачей программы стала трансформация 55 учреждений общественного воспитания в центры инклюзивного образования, дневного пребывания, лицей и их интеграция в местные сообщества (UNICEF 2010). Только пяти учреждениям на момент подведения промежуточных результатов программы в 2010 г. удалось этого добиться. Развернутый отчет одного из таких интернатов в Зардаби (UFAA 2007) стал функционировать как основа для деятельности и других учреждений, однако этот опыт оказался практически уникальным и зависимым от конкретных специалистов, реализовавших данный проект (UNICEF 2010).

Выводы

Планировать реформу защиты детей можно только при учете многообразия ее движущих сил, что подтверждается и азербайджанским кейсом. Стабильное интенсивное развитие агропромышленного комплекса становится ключевым фактором трансформации отношения к детям, которые перестанут рассматриваться как неотъемлемый элемент семьи-производства. Если продолжится минимизация потребности в рабочей силе и возрастет спрос на более образованных и подготовленных работников, то можно ожидать стремительного распространения того индустриального дискурса детства, который типичен для стран, переходящих от протоиндустриального к индустриальному устройству жизни. Тем более эта тенденция будет согласовываться с общей направленностью государственной риторики. Неизбежным станет отделение детей от семей в пользу институтов, и если не будет развита система заботы микросообщества, то, скорее всего, практика институционализации детей только укрепитя. В силу декларативности и неопределенности национального законодательства международные нормы вынужденно функционируют как источник объективного права и критериев оценки ситуации. Фактически о роли международных регуляций можно говорить как о заложнике того вакуума представлений и служб, которые характерны для Азербайджана. В сложившейся ситуации международные регуляции утрачивают свою наиболее привлекательную черту – способность генерировать многообразие мнений и плюрализировать публичный дискурс. Всемирно известный эксперт в области международного права Розалин Хиггинс (Rosalyn Higgins) в своей лекции, прочитанной в Гаагской Академии, подчеркнула, что международное право не свод правил, но процесс интерпретации глобальных стандартов в контексте определенной ситуации. Именно этот процесс и придает международным регуляциям их силу – трансформировать позиции акторов и их взаимодействие.

Список источников

- Archard D.* Children, Rights, and Childhood. London: Routledge, 1996.
- Cunningham H.* Children and childhood in Western Society since 1500. London and New York: Longman, 1995.
- Feltham A.* Strengthening Child-Centered Social Protection. United Nations Children's Fund Azerbaijan Country Office, 2009.
- James Al., Jenks Ch., Prout Al.* Theorizing Childhood. Cambridge: Polity Press, 1998.
- ILO.* Work and Family Relations in Azerbaijan. Geneva, 2010.

Klaveren M., Tijdens K., Hughie-Williams M., Martin N. An Overview of Women's Work and Employment in Azerbaijan. University of Amsterdam / Amsterdam Institute for Advanced Labour Studies (AIAS), 2009.

Lee N. The Challenge of Childhood: Distributions of Childhood's Ambiguity in Adult Institutions // *Childhood*. 1996. November 6. P. 455–474.

Mammadzade M. The State, the Family and the Child: Child-Care Reform in CIS countries Example of Azerbaijan. Dissertation on award of Master of Advanced Studies in Children's Rights. Fribourg: Institute of Kurt Bosch, 2011.

Mätzke M., Ostner I. Introduction: Change and Continuity in Recent Family Policies // *Journal of European Social Policy*. 2010. № 20. P. 387–398.

Pout A. The Future of Childhood. London: Routledge, 2005.

Saydov N., Mammadova F., Huseynova I. Status of Children Azerbaijan: Children without Parental Care or at Risk Losing Parental Care. Baku: Association of SOS-villages, 2008.

Shikhaliyev K., Ismayilzada O., Khalilov O. Agricultural Sector of Azerbaijan – Overview and Analysis. Tbilisi: International school of economics, 2010.

UAFA. Trialing Gate-Keeping Systems in Azerbaijan: Zardabi internat Guba, 2010.

UNICEF. Keeping Us: a Rapid Assessment of Violence in Azerbaijan's Schools, State Childcare Institutions and Facilities for Children in Conflict with the Law. Baku, 2008.

UNICEF. The Child Protection System in Azerbaijan: Situation Analysis Baku, 2007.

UNICEF. The Azerbaijan State Program on Deinstitutionalization and Alternative Care. The transformation plan 2006–2015. Baku, 2010.

Verschraegen G. Human Rights and Modern Society: a Sociological Analysis from the Perspective of Systems Theory // *Journal of Law and Society*. 2002. Vol. 29. № 2. P. 258–281.

Zarbaliyeva K. Parents Violating their Children's Rights May be Prosecuted in Azerbaijan. 2011 // <http://en.trend.az/news/society/1850698.html> (дата обращения 21.10.2013).

Неформальная опека: (не)признанная стратегия совладания с рисками миграции в Литве

Ирена Лелиюгиене, Ангеле Каушилиене

В главе рассмотрена связь эффективности системы защиты детей в Литве с необходимостью разрешать проблемы, возникающие в связи с миграцией и получившей распространение практикой неформальной опеки. Как и многие другие страны постсоветского пространства, Литва формирует защиту детей на основе приоритизации задачи контроля над родительством. Задача работы состоит в последовательной аргументации того, что данный подход становится источником многочисленных рисков в решении проблем помощи семьям и детям – совмещая перспективу потребностей ребенка и потребностей неформальных опекунов, авторы аргументируют ограниченность сложившихся подходов в литовской системе защиты детства.

Трудовая миграция на постсоветском пространстве

Во многих странах постсоветского пространства (а также Центральной и Южной Европы) трудовая миграция стала одним из определяющих факторов если не политики в сфере семьи и детства, то паттернов супружеских и детско-родительских отношений. Все больше исследователей склоняется к необходимости вводить в обиход социальной политики концепт «транснациональная семья», ко-

гда члены семьи проживают в разных государствах, однако их связи и взаимные обязательства сохраняются и даже усиливаются. Такая семья отличается, с одной стороны, высокой нагрузкой на всех ее членов, поскольку существенно ослабляет возможность внешней помощи – со стороны служб и микросообщества. С другой стороны, транснациональная семья сталкивается и с новыми проблемами, которые требуют больших усилий для их разрешения (Scherlock 2009).

Временное раздельное проживание супругов и родителей с детьми существенно ухудшает качество заботы и усугубляет другие тенденции, которые принято соотносить с рисками для демографической ситуации: увеличение разводов, рождение детей в незарегистрированных партнерских отношениях, уменьшение доли семей с двумя и большим количеством детей. Изменяется характер межпоколенных отношений – хотя бабушки и дедушки чаще остаются предоставленными сами себе, возрастает и нагрузка на их участие в воспитании внуков. Исследования транснациональной семьи убеждают в том, что экономические и психологические факторы детерминируют комплексные и весьма амбивалентные последствия миграции: распространенное сочетание улучшения экономического положения семьи сочетается с ограничением социального капитала и разнообразными психологическими проблемами (Mazzucato, Schahs 2011). Практика транснациональной семьи актуализирует вопрос о вкладе культурных предписаний относительно устройства семейной жизни. Те, кто исследует адаптацию внуков и прародителей в ситуации неформальной опеки, подчеркивают необходимость пересмотра таких категорий, как привязанность (Malinauskas 2011), психологическая стабильность (Botcheva, Feldman 2004).

Внутренняя миграция в ЕС определяется как одна из стремительно распространяющихся стратегий совладания с бедностью, безработицей и неравенством и вместе с тем как свидетельство того, что государственная политика занятости и экономического развития оказывается не вполне способна регулировать дисбаланс трудовых ресурсов и возможности занятости (Tiongson et al. 2007). Все чаще миграция рассматривается как социальная катастрофа, и перед государственной политикой ставится задача минимизировать ее последствия. Несмотря на разнообразие стратегий государств ЕС справиться с вызовами миграции, общей тенденцией становится минимизация участия принимающего государства в решении социальных проблем мигрантов. Основным доводом становится очевидная рыночная природа явления миграции, соответственно, и положение основной части мигрантов должно отдаваться на откуп рыночным

механизмам (Bader 2012: 1170). Иллюзия возможности выработать стратегию, при которой выиграют все, уступает место политике ужесточения контроля за потоками мигрантов (Bader 2012: 1172).

Миграция продуцирует значительное число рисков относительно нарушения прав человека – в первую очередь прав на уважение частной и семейной жизни (воссоединение с семьей в контексте разницы статусов членов семьи) и на труд (Scherlok 2009). Широкий спектр социальных явлений – от неформальной опеки над детьми, чьи родители уезжают на заработки, до траффика и эксплуатации – формирует повестку социальной политики в контексте проблемы миграции. Глобализация цепочки заботы рассматривается как главное следствие трудовой миграции – кто бы ни уезжал из семьи «на заработки»: отец, мать или сам ребенок, семья отдает определенную, а часто значительную часть своего ресурса заботы вовне практически без возможности восполнить этот пробел (Ackers, Stalford 2004). Одной из основных тенденций справиться с проблемой становится опора на неформальные сетевые ресурсы. Такие стратегии, как интенсификация местного сообщества, активизация родственников и близкого окружения, все чаще рекрутируются и профессиональными социальными работниками для восполнения утраченного ресурса в странах с высоким показателем миграции. Программы интеграции мигрантов начинают рассматриваться как устойчивый элемент долгосрочной политики принимающих стран. Вместе с тем и страны, которые остаются по преимуществу «донором» рабочей силы, все чаще заявляют о необходимости выработать систему регуляторов, в том числе и относительно системы социальной защиты – для решения проблем, связанных с миграцией (Bader 2012). Одним из элементов таких программ становится пересмотр отношения к родственной опеке – распространенной практики заботы о ребенке, которая отличается весьма двойственным статусом в современном представлении о должном устройстве семьи.

Неформальная опека: вызов или недооцененный ресурс заботы о ребенке

Исследования различных форм участия бабушек и дедушек в жизни внуков указывают на рост значения родителей родителей как в развитых странах, так и в странах, которые относят к основным донорам рабочей силы: Латинской Америки, постсоциалистического пространства. Усиление активности прародителей оценивается от 10 до 20% по сравнению с 1980-ми гг. (Letiecq et al. 2008: 995). Данная тенденция связывается в первую очередь с пробелами действующей системы обеспечения прав детей и потребностей семей: например,

разнообразными ограничениями доступа к дошкольному образованию; недоверием родителей системе защиты детей и готовности перепоручить ребенка родственникам; недостатками интеграции женщин в сферу занятости, когда единственно доступной формой помощи семье остается неформальная опека над детьми.

Опека со стороны бабушек и дедушек становится основной стратегией, оставаясь неформальной, когда фактически родители родителей выполняют функции опекунов без их статуса и поддержки со стороны служб. Исследования свидетельствуют о том, что данная распространенная практика характеризуется рисками усиления неравенства и стигматизации как детей, находящихся в неформальной опеке, так и самих опекунов. Как показал Уолл (Wall et al. 2001: 223), в странах Центральной и Южной Европы возможность помочь зависит от уровня образования и социального статуса прародителей. Чаще всего родственная опека (kinship care) осуществляется бабушками, которые имеют образование и определенный социальный статус. Соответственно, в сельской местности такая стратегия представлена гораздо реже, что опровергает распространенное буколическое представление о традиции взаимной поддержки на селе. Недостаток ресурсов прародителей приводит и к тому, что неформальная опека оказывается неустойчивой формой, а ребенок часто помещается в учреждение общественного воспитания (Ackers, Stalford 2004). Однако в крупных городах именно забота бабушек (по преимуществу) становится одной из основных форм воспитания детей в районах, которые отличаются внутренней стратификацией среди мигрантов (Wall et al. 2001).

Еще одним источником усиления неравенства становится отношение окружающих к неформальной опеке со стороны родственников – опросы среди детей и подростков, воспитывающихся бабушками и дедушками, свидетельствуют о том, что только в случае смерти родителей дети готовы открыто делиться своим прошлым, но в случае временного отъезда родителей стараются скрыть от служб опеку со стороны родни (Farmer et al. 2013). Стремление скрывать от сверстников «особенность» устройства своей жизни обусловлено восприятием родственной опеки как «неполноценного родительства». Стигматизация ребенка по признаку того, кто его воспитывает, приводит к существенному ограничению круга близких друзей и дефициту коммуникации у детей под опекой бабушек и дедушек (Farmer et al. 2013: 29–30). Несмотря на удовлетворенность детей тем, как их воспитывают, многие из них считают, что учителя и сверстники к ним относятся менее справедливо, чем к детям из «обычных» семей. Опека со стороны родственников часто воспри-

нимается как вынужденная мера, которая связана с неблагоприятным поведением родителей ребенка, оказавшегося под опекой родни. Такая коннотация опеки порождает существенные барьеры в коммуникации опекунов и служб, которые могут рассматривать опекуна как не вполне состоятельного претендента на роль законного представителя ребенка (Letiecq et al. 2008).

Изучение опыта взросления в опекунской семье подтверждает иной сценарий, ориентированный на раннюю эмансипацию ребенка и освоение роли самостоятельного человека, принимающего на себя весь объем решений. Стремительное старение опекуна (например, болезнь бабушки) и неустойчивое экономическое положение такой семьи вынуждают ребенка как можно быстрее «становиться на ноги». Часто именно этот сценарий становится источником ограниченной инклюзии и лимита социальной мобильности ребенка, который вместо продолжения учебы выбирает работу (Pantea 2011).

Родственная опека остается и вызовом для самих опекунов, которые сталкиваются с комплексом весьма амбивалентных отношений и переживаний: чувство вины перед внуками, проверка «на прочность» способности к безусловному принятию взрослых детей, совмещение ролей с весьма различным набором ожиданий (квази-родитель, традиционный прародитель). Длительная опека со стороны бабушек и дедушек все чаще описывается психологами как prolonged состояние транзита: от одной социальной роли к другой, от одного социального статуса к другому (Botcheva, Feldman 2004). Ощущение временности их положения и неясные перспективы относительно будущего усиливают фрустрацию, а ограниченный доступ к помощи в силу как неформального статуса, так и многочисленных пробелов в технологиях работы с опекунской семьей усугубляет ситуацию (Malinauskas 2011).

Вместе с тем в большинстве стран опека со стороны родственников остается наиболее приоритетной формой устройства ребенка при невозможности сохранения родительской семьи. Однако легализация и поддержка опекунов-родственников становится одной из наиболее острых проблем как для развитых стран, так и для стран с менее устойчивой социальной и экономической ситуацией. Вопрос о том, как formalize неформальную опеку, рассматривается с точки зрения дилеммы права на частную жизнь и безопасности ребенка. В законодательстве многих стран бабушки и дедушки не имеют статуса и должны проходить ту же процедуру признания их права быть законным представителем ребенка, как, например, и патронатные родители. Доступ к различным формам поддержки опекунов-родственников получают только при условии прохождения

специальной подготовки, тождественной подготовке патронатных родителей. При этом многие страны не допускают получения всего объема денежной помощи опекунами-родственниками.

Гибкий подход к легализации родственной опеки представлен в ряде штатов США: если в течение 6 месяцев осуществляется забота о ребенке, то опекун получает официальный статус без судебных проволочек (Simpson, Lawtence-Webb 2009). Анализ действующей системы поддержки семей и детей показывает, что чем менее централизован подход к оказанию помощи, тем больше шансов и у неформальной опекунской семьи получить помощь и не стать жертвой чрезмерного контроля (Simpson, Lawtence-Webb 2009).

Конфликтный статус родственной опеки как вынужденной меры и как наиболее желанной (и с точки зрения экономии средств – по сравнению с патронатом или общественным воспитанием, и относительно такого критерия как сохранение эмоциональных связей) затрудняет выработку устойчивой стратегии взаимодействия специалистов и опекунов. Например, вопрос о возможности комбинировать опеку и временное размещение ребенка в общественном воспитании решается много сложнее, чем в ситуации патронатного воспитания или при воспитании биологическими родителями (Letiescq et al. 2008). Несомненно, возможность обустроить такую форму, как родственная опека, прямо зависит от общего уровня институционального обеспечения защиты детей: разнообразия системы поддержки семьи, налаженной взаимосвязи между социальными, образовательными и медицинскими службами.

Миграция как одна из ключевых детерминант социальной политики Литвы

Даже страны – новые члены ЕС, политика которых дополняется значительной поддержкой со стороны европейских институций, затрудняются в выстраивании политики, которая бы регулировала соотношения притока капитала, развития занятости и системы вознаграждения за труд. Страны – соседи стран новых членов ЕС, например Украина, сталкиваются и с весьма ограниченным ресурсом в решении данной проблемы (Duvell 2008). Понимание трудовой миграции в Литве требует совмещения двух перспектив: постсоветской и новоевропейской – поскольку еще до вступления в ЕС в 2004 г. Литва стала одним из лидеров по количеству мигрантов, и после присоединения к ЕС проблемы миграции оставались «нагруженными» прежде сформировавшимися рисками и проблемами (Duvell 2008).

С 1990 г. из Литвы на постоянное место жительства в Западную Европу уехало порядка 615 тыс. человек, ежегодно около 35 тыс. уезжает в поисках лучшей жизни в другие страны члены ЕС (в первую очередь Великобританию и Норвегию). Если по абсолютному показателю миграции внутри ЕС лидирует Польша, Литва остается лидером по показателю доли населения, уехавшей из страны – за последние два десятилетия. Ретроспективный анализ социально-политической ситуации показывает, что история бесконтрольной приватизации в 1990-е гг. в сочетании с интенсивным включением населения в движение за независимость создала эффект утраты «говорить сильным политическим голосом», а эмиграция стала средством обретения шансов на достойную жизнь (Woolfson 2010).

В 2010 г., когда безработица достигла показателя 20% трудоспособного населения, а доля уезжающих превзошла предыдущие показатели (причем около половины моложе 35 лет), опрос среди уезжающих показал, что 85% мигрантов было более года безработными (IMF 2011). Вместе с тем данные опросов свидетельствуют о том, что не только низкая заработная плата и безработица обуславливают стабильно высокий уровень эмиграции – чувство незащищенности, низкие стандарты социальной сферы также упоминаются значительной частью тех, кто планирует искать работу в других государствах ЕС (Migration profile 2010). Состав литовских мигрантов неоднороден: значительную часть составляют молодые специалисты, не имеющие семьи (примерно в равном соотношении по признаку гендера), и более старшие люди, по преимуществу занятые в сельском хозяйстве, которые уже имеют семью и детей. Если первая группа предпочитает постоянную миграцию, то вторая – временную, когда на сезонные работы или на период до полугода уезжает отец, а часто и оба родителя (Tjongson et al. 2007).

Статистические данные показывают, что происходят не только количественные изменения – увеличивается количество мигрантов, но и значительные качественные преобразования в структуре трудовой миграции (Barcevičius, Žvalionytė 2012). Неформальная миграция, которая увеличила риски траффика женщин и несовершеннолетних в конце 1990-х и начале 2000-х, уступила место цивилизованным и легальным способам перебраться на Запад. В первую очередь соотношение между уезжающими временно и постоянно изменяется в пользу уезжающих на длительный срок, что способствует и тому, что все чаще уезжают оба супруга. Соответственно, если дети уехавших остаются в стране, то забота о них осуществляется либо родителями родителей, либо старшими детьми, либо дальними родственниками и знакомыми. С 2010 г. увеличивается и количество тех, кто уезжает вместе с детьми: несмотря на рост рождаемости с

2007 г., доля детей в структуре населения в 2012 г. уменьшилась на 14,8% по сравнению с 2007 г., и непосредственной причиной становится отъезд семей с детьми (*Socialinis pranešimas 2009–2010*). Оба тренда позиционируются экспертами, близкими к власти, как актуальные проблемы семейной и демографической политики.

Отъезд с детьми рассматривается как один из источников снижения доли детского населения: «Семьи стали эмигрировать с детьми. Если раньше они уезжали по одному – супруг(а) вначале, а потом – второй супруг(а) с детьми, то сейчас уезжает вся семья. Молодые амбициозные специалисты стараются адаптироваться к новой родине – несомненно, их дети не будут говорить по-литовски, и это приводит к огромной потере» (*Astra 2010*). Оставление детей на попечение родным и знакомым определяется как риск пренебрежения интересами и потребностями ребенка (так, только по официальным данным количество детей, переданных на опеку родственникам из-за отъезда родителей, увеличилось в шесть раз с 2001 до 2008 г.). Официальные источники стали указывать на то, что в первую очередь страну покидали «неблагополучные семьи», по выражению официальных органов, что привело к резкому снижению количества детей группы риска, стоящих на учете в социальных службах (*Vaiko teisių apsaugos 2009*).

Исследователи отмечают, что СМИ стали активно формировать негативный имидж родителей, покидающих своих детей ради лучшего устройства жизни. Так, уже с середины 2000-х гг. детей стали считать «главными жертвами» миграции (*Malinauskas 2011: 18*), а в 2010 г. появились публикации, в которых детей мигрантов, оставшихся на попечении родни в Литве, называют «сиротами при живых родителях» (*Malinauskas 2011: 18*). Ряд экспертов сходится во мнении, что отношение к опеке со стороны родственников и детям мигрантов приобрело все черты стигматизирующего отношения (*Kanopienė 2012; Malinauskas 2011: 22*). Последовательное негативное отношение к мигрантам со стороны властей, поддержанное СМИ, становится одним из значительных ограничений, по мнению ряда экспертов, в изучении практик и проблем неформальной заботы о ребенке со стороны родственников (*Malinauskas 2011: 24*).

Ренессанс участия государства в защите детей: «тройной конь» решения проблем миграции

До середины 2000-х гг. определяющим фактором литовской социальной сферы, в том числе и системы защиты детей, становится либерализация: участие государства стремительно уменьшается, а семья становится основным актором обеспечения социального

благополучия. Сокращается количество дошкольных образовательных учреждений. Ухудшается качество медицинского обслуживания, что проявляется в показателях детской и материнской смертности, средней продолжительности жизни, которая остается самой низкой среди стран – членов ЕС (Grabauskas, Kalediene 2002). Система социальной защиты перестает соответствовать проблемам и запросам (Raas et al. 2004). По сравнению с другими балтийскими государствами, Литва в период с 1996 по 2004 гг. резко снижает долю расходов на социальный сектор (Raas et al. 2004: 19). Реформа пенсионной системы и социальных пособий происходит позже, чем в других балтийских странах, а необходимость бороться с экстремальными проявлениями бедности (например, с увеличением доли бездомных с детьми) ограничивает выбор стратегий предупреждения бедности.

Вместе с тем преобразуется и ресурс межпоколенной поддержки в семье. Исследование (Kanopiene 2012) показало, что, если ценность межпоколенных связей остается незыблемой, практика коммуникации все чаще отличается дистанционными формами и все меньше – физическим контактом. Эмоциональная поддержка и финансовая помощь становятся основными формами проявления заботы взрослых детей о своих родителях, тогда как непосредственный физический контакт и участие в повседневных делах уходят на периферию. Эта тенденция становится риском, когда взаимодействие родителей и взрослых детей встроено в ситуацию родственной неформальной опеки.

С 2005 г. государство предпринимает ряд стратегических мер по оптимизации демографической ситуации, хотя система защиты детства, по мнению международных экспертов, остается ограниченной в решении задачи обеспечения потребностей ребенка. Интенсификация защиты детства, которая отличает Литву последние несколько лет, в значительной степени ориентирована на безопасность ребенка. Принимается Закон об ужесточении мер против родителей, допускающих насилие в отношении ребенка (2008). Формируется система ответственности служб за своевременное выявление детей группы риска, медикам и педагогам предписывается обязанность немедленно информировать службы о ребенке, не получающем надлежащий уход и воспитание. Одновременно происходит передача системы общественного воспитания под ответственность местного самоуправления: так, детские дома и интернаты по преимуществу переведены на финансирование регионов.

Управление системой служб по защите детства передается специальной, созданной в 2006 г. структуре – Государственному комитету по защите детей и усыновлению при Министерстве труда и социальной защиты. Вводится новый тип служб: Центр дневного пре-

бывания для детей, причем более трети таких служб открывается в сельской местности. С 2007 по 2011 г. количество служб увеличилось с 151 до 169, а также увеличилась доля служб на селе – с 32 от общего количества до 35%. В значительной степени данные службы компенсируют недостаток дошкольных учреждений, вместе с тем они начинают выполнять и комплексные функции консультирования и поддержки семей. С 2008 г. службы развивают и программы регулярных визитов специалистов в семьи. В соответствии с общеевропейской тенденцией перевода социальных служб на проектный менеджмент, службы получают финансовое обеспечение под определенный проект, который разрабатывается на основе оценки особенностей региона, актуальных проблем и ресурсов, после чего на основании оценки проекта службе выделяется финансирование на время действия проекта. Вместе с тем открытым остается вопрос обеспечения служб кадрами, рост количества не соответствует более интенсивному развитию самих служб: если в 2007 г. их общее количество составляло 612, то в 2010 г. – 629 (Lietuvos Respublikos 2010).

Динамика размещения детей с инвалидностью и подростков в конфликте с законом подтверждает неудовлетворительный уровень развития альтернатив общественному воспитанию: за период с 2007 по 2012 г. количество детей с инвалидностью до трех лет, помещенных в дома ребенка, составляет примерно 340–370 человек, в центрах социализации для подростков с трудным поведением – 160–180 человек (Vaiko teisių apsaugos 2009). Если количество детей в государственных детских домах сократилось, с 2554 человек в 2007 г. до 441 в 2011 г., то в детских домах в региональном ведомстве, наоборот, количество воспитанников возросло с 993 до 2698 соответственно (Children support centre 2012). Устройство в семейные детские дома развивается гораздо меньшими темпами: если в 2007 г. было устроено 276 человек, то в 2011 г. – 373 человека. Аналогично медленно развивается и патронатное воспитание: уменьшается как количество патронатных семей, так и детей, которые воспитываются на патронате (см. табл.).

Таблица

Динамика развития патронатного воспитания

Год	Количество патронатных семей	Количество детей, принятых на воспитание
2000	49	391
2006	37	279
2007	36	270
2009	39	295

Источник: (Lietuvos Respublikos 2010).

Эксперты сходятся во мнении, что стагнация в развитии патроната обусловлена нежеланием муниципальных властей тратить средства на поддержку патронатных семей – именно на местное самоуправление и возложены обязанности по развитию патроната (Snieškienė 2009).

Сочетание недостатка ресурсов с тенденцией усиливать контроль за родителями становится значительным риском для развития сотрудничества между специалистами и семьями. Анализ политики в отношении неформальной опеки над детьми мигрантов подтверждает данное предположение.

Регуляция неформальной опеки над детьми родителей-мигрантов в Литве

Исследование Института защиты прав детей (Vaiko teisių 2007) показало, что среди опрошенных 9031 детей, чьи родители работают за рубежом, менее двух третей остались с матерью, тогда как порядка 40% на попечении родственников, по преимуществу бабушек и дедушек (более двух третей), старших братьев и сестер – порядка 10%, около 16% – на попечении других родственников. Порядка 4% находятся под неформальной опекой соседей и друзей семьи. Несколько десятков подростков старшего возраста указали, что живут самостоятельно – в квартирах, которые для них снимают их родители. Исследование показало, что одним из наиболее травматичных последствий передачи ребенка на попечение из-за миграции родителей становится смена места жительства у одной пятой всех опрошенных – все дети подтвердили, что пережили длительный стресс из-за необходимости сменить места проживания и школы. Чуть менее трети детей, проживающих с бабушками и дедушками, указали на то, что скорее они заботятся о своей семье, чем прародители о них.

Опрос почти десяти тысяч сотрудников школ и детских садов показал, что от 75 до 91% педагогов (на селе показатель выше, чем в городах) в курсе семейной ситуации ребенка, чьи родители уехали работать в другую страну. Педагоги указывают на разнообразные трудности, которые начинают отличать поведение ребенка, чьи родители уехали: снижение мотивации к учебе, недостатки поведения, пропуски занятий. Вместе с тем педагоги указывают на проблему затруднений в налаживании контактов с теми, кто заботится о ребенке. Обычно эти взрослые избегают коммуникации со школой. Отсутствие у них официального статуса опекуна приводит к тому, что у ребенка фактически нет того законного представителя, с которым могли бы решаться разнообразные вопросы обеспечения по-

требностей ребенка. Следует считать проблемой и недостаток информированности городских педагогов по сравнению с сельскими, и педагогов школ – по сравнению с дошкольными учреждениями (Malinauskas 2011). Вместе с тем педагоги, которые осведомлены о ситуации ребенка, даже в случае выявления проблемной ситуации не спешат информировать об этом социальные службы, считая такие действия чрезмерными.

Более половины педагогов школ и детских садов, вовлеченных в исследование, указали на проблему недостаточного интереса тех, кому поручена забота о детях, к их учебному продвижению. Около 6% опрошенных детей подтвердили, что заботящиеся о них взрослые не уделяют им столько внимания, сколько им нужно – часто и в силу того, что взрослые распределяют внимание между своими и принятыми детьми или между старшими и младшими принятыми детьми. Уровень участия в образовании детей дошкольного и младшего школьного возраста со стороны заботящихся был много выше, чем относительно детей старшего возраста: чаще дети указывали на помощь взрослых, их поддержку в детском саду и школе. Если принять во внимание, что в основном речь идет о сельских регионах, то одним из возможных объяснений становится восприятие старших детей как не нуждающихся в заботе, почти взрослых, что также может рассматриваться как один из дополнительных отягощающих факторов. Более трети опрошенных детей школьного возраста указали на то, что их школьные успехи существенно снизились после отъезда родителей, доля детей младшего возраста, признавших такие изменения, была меньше и составила 25%. Опрошенные специалисты расходились во мнении о том, как можно оптимизировать сложившуюся ситуацию. Часть указала на необходимость кооперации семьи и школы, тогда как большинство подчеркивало необходимость усилить контроль за родителями, опекунами и самими детьми.

Стратегия, предлагаемая государством, согласуется с общей тенденцией усиления политики контроля за родительством. Так, инспектор по делам защиты прав детей республики добивалась в период с 2007 по 2009 г. усиления ответственности родителей, которые уезжают и оставляют ребенка на попечение родне, посредством обязательной регистрации и выписывания при отсутствии по месту жительства в период более 6 месяцев. Свою позицию она обосновала ссылкой на Закон об обязанности информировать о постоянном месте проживания (1998). Соответственно после уведомления родителями информация о том, с кем остается ребенок и на каких основаниях, должна передаваться в органы охраны прав детей, которые могут регистрировать такого ребенка как нуждающегося в дополнительной помощи.

Приказ Министерства социальной защиты и труда № А1-145 (2006) «Об изменениях Порядка подтверждения временной опеки над несовершеннолетним» реализовал данные интенции посредством введения отдельного пункта, который обязал родителей, временно оставляющих детей на попечении, предоставить за 30 дней до отъезда подтверждение о том, что ребенок остается на попечении родственника или знакомого с согласия временного опекуна. Это требование было распространено и на ситуацию, когда один из супругов уезжал и с ребенком оставался другой супруг. Предоставление такого подтверждения должно было запускать серию регулярных проверок условий жизни ребенка (с предоставлением отчета в случае обнаружения рисков и проблем) и предписывало опекуну обязательства, соответствующие статусу законного представителя ребенка. И хотя доля зарегистрированных опеки с 2006 к 2009 г. выросла в шесть раз (343 ребенка и 2019 соответственно) (Vaiko teisių apsaugos 2009), по мнению ряда экспертов, общее количество детей, находящихся в родственной неформальной опеке превышает 9000 (Maslauskaitė 2011). Кроме того, было решено, что родитель, который не ставил в известность органы защиты прав ребенка, мог лишиться родительских прав в судебном порядке. Был определен облегченный порядок изъятия ребенка и его временного устройства в учреждение общественного воспитания при обнаружении неисполнения предписаний данного Приказа (Lietuvos Respublikos Socialinės 2007). В конце 2009 г. данный приказ был принят к действию.

Исследование опыта литовских прародителей, направленное на дестигматизацию их статуса в ближайшем окружении и самовосприятии (Maslauskaitė 2011), показало, что бабушки и дедушки с опаской делятся своими трудностями: как по причине недоверия службам охраны детства, так и в силу опасения быть признанными «недействительными». Тенденция выстраивать свою идентичность как части семьи, формулирование запроса на помощь с позиции «мы», типичные для опрошенных прародителей, не согласуются с установками «официальной» охраны детства, которая продолжает игнорировать необходимость переориентации служб и на опеку со стороны родственников (Maslauskaitė 2011: 249). Необходимым условием для эффективной работы с опекунской семьей становится способность помогающих специалистов исходить из разных контекстов ситуации клиента, например оценивать и потребности опекунов, а не только их ресурсы относительно воспитания ребенка, однако такая компетенция встроена в идею баланса безопасности ребенка и уважения к автономии семьи, тогда как императивом служб остается контроль над семьями.

Заклучение

Проблема удаленного родительства и квази-родительства остается значительно менее изученной по сравнению с такими острыми проблемами трудовой миграции, как эксплуатация женского и детского труда, разрушение семейных связей или воссоединение семей мигрантов. Вместе с тем западные исследования семейного взаимодействия в условиях трудовой миграции в первую очередь направлены на дестигматизацию как родителей, которые временно оставляют своих детей на попечение родственникам, так и детей и их опекунов. Эксперты признают неоднозначность того опыта, который приобретают взрослые и дети, но сосредотачиваются на стратегиях оптимизации взаимодействия в семьях, вовлеченных в трудовую миграцию. Соответственно, одной из задач становится выработать и практикам такие стратегии помощи семьям, которые бы минимизировали эффект стигматизации и даже эксклюзии детей и семей в ситуации трудовой миграции родителей. Если политика защиты детства ориентирована на задачу контроля, то специалисты будут существенно ограничены в возможности помогать детям и неформальным опекунам. Именно с этой проблемой и сталкивается современная Литва. Возможно, если бы общим трендом защиты детства не становилось обеспечение безопасности ребенка, стратегия совладания с негативными последствиями миграции была бы более расположена к опекунам и семьям. Приоритет контроля защиты детства в государственной политике обуславливает неэффективность выработанной стратегии и дальнейшее усугубление рисков для демографической ситуации.

Список источников

Ackers L., Stalford H. A Community for Children? Children, Citizenship, and Internal Migration in the EU. Burlington, VT: Ashgate, 2004.

Astra L. Nors gimstamumas didėja, vaikų skaičius mažėja. 2010 // <http://kauno.diena.lt/naujienos/lietuva/nors-gimstamumas-dideja-vaiku-skaicius-mazeja-281202> (дата обращения: 12.10.2013).

Barcevičius E., Žvalionytė D. (eds.) Užburtas ratas? Lietuvos gyventojų grįžtamoji ir pakartotinė migracija. Vilnius: Vaga, 2012.

Bader V. Moral, Ethical, and Realist Dilemmas of Transnational Governance of Migration // American Behavioral Scientist. 2012. Vol. 56. № 9. P. 1165–1182.

Botcheva L.B., Feldman S.S. Grandparents as Family Stabilizers during Economic Hardship in Bulgaria // International Journal of Psychology. 2004. Vol. 39. № 3. P. 157–168.

Children support centre. Situation of small children protection in Lithuania: Executive Report. Poland: Nobody's Children Foundation, 2012.

Duvel F. Clandestine Migration in Europe // Social Science Information. 2008. Vol. 47. № 4. P. 479–497.

Farmer E., Selwyn J., Meakings S. Other Children Say you're not Normal because You Don't Live with Your Parents // Child & Family Social Work. 2013. Vol. 18. № 11. P. 25–34.

International Monetary Found. World economic outlook: slowing growth, rising risks. USA: Washington DC, 2011.

Grabauskas V., Kalediene R. Tackling Social Inequality through the Development of Health Policy in Lithuania // Scandinavian Journal of Public Health. 2002. № 30. P. 12–19.

Kanopiene V. Intergenerational Communication in Lithuanian Families // Socialnis darbas. 2012. Vol. 11. № 2. P. 245–256.

Lietecq B., Bailey S., Porterfield F. „We Have No Rights, We Got No Help“: the Legal and Policy Dilemmas Facing Grandparent Caregivers // Journal of Family Issues. 2008. Vol. 29. № 8. P. 995–1012.

Lietuvos Respublikos Socialinės apsaugos ir darbo ministro 2007 m. gegužės 28 d. įsakymu. Nr. A1-145 „Dėl Lietuvos Respublikos socialinės apsaugos ir darbo ministro 2002 m. balandžio 18 d. įsakymo Nr. 56 „Dėl vaiko laikinosios globos (rūpybos) nuostatų patvirtinimo“ // <http://tar.tic.lt/Default.aspx?id=2&item=results&aktoid=4E3FD1CC-18F9-4213-8C4E-2675493A02FF> (дата обращения: 12.10.2013).

Lietuvos Respublikos 2010 m. vasario 11 d. Nr. XI-681 „Šeimynų įstatymas“ // http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=365491&p_query=&p_tr2= (дата обращения: 12.10.2013).

Malinauskas G. „This Child Is Also Mine“: A Narrative Approach to the Phenomenon of Atypical Custodial Grandparenthood Academic Dissertation to be presented, with the permission of the Faculty of Social Sciences of the University of Lapland, 2011.

Mazzucato V., Schans D. Transnational Families and the Well-Being of Children: Conceptual and Methodological Challenges // Journal of Marriage and Family. 2011. Vol. 73. № 4. P. 704–712.

Migration profile. Vilnius: Statistics Lithuania, 2010.

Paas T., Hinnosaar M., Masso J., Szirko O. Social Protection Systems in Baltic States. Tartu: Tartu University, 2004.

Pantea M. Young People's Perspectives on Changing Families' Dynamics of Power in the Context of Parental Migration // Young Nordic Journal for Research on Youth. 2011. Vol. 19. № 4. P. 375–395.

Scherlok C. Gender, Family Unity and Migration: Discourses and Dilemmas // Stalford H., Currie S., Vwelluti S. Gender and Migration in the 21st Century. London: Ashgate, 2009.

Simpson G., Lawrence-Webb C. Responsibility Without Community Resources: Informal Kinship Care Among Low-Income, African American Grandmother Caregivers // Journal of Black Studies. 2009. Vol. 39. № 6. P. 825–847.

Snieškienė D. The Development of Foster Family Care in Post-Communist Countries: The Experience of Lithuania // *Adoption & Fostering*. 2009. Vol. 33. № 4. P. 34–43.

Socialinis pranešimas 2009–2010 m. Socialinės apsaugos ir darbo ministerija // <http://www.socmin.lt/index.php?-1351634479> (дата обращения 12.10.2013).

Tiongson E., Paci P., Walewski M., Liwinski J., Stoilkova M. Internal Labor Mobility in Central Europe and the Baltic Region // The World Bank, 2007 // <http://elibrary.worldbank.org/content/book/9780821370902> (дата обращения: 12.10.2013).

Vaiko teisių apsaugos kontrolieriaus įstaigos 2007 metų ataskaita // http://www.eoi.at/d/Jahresberichte/Litauen/2007_metu_veiklos_ataskaita.pdf (дата обращения: 12.10.2013).

Vaiko teisių apsaugos kontrolieriaus įstaigos 2009 metų ataskaita // <http://www3.lrs.lt/docs2/TTVQIDQD.PDF> (дата обращения: 12.10.2013).

Wall K., Aboim S., Cunha V., Vasconcelos P. Families and Informal Support Networks in Portugal: the Reproduction of Inequality // *Journal of European Social Policy*. 2001. Vol. 11. № 3. P. 213–233.

Woolfson Ch. 'Hard Times' in Lithuania: Crisis and 'Discourses of Discontent' in Post-Communist Society // *Ethnography*. 2010. Vol. 11. № 4. P. 487–514.

Перевод с англ. Виктории Шмидт

В поисках стратегии защиты детей в Кыргызстане: глокализация роли местного самоуправления

Рахат Орозова, Виктория Шмидт

Социальная политика в бывших советских республиках Средней Азии – предмет пристального внимания экспертов международных организаций (Кокина, Багдасарова 2013; Хартблей, Айылчиева 2013). Статистические данные подтверждают, что Кыргызстан, как и другие страны Средней Азии, отличается высоким уровнем общей и детской бедности, несмотря на значительное снижение показателей бедности по сравнению с концом 1990-х гг. (Guillo, Torgasheva, Denisenko 2013). Доля детского населения в этих странах значительна (более трети всего населения), а инфраструктура защиты детей ограничена в обеспечении доступа к социальным правам и соответствующим службам (Науманн 2011). Об этом свидетельствуют и показатели младенческой смертности, и доступ детей к образованию, и количество детей, помещенных в учреждения общественного воспитания (Guillot, Torgasheva, Denisenko 2013). Характерной тенденцией остается географическое измерение проблем социального благополучия: от лучшей ситуации в городе и северных регионах к значительно худшей на селе и в южных регионах (Paasiaro 2009).

Исследование в рамках проекта "Занятость лучших молодых ученых" (CZ.1.07/2.3.00/30.0037), при поддержке Европейского социального фонда и государственного бюджета Чешской республики.

Высокие риски политической нестабильности, этнические конфликты, экономический кризис в сочетании с особой значимостью региона для международной геополитики располагают к прикладным исследованиям, которые в основном решают задачу сбора социального анамнеза и примерки возможных стратегий оптимизации. По преимуществу презентация результатов исследований ограничивается соотнесением актуального уровня обеспечения прав и ответственности акторов (Babajanian 2011). Рефлексия того, как ожидания от защиты детства, которые формулируются в глобальных терминах, связываются с локальными контекстами, остается за рамками многочисленных отчетов и международных экспертиз. Задачей главы становится апробация теоретического подхода к возможности совместить интернациональные стандарты защиты детей с социально-исторической траекторией развития местных практик семейной жизни и воспитания детей.

Международные регуляции прав ребенка: куда приводят идеалы?

Международные регуляции защиты детей можно считать универсальными только на уровне деклараций: закрепленные в Конвенции о правах ребенка (ратифицированной Кыргызстаном в 1994 г.) ценности и нормы являются во многом западноцентричными. Эксперты до сих пор ведут дискуссию относительно возможностей и границ применения международных норм, особенно относительно стран, социальное развитие которых значительно отличается от западного пути (Kelly et al. 2012). Жесткость критики в адрес Конвенции можно рассматривать и как ответную реакцию на распространяющуюся практику придавать международным регуляциям прав человека статус магического средства для убыстрения развития отстающих стран.

Непримиримые критики указывают на насаждение типичного западного образа «правильного» детства: особый, повышенный уровень защиты от тяжестей жизни, готовность окружающих взрослых жертвовать своими интересами во имя ребенка, поддержка изоляции детей от опасностей как основополагающий международный стандарт (Kehily 2009). Между тем большинство детей не только не вписывается в данный стандарт правильного детства, но и нуждается совсем в иных подходах к защите. Например, вопрос соотношения права на труд и права на образование не так легко разрешить для детей, проживающих в странах Азии и Африки. Присущая международным миссиям практика ограничи-

вать труд несовершеннолетних в пользу их образования входит в конфликт с намерениями многих подростков, которые, по данным ряда исследований, предпочитают работать (Kelly et al. 2012; Miller 2005). Вместе с тем компромисс между правом на образование и правом участвовать в принятии решений возможен только при условии пересмотра приоритетов и гибком подходе к международным нормам (Burman 1996). Фактически, применение международных норм в качестве корсета, который должен выправить развитие институтов и подходов к защите детей, рассматривается как продвижение, причем весьма агрессивное, западных норм и представлений, что неизменно приводит к утрате чувствительности к социокультурным особенностям региона (Therborn 1996).

Более умеренная критическая позиция, которая утверждает возможность применения международных норм и в странах, исторический бэкграунд которых весьма далек от «географических» контекстов происхождения международного права, основывается на признании в качестве основного достоинства Конвенции ее открытости для интерпретации (Lee 1996). Как и другие акты международного права, Конвенция по правам ребенка понимается как предзаконный институт, который во многом действует как средство самозащиты общества от произвола (Verschraegen 2002: 263). Рефлексивные подходы к пониманию Конвенции сосредоточены на двух основных аспектах: с одной стороны, на идеях вокруг ребенка, детства и родительства, с другой – на функционировании традиционных институтов защиты детей и недавно появившихся организационных форм.

Современные дискурсы детства: электика vs. рефлексия

Развитие представлений о должном воспитании ребенка можно представить как наслаивание различных систем норм и дискурсов вокруг детства. Современный академический дискурс о ребенке образован как преемственностью, так и разрывами в этих представлениях. Привычные схемы изучения детства, представленные периодизациями развития и теориями социализации, в некоторых источниках маркируются как «предсоциологическая теоретизация детства», тогда как современные штудии детства (*childhood studies*) определяются как «социологизация детства» (Kehily 2009). Если корпус предсоциологических теорий детства и воспитания сводил развитие ребенка «к выделению трех или большего количества стадий, дороге к взрослению, переходу от

внесоциального существа к полноценному члену общества» (Prout 2005: 50), то современное понимание детства обусловлено диверсификацией и дестабилизацией статуса современного ребенка, что требует пересмотра прежних рамок понимания развития ребенка (James, James 2004). Так, Бурман рассматривает развитие ребенка как неоднородный процесс, состоящий из многих не только самостоятельных по отношению друг к другу направлений, но и часто входящих в противоречие, как, например, развитие в рамках требований школьной программы и одновременно киберсреды, которая становится все более привычной многим детям. Чем сложнее становится феномен детства, тем более комплексным должно становиться и его осмысление. Ник Ли ввел концепт двойного статуса ребенка – более привычного, сложившегося в рамках предсоциологического подхода, *ребенка становящегося* (child becoming), и отвечающего современным гуманистическим принципам смысла в жизни «здесь и теперь» *ребенка живущего* (child being) (Lee 1996).

Двойной статус ребенка часто трансформируется в дилемму и даже конфликт двух статусов – в ситуации несогласия между детьми и родителями относительно планирования времени или в ситуации кризисной интервенции, когда службы ограничивают родителей, не способных обеспечить развитие ребенка в соответствии с требованиями, которые предъявляются взрослому. Международные регуляции рассматриваются как один из инструментов достижения баланса в первую очередь посредством предоставления равных гарантий участия основным акторам защиты детей, включая самих детей.

Защита детей: (дис)баланс приватного и публичного?

Возможно, наиболее заметным проявлением Конвенции в действии становится развитие системы институтов, которые обеспечивают право ребенка быть услышанным и как индивида, и как представителя группы с таким же высоким риском ущемления прав как, например, женщины, инвалиды, этнические меньшинства. Доступ ребенка к публичному высказыванию часто рассматривается как ключевая гарантия его индивидуальной безопасности: например, ребенок может самостоятельно сообщить о нарушении его прав посредством существующих горячих линий, процедур заслушивания мнения ребенка в суде. Вместе с тем такие формы, как, например, детский парламент, самоуправление в школах, представляют коллективные права детей. Оба направле-

ния поддерживают противопоставление приватной сферы как продуцирующей риски для ребенка и публичной сферы как пространства, обеспечение доступа в которое следует считать ключевым условием для защиты прав ребенка, в первую очередь от насилия в семье. Противопоставление публичного и приватного при таком подходе и становится предметом критики со стороны тех, кто поддерживает необходимость баланса статусов современного ребенка.

Предпочтение права быть услышанным становится риском для сохранения эмоциональных связей ребенка и родителей, если интерес ребенка будет последовательно противопоставляться интересам взрослых. Например, борьба против физических наказаний ребенка не может ограничиваться ужесточением ответственности родителей. Задача усилить восприимчивость родителей к более гуманным стратегиям воспитания должна становиться и задачей специалистов, общества и государства (Zolotor, Putka 2010: 244). Институционализация коллективных интересов детей как социального меньшинства (различные формы детского самоуправления, которые не обходятся без участия взрослых) все чаще рассматривается как новая сеть служб и профессионалов, в пользу которых и отчуждается ребенок (Reynaert, Bouverne-de-Bie, Vandeveld 2009) и которая фактически возвращается к прежнему предсоциологическому пониманию ребенка.

Коллизии отношений между приватным и публичным в защите детей непосредственно связаны с изменяющимся концептом семьи и рефлексией этого процесса. Прежде доминировавшее противопоставление приватного и публичного в пользу того или иного пространства как лучшего или, наоборот, опасного с точки зрения обеспечения прав уступает место усложненному пониманию связей между приватным и публичным. Представляется, что совмещение двух перспектив – идеологической, направленной на обесценивание сложности статуса ребенка в современном мире, и институциональной, позиционирующей отношения между приватным и публичным, позволит разработать более эффективный аналитический инструмент для изучения проблем в таком регионе, как Кыргызстан.

Можно выделить четыре основных подхода к пониманию роли семьи и родительства в соотношении приватного и публичного: либеральный, гражданственный, исторический и феминистский (Ribbens, McCarthy, Edwards 2001). Данные подходы в первую очередь отличаются тем, как решают конфликт интересов ребенка и родителей и примиряют различные статусы ребенка.

Либеральный подход: монополия утилитарного

Либеральный подход признает частную и публичную сферы как равнозначные для успешного развития ребенка. Либеральный подход основывается на том концепте семьи, который стал формироваться в индустриальный период, когда семья перестала быть единицей производства, но стала посредником между обществом и отдельными членами семьи, фактически между публичной и частной сферами. Семья получает автономию в выборе стратегий воспитания ребенка «в обмен» на исполнение ожиданий со стороны государства, рынка и общества. Эксперты указывают на тенденцию усложнения и ужесточения этих ожиданий (Miller 2005), а границы сферы частного, т.е. того, куда не стоит вмешиваться, остаются основным вопросом защиты ребенка (Beck-Gernsheim 1998). По преимуществу либеральный подход уповает на прозрачные процедуры принятия решения в ситуации конфликта интересов ребенка и родителей. Однако состязательной процедуры и обеспечения доступа к ней недостаточно, поскольку наличие процедуры не гарантирует применение тех изолированных критериев оценки ситуации, которые основываются на современных дискурсах детства (White 1998). По мнению экспертов, либеральный подход ограничен в оперировании такими усложненными конструкциями, как, например, двойной статус ребенка, поскольку в этом подходе приоритет отдается ребенку становящемуся. Наиболее радикальные критики либерального подхода указывают на его утилитарность в понимании миссии защиты ребенка (Burman 1998). Вместе с тем либеральный подход остается одним из основных в проектах, направленных на оптимизацию защиты детей в Кыргызстане.

Международные акторы требуют от Кыргызстана построения системы реагирования на риски, которые могут возникнуть вследствие «неправильного» ухода и заботы о детях путем создания палитры социальных служб (Хартблей, Айылчиева 2013). Исследование, проведенное в 2008 г. (Национальное исследование 2009), выявило в Кыргызстане многочисленные случаи жестокого обращения с детьми. Из 2132 опрошенных детей 72,7% заявили, что им приходилось сталкиваться с проявлениями насилия в семье и/или пренебрежением со стороны родителей, 51% сталкивались с устными оскорблениями со стороны взрослых, 38,7% – с психологическим насилием, 36,6% подвергались физическому, а 1,6% – сексуальному насилию. Вместе с тем государственные приоритеты направлены на создание системы служб, которые бы оказывали поддержку семьям.

Согласно Стратегии развития социальной защиты населения Кыргызстана на 2012–2014 гг. (Стратегия 2012), учреждения общественного воспитания должны реформироваться в центры дневного пребывания, кризисные центры и другие службы, нацеленные на сохранение ребенка в семье. Однако остается не вполне ясным, как службы предполагают оценивать перспективы семьи и ребенка, какими критериями оперировать при планировании вмешательства и прогнозировании – до какой степени индикаторы будут ориентированы на баланс статусов ребенка?

Обратной стороной распространения либерального подхода становится готовность специалистов сегрегировать детей с особыми нуждами. В ходе обучающего семинара осенью 2013 г. в рамках пилотного проекта по деинституционализации (UNDP 2013) были собраны наиболее распространенные мнения специалистов, противопоставляющие правильное воспитание в учреждении вредным практикам в семье. *«Специальный профессиональный уход, стабильные комфортные условия пребывания ребенка»* считаются аргументом для изъятия ребенка из «неблагополучной семьи». Чаще всего специалисты противопоставляют «семейную грязь» чистоте учреждения:

Отправляя детей на выходные в свои семьи, мы очень переживаем за их безопасность. В понедельник они возвращаются к нам голодные и грязные, без той новой одежды, в которую мы их одевали на пребывание в выходные дни в семье (директор специальной школы).

Специалисты уверены и в том, что «неблагополучные родители» не могут измениться и заботиться о своих детях:

Мамы, оставляющие детей в нашем учреждении, как правило, алкоголички, наркоманки, проститутки. Мы справляемся с уходом за этими детьми. Но если мы будем навешивать этим матерям воспитание и уход за детьми с помощью каких-то новых центров, то эти дети окажутся в крайнем риске (социальный педагог Дома ребенка).

Сложная инвалидность, хроническое заболевание, требующие кропотливого ухода, воспринимаются специалистами как достаточный довод для того, чтобы минимизировать заботу о ребенке и фактически оставить его на произвол судьбы. Именно эта практика имеет место в ряде учреждений, когда «трудных» детей селят в отдельных помещениях. Обсуждения с родителями указывают и на их готовность относиться таким же образом к собственным детям,

которых невозможно воспринимать как инвестицию в будущее (Zakirova-Engstrand, Granlund 2009). Насколько последовательно международные инициативы развивают критическую аргументацию, столь востребованную в сфере развития новых служб? Представляется, что как у сторонников просемейной стратегии, так и у адептов профилактической стратегии не всегда можно обнаружить исчерпывающую аргументацию против монополии идеи (бес)полезности ребенка как основы принятия решения и деятельности служб.

Одной из причин сохранения приоритета либерального подхода становится неотложная необходимость отвечать на сложные вызовы защиты детей в современном Кыргызстане. Экономическая стагнация в 1990-е гг. спровоцировала новые угрозы детям: сексуальный трафик, вовлечение детей в организованную преступность, эксплуатация детского труда (Науманн 2011). Эти вызовы связаны с необходимостью дополнительных гарантий безопасности ребенка, которые вписываются в аргументацию либерального подхода. Однако такой подход может заблокировать развитие столь желанных форм семейного устройства и деинституционализацию, поскольку смысл последних во многом оправдывается гуманистическим, а не утилитарным подходом к ребенку. Альтернативу либеральному подходу составляют гражданственный, исторический и феминистский подходы, которые предлагают различные варианты институционального решения задачи уравновесить статусы ребенка становящегося и живущего (Ribbens, McCarthy, Edwards, 2001).

Гражданственный подход: от пропаганды ценностей к адвокации прав

Гражданственный подход противопоставляет сферу публично-государственному и другим сферам властной манипуляции (например, обществу потребления), указывая на доступ к публичной политике как основной ресурс обеспечения прав (Edward, McCarthy 2004). Нередко именно этот подход используется для обоснования движений родителей и детей (Zolotor, Putka 2010). Коллективистский характер действия никоим образом не уменьшает роль индивида, который, получив доступ к публичной сфере посредством участия, разрешает противоречие между публичным и приватным, утверждая свои права.

Мониторинг осуществляемых инициатив по деинституционализации детей с особыми нуждами убеждает в востребованности

участия родителей, особенно в условиях проведения реформ в режиме «сверху вниз», который остается типичным для Кыргызстана и других стран бывших республик СССР (Хартблей, Айылчиева 2013). Примером гражданского подхода в Кыргызстане может быть деятельность Ассоциации родителей детей-инвалидов (АРДИ), ее направленных действий по включению в мониторинг потребностей целевых групп (Хартблей, Айылчиева 2013). История проектов, которые реализуются АРДИ на протяжении 18 лет, подтверждает, что роль инициатив по защите и продвижению прав родителей и детей постоянно возрастает. Если ранние проекты были нацелены на распространение информации, сбор средств, психологическую поддержку, то в последние несколько лет была создана правовая клиника, в которой студенты юридических факультетов консультируют родителей и ведут дела по обеспечению их прав (Фонд Сороса 2012). В кыргызском обществе сложился стереотип, что дети с ограниченными возможностями рождаются в семьях группы риска и что семья должна со смирением воспринимать рождение такого ребенка, поскольку это прямое следствие неправильного поведения самой семьи (Коккина, Багдасарова 2013). Преодолевая сложившийся стереотип, члены АРДИ проводят многочисленные акции, демонстрируя и пропагандируя позитивный образ и культуру инвалидности. Они добиваются активного участия и самих детей с ограниченными возможностями в праве выбора формы образования: специального, общеобразовательного или надомной формы обучения.

Развитие гражданских инициатив в Кыргызстане разделяется экспертами на три этапа: достаточно хаотическое в первые годы после обретения независимости в 1993 г., направленное формирование организаций при участии государства и международных организаций в период с 2000 по 2007 г., и стратегия локальных проектов, которая получила распространение после 2010 г. (Babajanian 2011). Значительная часть проектов, инициированных и поддерживаемых международными организациями после 2010 г., направлена на возрождение общинной помощи: созданы около 350 общинных детских садов на юге Кыргызстана при поддержке ЮНИСЕФ, организованы группы самопомощи по строительству домов для малоимущих и многодетных граждан при поддержке программы «Хабибат», благодаря фонду Help Age International созданы общественные комитеты здоровья, поддержки и реабилитации одиноких граждан пожилого и престарелого возраста, поддерживаются общины людей с ограниченными возможностями (Beuer 2013). Выбор в пользу местных сообществ как ключевых

проводников трансформации был обусловлен целым рядом событий в период с 2007 по 2010 г.: экономическим кризисом 2007–2009 гг., политическим переворотом весной 2010 г., межэтническими конфликтами на юге страны в 2010 г. с многочисленными жертвами и массовыми разрушениями государственного и частного имущества, в результате которого 3433 детей лишились одного из родителей (Науманн 2011). Одним из следствий стала активизация внутренней миграции с юга на север, которая вынудила людей селиться в спонтанно возникающих новостройках вокруг Бишкека. Коммунальные и социальные условия их жизни были настолько низкими, что опыт самоорганизации мигрантов стал одним из последовательных примеров спонтанной гражданской инициативы в условиях социальной изоляции и неприятия со стороны городского населения (Flynn, Kosmarskaya 2012).

Несомненно, развитие практик гражданского подхода зависит от гибкости государственной политики и готовности международных организаций взаимодействовать не с привычными гарантами успеха их инициатив – государственными организациями, а с местными сообществами. Мониторинг международных проектов по развитию гражданских инициатив подтверждает особые трудности вовлечения людей из районов, удаленных от городов, которые одновременно много беднее тех, кто проживает на севере страны и в столице (Babajanian 2011). Фактически эксперты указывают на провал большинства попыток развить систему гражданских инициатив в удаленных районах с преобладанием скотоводства (Paasiaro 2009). Соответственно, одним из условий оптимизации гражданственных инициатив становится переосмысление прошлого и его вклада в современные тенденции социального сеетеобразования за пределами крупных центров.

Исторические контексты современной защиты детей

Исторический подход отстаивает идею трансформации концептов приватного и публичного, как и связи между ними. Значительную роль в его развитии сыграли гендерные и постколониальные штудии, которые усложнили концепт семьи, приписав ему особый статус социального пространства, которое обладает многими функциями публичности. Например, в этом пространстве необходимы регуляция права голоса каждого из живущих в нем, плюрализм мнений и поддержка качества, которое было определено как *betweenness*, связь между членами семьи, которая как разделяет, так и соединяет (Pinnock, Evans 2008). В соответствии с данным

подходом ребенок не может реализовать свое право на автономию, если его родители не обладают таким правом. Например, исследование обеспечения права быть услышанным в ситуации медицинского вмешательства показало, что медицинский персонал настраивается на выслушивание мнения ребенка, если существует практика кооперации врачей и сестер с родителями (Kelly et al. 2012). Примером применения данного подхода к проблеме защиты детей можно считать исследование участия детей в неформальной заботе о пожилых родственниках (Wihstutz 2011). Трудность однозначной квалификации ситуации, при которой дети активно помогают родителям поддерживать болеющих родных, свидетельствует в пользу распознавания семейных отношений как реципрокных и необходимости ограничить зависимое положение ребенка от заботы взрослых как универсальную норму (Wihstutz 2011).

Обоснование взаимообусловленности автономии родителей и детей по преимуществу отсылает к истории соотношения частного и публичного, которое в Кыргызстане обусловлено как возвращением в публичную жизнь ислама, так и усилением кочевого образа жизни. Наблюдается существенное сокращение земель, используемых земледельцами: с 73% в 1990 г. до 27,7% в 2002 г., и соответственно, возрастание площади пастбищ с 6,6 до 50,3% (United Nations 2010). Вместе с тем меняется и форма хозяйствования: если количество государственных скотоводческих ферм не превышает ста, то к 2006 г. в полтора раза увеличивается число частных ферм – до 313 061, и в два раза увеличивается количество крупных коллективных хозяйств – до 1446 (Wihstutz 2011). Увеличилась и доля населения, в том числе и детского, среди тех, кто проживает в условиях кочевания.

Одной из ключевых движущих сил политики семьи и детства в странах, которые сохраняют земледельческо-скотоводческий габитус семейной жизни (и к которым относятся бывшие советские республики Центральной Азии), остаются неформальные связи и помощь сообщества (Reynolds 2012). Опыт стран-соседей, например Монголии, убеждает в том, что инвестирование в исследование исторических традиций и их трансформацию оправдывает себя (Urton et al. 2013). Встает вопрос: как следует позиционировать неформальную социальную сеть? как особенность, которая обладает как позитивными, так и теневыми сторонами; безусловный ресурс для наращивания социального капитала; почти утраченную в истории последних двух веков несущую конструкцию, восстановить которую так сложно? Исторический подход располагает к пониманию перипетий развития неформальных социальных связей в ско-

товодческих сообществах в режиме непрерывной трансформации их функций, в том числе и относительно родительства и детства.

История общинного уклада как фактора современных социальных практик по преимуществу изучается в контексте процессов колонизации и деколонизации, поскольку именно от момента втягивания земледельческо-скотоводческих обществ в системы отношений с индустриально развитыми странами и начинается трансформация устоев и повседневных поведенческих паттернов (Farrington 2005). История вхождения Кыргызстана в состав России делится исследователями на несколько этапов, различие которых важно для дифференциации факторов, повлиявших на изменение соотношения между публичным и приватным, в первую очередь преобразования Кыргызстана из монокультурной общности в мультикультурную. В середине XIX в. начинается добровольное принятие российского гражданства значительной частью влиятельных кыргызских семей, в том числе для защиты от посягательств со стороны Кокандского ханства (Kokaisal, Saparbekova, Michalek. 2008: 38). По преимуществу в состав России входили те семьи и роды, которые уже жили в режиме земледельческо-скотоводческого общества. Соответственно, и традиции родительства, супружества и семейной заботы в этих семьях отличались от прежде доминировавшей культуры кочевания, например позиционированием детей в общем семейном производстве: как члена семьи (в кочевом габитусе) или как принадлежащего семье (как в земледельческо-скотоводческом укладе).

Кочевая кыргызская семья функционировала внутри общины, которая брала на себя большинство функций публичного и вместе с тем регулировала сферу семейных отношений. Разделения приватного и публичного, характерного для западных стран раннего индустриального периода, в кочевом укладе жизни не наблюдалось. Наиболее подходящим теоретическим конструктом для описания соотношения приватного и публичного можно считать понятие светскости (worldliness), введенное Ханной Арендт для противопоставления публичного как социального, противостоящего тотальному одиночеству, и публичного как политического, осуществляющего регуляцию массовых установок (Long 1998). Можно предположить, что не только публичное в тот период исчерпывалось worldliness, но и приватное существовало исключительно в режиме тех обширных и иерархизированных племенных связей, которые составляли социальный скелет кыргызской общины. Отличительными чертами такого уклада жизни, по Арендт, становится чувство *betwenness* – совокупности связей между живущими вместе людьми.

ми, которые как разъединяют, так и объединяют. Разнообразие позиций и устойчивость связей, которые обуславливаются самим кочевым образом жизни, формированием особой системы передачи информации и преемственности действий, которое осмыслялось как членство, в том числе и детей (Long 1998). Это проявлялось и в практике воспитания детей, ответственность за которых несли не только ближайшие родственники, но вся община. Несомненно, переход к оседлому образу жизни внес коррективы в регуляцию отношений между частным и публичным, а также и в детско-родительские отношения, которые приобрели черты патриархального подхода. Дети стали позиционироваться как собственность, которой можно распорядиться (Upton 2013). Присоединение к России, происходившее во второй половине XIX в., усилило развитие аграрного сектора, и содействовало формированию отличающегося от прежнего, кочевого, соотношения между частной и публичной сферами. Данный процесс был усилен и начавшейся в последней трети XIX в. русификацией кыргызского населения. Тогда крестьянские семьи начинают переезжать на территорию современного Кыргызстана в поисках лучших условий ведения хозяйства. Заселение севера территории российскими крестьянскими семьями становится долговременным фактором, под влиянием которого складывается социальный ландшафт, характеризующийся значительными расхождениями в традициях между северной и южной частью (Kokaisl 2013). Вместе с тем русификация и начавшийся процесс урбанизации в начале XX в. приводят к отчуждению детей от семей. И хотя этот процесс сопоставим с распространением практик ограничения роли семьи в воспитании ребенка и в европейских странах, на территории Кыргызстана практики образования и заботы о детях первично касаются детей из обеспеченных семей, а не детей из неблагополучных семей. Только в ранний советский период начинает формироваться сеть приютов и детских домов для детей, пострадавших от последствий гражданской войны и голода.

В советский период скотоводческий тип хозяйствования вытесняется на периферию социума, тогда как неформальные социальные связи, типичные для земледельческих родов перерождаются, сливаются с латентными практиками коррупции и благотворительности, типичной для клановой системы (Kuehnas, Dudwick 2004). Современные историки убеждены, что стремительный распад неформальной сети после обретения независимости в 1993 г. был в значительной степени подготовлен поздним советским периодом, когда сфера публичного утратила любые проявления про-

зрачности (Dadabaev 2010). Уже в первые годы транзита к рыночной экономике происходит резкое ухудшение неформальной взаимопомощи, в первую очередь между теми, кто проживает в сельских регионах, и теми, кто проживает в городе или перебирается туда. Рыночные отношения вытесняют и симбиотические отношения, и прежнюю готовность перераспределять блага от более обеспеченных к менее обеспеченным членам семьи. Наиболее последовательным стало отчуждение между городским населением и мигрантами из села: дискурс чужака, опасного и отталкивающего, стал одной из заметных характеристик постсоветской публичной сферы (Flynn, Kosmarskaya 2012). Увеличение числа детей, находящихся в системе общественного воспитания, можно рассматривать в непосредственной связи с данной тенденцией, поскольку в первую очередь в учреждения попадают «чужие» дети: из самых бедных семей, чьи родители уезжают на заработки; дети-инвалиды, которые воспринимаются как позор семьи.

Несмотря на значительную роль, история должна оставаться только одной из движущих сил, объясняющих, например, доминирование общественного воспитания, несмотря на усилия государства и международных организаций по его деинституционализации. Рефлексия прошлого становится основой пересмотра установок, а не исчерпывающим объяснением, которое может лишить смысла любую реформу. Переосмысление прошлого предполагает освоение подходов, стремящихся не к поиску идеального соотношения между приватным и публичным, но предлагающих репертуар рефлексивных практик, как это достигается, например, в рамках феминистского подхода.

Феминистская перспектива: недостающий элемент идеологии новой охраны детства?

Феминистская перспектива сосредоточена на анализе частного как источника риска ущемления прав тех, кто закрыт в семейной жизни – женщин и детей. Феминистский подход сопоставляет статус женщины и ребенка в протоиндустриальный и индустриальный периоды, и приходит к выводу, что их перемещение в сферу частного существенно ограничило доступ к правам (Burman 1996). Соответственно, обеспечение доступа к публичной сфере предполагает переформатирование ценностей и установок, в том числе и относительно родительства, детства, семейной жизни в целом, в направлении плюрализации. Наиболее последовательно феминистский подход критикует ценности, которые отстаивают

как традиционное гендерное разделение труда, так и отделение мира детей от мира взрослых, ссылаясь на законы природы. Критика указывает как на псевдотрадиционность таких ценностей, поскольку они начинают свое функционирование в качестве незыблемых лишь в XIX в., так и на чрезмерную универсализацию навязываемых представлений, например, о незаменимой роли матери и привязанности к ней ребенка в процессе развития (Morss 1996).

Соответственно, и отделение детей от мира взрослых обусловлено изменением их статуса – с «участников семейного производства» на «инвестицию в будущее». Позднее сопоставление практик воспитания детей в разных культурах содействовало критической ревизии психологии развития и детской психологии (Hook 2004). Феминистская критика психологических теорий, которые позиционируют нормы развития ребенка, стандарты детско-родительских отношений, указывает в качестве главного риска таких концепций минимизацию права ребенка высказаться, отчуждение этого права в пользу мнения эксперта. Позитивным выходом критики становится программа междисциплинарного исследования проблем детства, которая обосновывает необходимость ограничения норм в представлении о развитии и воспитании ребенка (Vigman 1998).

В пользу востребованности данного дискурса свидетельствует нарастающая практика селективного подхода сотрудников учреждений общественного воспитания в современном Кыргызстане, которые поддерживают практику минималистского ухода за детьми, которые признаются неперспективными для последующей социализации. Тем, кто стремится противостоять этой тенденции, трудно обойтись без аргументов в пользу иного отношения, основанного на признании человеческого достоинства главной ценностью вне зависимости от утилитарного значения того или иного ребенка или взрослого. И эти аргументы во многом определены именно феминистским подходом, утверждающим эмансипацию не только как результат, но и как важный процесс выстраивания позиции субъективации прежде подчиненных и объектифицированных детей и женщин.

Как и в других постсоветских странах, феминистская перспектива в Кыргызстане мало представлена как в академическом, так и общественном дискурсе. Исследования, основанные на феминистской риторике, подтверждают востребованность данной методологии, в том числе и как потенциального противовеса нарастающей тенденции исламизации в культуре в целом и в отношении к женщине в особенности (Droeber 2006). Критический анализ женского гражданского движения в Кыргызстане указывает на избегание

участницами феминисткой идеологии, и наоборот, их опору на конвенциональные нормы (Simpson 2006). Уже несколько десятилетий в западных странах дискуссия относительно подходов к пониманию общественной роли женщины в первую очередь обусловлена столкновениями феминистской и современной мусульманской интерпретацией прав, соотношением светских и религиозных норм права (Mernissi 1991). Однако данные дебаты нетипичны для академического пространства бывших республик СССР, что становится одним из ограничений роли женского движения в обеспечении прав и доступа к ним (Simpson 2006). Переосмысление практик воспитания ребенка в общине, особенностей семейного уклада могло бы стать основой такой рефлексии.

Заключение

В этой главе показано сосуществование разнообразных укладов семейной жизни в Кыргызстане, каждый из которых в отдельности и в совокупности требует особых стратегий и мер в отношении детей и родительства. Это является отличительной чертой социальной политики. Будучи продуктом социально-политического и культурного развития, многообразие паттернов семейной жизни, родительства и детства располагает к применению комплексных подходов, направленных на индивидуализацию практик вмешательства. Очевидно, что универалистские стратегии не только неэффективны, но и вредны – как, например, опасно было бы решать проблемы устройства детей за счет интенсификации общественного воспитания. Вместе с тем и диверсификация, и уточнение практик требуют более гибкого консенсуса, а не формального объединения в единую программу стратегий для «продвинутых» и «отсталых» регионов. Современные подходы к пониманию детства на основе различения статусов ребенка могут обеспечить такую стратегию.

Список источников

Кокина А.А., Багдасарова Н.А. Инклюзивное образование в Кыргызстане: первые шаги и новые достижения (на примере истории реабилитационного центра «Умут-Надежда») // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 4. С. 533–546.

Науманн М. Положение детей в Кыргызской Республике. Бишкек: ЮНИСЕФ, 2011.

Национальное исследование по детской бедности и неравенствам в Кыргызской Республике. Бишкек, 2009 // http://www.unicef.org/kyrgyzstan/ru/Child_Poverty_Report_Rus.pdf (дата обращения: 6.12.2013).

Стратегия развития социальной защиты населения Кыргызской Республики на 2012–2014 годы. Утверждена постановлением Правительства Кыргызской Республики от 13.12.2011 № 755 // http://www.google.cz/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0C DQQFjAB&url=http%3A%2F%2Fwww.mlsp.kg%2Fword%2Fstrateg12-14.doc&ei=8LXOUvnnvD6nmywOq-YDICQ&usg=AFQjCNHJ_pK2ICQzSloYJGnFqIq7deChrW (дата обращения: 6.12.2013).

Хартблей К., Айылчиева Г.О. «Воспитание детей без комплексов»: достижения и пробелы инклюзивного образования на севере Кыргызстана // Журнал исследований социальной политики 2013. Т. 11. № 4. С. 517–532.

Babajanian B. Problematising the Community-Contribution Requirement in Participatory Projects: Evidence from Kyrgyzstan // *Development in Practice*. 2011. Vol. 21. № 3. P. 317–329.

Beck-Gernsheim E. On the Way to a Post-Familial Family: from a Community of Need to Elective Affinities // *Theory Culture Society*. 1998. Vol. 15. № 3–4. P. 53–70.

Beyer J. Ordering Ideals: Accomplishing Well-being in a Kyrgyz Cooperative of Elders // *Central Asian Survey*. 2013. Vol. 32. № 4. P. 432–447.

Burman E. Local, Global or Globalized? Child Development and International Child Legislation // *Childhood*. 1996. Vol. 1. № 3. P. 45–66.

Burman E. (ed.) *Deconstructing Feminist Psychology*. London: Sage, 1998.

Hook D. (ed.) *Critical Psychology*. Cape Town: UCT Press, 2004.

Dadabaev T. Power, Social Life, and Public Memory in Uzbekistan and Kyrgyzstan // *Inner Asia*. 2010. Vol. 12. № 1. P. 25–48.

Droeber J. Back to Islam? Women's Sexualities and Body-Politics in Muslim Central Asia // *Hawwa*. 2006. Vol. 4. № 2–3. P. 181–213.

Edward B., McCarthy J. Resources and Social Movement Mobilisation // Snow, Souli, Kriesi (eds.) *The Blackwell Companion to Social Movements*. Oxford: Blackwell, 2004.

Farrington J.D. De-Development in Eastern Kyrgyzstan and Persistence of Semi-nomadic Livestock Herding // *Nomadic Peoples*. 2005. Vol. 9. № 1–2. P. 171–197.

Flynn M., Kosmarskaya N. Exploring “North” and “South” in Post-Soviet Bishkek: Discourses and Perceptions of Rural-Urban Migration // *Nationalities Papers*. 2012. Vol. 40. № 3, 1. P. 453–471.

Guillot L., Torgasheva L., Denisenko M. Infant Mortality in Kyrgyzstan before and after the Break-up of the Soviet Union // *Population Studies*. 2013. Vol. 67. № 3. P. 335–352.

James A., James A. *Constructing Childhood: Theory, Policy and Social Practice*. Great Britain: Palgrave, 2004.

Kehily M.J. (ed.) *Introduction to Childhood Studies*. London: Open University Press, 2009. P. 2–17.

Kelly M., Jones S., Wilson V., Lewis P. How Children's Rights are Constructed in Family Care: a Review of the Literature // *Journal of Child Health Care*. 2012. Vol. 16. № 2. P. 190–205.

Kokaisl P. The Lifestyles and Changes in Culture of Afghan Kyrgyz and Kyrgyz in Kyrgyzstan // *Asian Ethnicity*. 2013. Vol. 14. № 4. P. 407–433.

Kokaisal P., Saparbekova J., Michalek P. Kyrgyzstán a Kyrgyzové. Plzeň: Západočeská univerzita, 2008.

Kuehnas K., Dudwick N. Better a Hundred Friends than a Hundred Rubles?: Social Networks in Transition. The Kyrgyz Republic. Washington, DC, USA: World Bank Publications, 2004.

Lee N. The Challenge of Childhood: Distributions of Childhood's Ambiguity in Adult Institutions // *Childhood*. 1996. November 6. P. 455–474.

Long C.P. A Fissure in the Distinction : Hannah Arendt, the Family and the Public/Private Dichotomy // *Philosophy Social Criticism*. 1998. Vol. 24. № 5. P. 85–104.

Mernissi F. The Veil And The Male Elite: A Feminist Interpretation Of Women's Rights In Islam. Great Britain: Perseus book Publishing, 1991.

Miller P. Useful and Priceless Children in Contemporary Welfare States // *Social Politics*. 2005. Vol. 12. № 1. P. 3–41.

Morss J. Growing Critical: Alternatives to Developmental Psychology. London: Routledge, 1996.

Paasiaro M. Home-grown Strategies for Greater Agency: Reassessing the Outcome of Civil Society Strengthening in Post-Soviet Kyrgyzstan // *Central Asian Survy*. 2009. Vol. 28. № 1. P. 59–77.

Pinnock K., Evans R. Developing Responsive Preventative Practices: Key Messages from Children's and Families' Experiences of the Children's Fund // *Children & Society*. 2008. Vol. 22. № 2. P. 86–98.

Prout A. The Future of Children. Great Britain: Routledge Falmer, 2005.

Reynaert D., Bouverne-de-Bie M., Vandevelde S. A Review of Children's Rights Literature Since the Adoption of the United Nations Convention on the Rights of the Child // *Childhood*. 2009. Vol. 16. № 4. P. 518–534.

Reynolds R. Homemaking, Homebuilding, and the Significance of Place and Kin in Rural Kyrgyzstan // *Home Cultures*. 2012. Vol. 9. № 3. P. 285–302.

Ribbens J., McCarthy, Edwards R. Illuminating Meanings of 'the Private' in Sociological Thought: A Response to Joe Bailey // *Sociology*. 2001. Vol. 35. № 3. P. 765–777.

Simpson M. Local Strategies in Globalizing Gender Politics: Women's Organizing in Kyrgyzstan and Tajikistan // *Journal of Muslim Minority Affairs*. 2006. Vol. 26. № 1. P. 9–31.

Therborn G. The Politics of Childhood: The Rights of Children in Modern Times // *Childhood*. 1996. Vol. 3. № 1. P. 29–44.

UNDP. Staff of Chui oblast social care institutions participated in a workshop on minimum standards of social care. 15.08.2013 // <http://www.undp.org/content/kyrgyzstan/en/home/presscenter/articles/2013>

/08/15/staff-of-chui-oblast-social-care-institutions-participated-in-a-workshop-on-minimum-standards-of-social-care/ (дата обращения: 6.12.2013).

United Nations Economic Commission for Europe Country. Profiles on the Housing Sector: Kyrgyzstan. New York and Geneva: United Nations, 2010 // <http://www.unecce.org/fileadmin/DAM/hlm/documents/Publications/cp.kyrgyzstan.e.pdf> (дата обращения: 6.12.2013).

Upton C., Moore K., Nyamsuren N., Batjargal E. Community, Place and Pastoralism: Nature and Society in Post-Soviet Central Asia. Mongolia Country Report. UK: University of Leicester, 2013.

Verschraegen G. Human Rights and Modern Society: a Sociological Analysis from the Perspective of Systems Theory // Journal of Law and Society. 2002. Vol. 29. № 2. P. 258–281.

White S. Interdiscursivity and Child Welfare: The Ascent and Durability of Psycho-legalism // Sociological Review. 1998. 46, 2. P. 264–292.

Wihstutz A. Working Vulnerability: Agency of Caring Children and Children's Rights // Childhood. 2011. Vol. 18. № 4. P. 447–459.

Zakirova-Engstrand R., Granlund M. The International Classification of Functioning, Disability and Health – Children and Youth (ICF-CY): testing its utility in classifying information from eco-cultural family interviews with ethnically diverse families with children with disabilities in Kyrgyzstan // Disability and Rehabilitation. 2009. Vol. 31. № 12. P. 1018–1030.

Zolotor A., Putka M. Bans against Corporal Punishment: a Systematic Review of the Laws, Changes in Attitudes and Behaviours // Child Abuse Review. 2010. Vol. 19. № 4. P. 229–247.

Информация об авторах

Виктория Антонова – доктор социологических наук, Ph.D, профессор кафедры общей социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия

Светлана Бирюкова – кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра анализа доходов и уровня жизни, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия

Анна Гнедаш – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Ангеле Каушлиене – доктор социальных наук, доцент, Институт социальной коммуникации, Литовский университет образовательных наук, Вильнюс, Литва

Ирена Лелиюgiene – доктор социальных наук, профессор, Институт образования и социальной работы, университет Миколо Ромерис, Вильнюс, Литва

Муницр Маммададзе – магистр прав ребенка, менеджер проекта по защите детей ЮНИСЕФ, Азербайджан, Баку

Маргитта Матцке – Ph.D, профессор Института публичной сферы и социальной политики, университет Кеплера, Линц, Австрия

Рахат Орозова – магистр социальной работы и социального менеджмента, преподаватель Академии Управления при Президенте Кыргызской Республики, национальный эксперт ЮНИСЕФ в Кыргызстане

Илона Остнер – Ph.D, профессор института социологии университета Геттинген, Германия

Татьяна Резвушкина – магистр социологии, преподаватель кафедры политологии и социологии Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

Павел Романов – доктор социологических наук, профессор кафедры социально-экономических систем и социальной политики, главный редактор Журнала исследований социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва; директор Центра социальной политики и гендерных исследований, Саратов, Россия

Стивен Саксонберг – Ph.D, профессор кафедры социальной политики и социальной работы факультета социальных исследований, Университет Масарика, Брно, Чешская Республика

Ирина Соломатина – магистр культурных и визуальных исследований, докторант по социальным наукам, эксперт Центра европейских исследований, Минск, Беларусь

Алла Тындик – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва

Хана Хашкова – Ph.D (социология), научный сотрудник отделения «Гендер и социология», Институт социологии Академии наук Чешской Республики, Прага, Чешская Республика

Жанна Чернова – доктор социологических наук, доцент кафедры социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Санкт-Петербург, Россия

Татьяна Щурко – социолог, независимый исследователь, аспирант Международной Ph.D-программы для Беларуси Института политических исследований «Политическая сфера», Минск, Беларусь

Виктория Шмидт – кандидат психологических наук, Ph.D (социальная политика), постдокторский исследователь, Институт исследования инклюзивного образования, Университет Масарика, Брно, Чешская Республика

Елена Ярская-Смирнова – доктор социологических наук, Ph.D, профессор кафедры общей социологии, заместитель главного редактора Журнала исследований социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва; научный руководитель Центра социальной политики и гендерных исследований, Саратов, Россия

Научное издание

ПОЛИТИКА СЕМЬИ И ДЕТСТВА
В ПОСТСОЦИАЛИЗМЕ
КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Под редакцией
Виктории Шмидт
Елены Ярской-Смирновой
Жанны Черновой

Редактор:
Надежда Рычкова

Дизайн обложки:
Наталья Феоктистова

Макет:
Андрей Шиманский

ООО «Вариант»
115093, г. Москва, ул. Б. Серпуховская, 44-19
E-mail: a1605@mail.ru

Подписано в печать: 26.03.2013.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печ. листов 17,75. Тираж 1000 экз.
Заказ №175.

Отпечатано в ООО «Вариант»
115093, г. Москва, ул. Б. Серпуховская, 44-19.